

МОНГОЛОВЕДЕНИЕ

МОНГОЛ СУДЛАЛ

MONGOLIAN STUDIES

Элиста
2002

9В-91.1М.0417

Монголоведение

№1

02

Научно-исследовательская
Государственная академия наук
и высшей школы Республики Калмыкия
"Институт гуманитарных исследований"
Иркутск

Научное издание

**Печатается по решению ученого Совета
Калмыцкого института гуманитарных исследований
Российской академии наук**

Редколлегия:

Н.Г. Очирова (отв. редактор),
Д.Б. Гедеева, Э.У. Омакаева

Компьютерный набор: **М.Б. Горяева**

Рецензенты:

Г.Ц. Пюрбеев, доктор филологических наук
(Москва, Институт языкознания РАН)
Е.Э. Хабунова, кандидат филологических наук
(Элиста, Калмыцкий государственный университет)

**М 77 Монголоведение №1. Научное издание. – Элиста:
АПП «Джангар», 2002. – 200 с.**

Первый выпуск специального серийного издания КИГИ РАН по монголоведению посвящен VIII Международному Конгрессу монголоведов. В сборник вошли статьи отечественных и зарубежных ученых по языкознанию, фольклору, истории, культуре Монголии и Калмыкии. Впервые вводятся в научный оборот уникальные тексты ойратских гадательных сочинений.

Сборник предназначен для монголоведов и широкого круга специалистов и читателей, интересующихся духовным наследием монгольских народов.

В оформлении обложки использована надпись
на старомонгольской письменности, выполненная Н. Содмоном.

ISBN 5-94587-063-3

© Отдел монголоведения КИГИ РАН, 2002.
© Коллектив авторов, 2002.
© Редколлегия, 2002.
© Оригинал-макет лаборатории научно-технического и информационного обеспечения КИГИ РАН, 2002.

***VIII Международному конгрессу
монголоведов посвящается***

Содержание

Приветствие Президента Республики Калмыкия, Президента ФИДЕ К. Илюмжинова VIII Международному Конгрессу монголоведов.....	8
Н.Очирова. Современное состояние монголоведения в Калмыкии	9

Структура и история языка

Бадгаев Н.Б. Заимствованная лексика в ойратском письменном языке.....	15
Монраев М.У. О происхождении этнонима «хальмг» (калмык).....	28
Мушаев В.Н. Современные функционально-семантические направления изучения калмыцкого предложения.....	36
Намжавин Содмон. Тод үсгийн цагаан толгойтой холбогдох дурсгал бичгүүд хийгээд ойрдын хэлшинжлэлийн уламжлал	50
Омакаева Э.У. Проблемы системного описания синтаксиса монгольских языков	59
Харчевникова Р.П. Характер отношений компонентов побудительных конструкций в монгольских языках	67
Харькова С.С. К этимологии наименования разновидностей жилища в монгольских языках.....	77

Проблемы изучения старописьменных памятников

Артыкбаев Ж.О. Некоторые дополнения к комментариям текста «Биографии Зая-пандиты» (письмо к научному редактору В.П. Санчирову).....	89
Бакаева Э.П. Религиозные деятели как субъекты права в «Ики Цаджи»	97
Бакаева Э.П., Омакаева Э.У. «Степное Уложение» 1640 года: проблемы адекватности названия и датировки	101
Д.Б. Гедеева, Э.У. Омакаева Ойратские гадательные сочинения «Знание языка лошади» и «Гадание на 10 пальцах рук» как источники изучения традиционных культов и верований калмыков.....	104
Сабрукова С.С. К вопросу о жанре «Бодхичарьяаватары» Шантидевы (на основе тибетских и монгольских источников)	108

Фольклор. Культура. Этнография

Бадмаева Г.Ю. Звуковые представления монгольских народов как отражение кочевой культуры	112
---	-----

Батырева С.Г. Историко-культурное введение в народное декоративно-прикладное искусство калмыков XVIII - нач. XX вв.	118
Борджанова (Басангова) Т.Г. Б. Бергман и «Джангар» ...	124
Гедеева Д.Б. Сведения о калмыцкой одежде XVIII в. (по материалам архивных документов)	131

История

Артыкбаев Ж.О. Кызыл-Кенчский дворец - малоизвестный памятник калмыцкой архитектуры в Центральном Казахстане	135
Басхаев А.Н. Монгольская армия в XII-XIII вв.	145

Публикации

Сургал (поучение) под названием «Ясное зеркало». Транслитерация, перевод со старописьменного монгольского и предисловие Д.Н. Музраевой	157
--	-----

Материалы и сообщения

Бадмаева С.С. Лексические особенности языка калмыцких сказок.....	171
Бачаева С.Е. Социальная терминология в «Монгольско-русско-французском словаре» О. Ковалевского	175

Критика и библиография Рецензии. Обзоры

Алексеева П.Э., Омакаева Э.У. Обзор новых поступлений в рукописный фонд научной библиотеки КИГИ РАН: ойратские сочинения из коллекции проф. Дж. Крюгера (США)	180
Борисенко И.В. Издание 1904 года.....	183
Борманджинов А. (США). О станице Граббевской и не только о ней. Рец. на книгу П. Алексеевой "Станица Граббевская (XVII век - декабрь 1943 г.). Исторический очерк". (Элиста, 1997)	185
Бурыкин А. (Санкт-Петербург). 99 жемчужин. Рец. на «Калмыцкие трехстишия». (Перевод, предисловие и сост. Т. Борджановой. Элиста, 2002).....	192
Максимова М.И. (Санкт-Петербург). Г. Байер (1694-1738) и русское калмыковедение	195

Contents

Message of the greetings of the Kalmyk President, President FIDE K. Ilumzhinov to the VIII th International Congress of Mongolists	8
N. Ochirova . The Present State of Mongolian Studies in the Republic of Kalmykia	9

Structure and history of language

Badgayev N.B. The loan-words in Oirat written language	15
Monrayev M.U. About the origin of the ethnonym "Kalmyk"	28
Mushayev V.N. The modern functional-semantic directions of the study Kalmyk sentence	36
Namjavin Sodmon. Manuscripts concerning the alphabet of "tod usüg" ("clear script") and linguistic tradition of Oirats	50
Omakayeva E.U. The problems of systematic description of the syntax of Mongolian languages	59
Kharchevnikova R.P. The character of the relations between components of causative constructions in Mongolian languages	67
Kharkova S.S. Towards etymology of names of dwellings in Mongolian languages	77

The problems of study of written sources

Artykbayev J.O. Some additions to the commentaries of the text "The Biography of Zaya pandita" (Message to the scientific editor V.P.Sanchirov)	89
Bakayeva E.P. Religious figures as subjects of law in "Iki Tsadji"	97
Bakayeva E.P., Omakayeva E.U. "Stepnoye ulozheniye" of 1640: problems of adequate name and date	101
Gedeyeva D.B., Omakayeva E.U. Oirat Divination manuscripts as sources for the study of traditional cults and beliefs	104
Sabrukova S.S. To the question of the genre "Bodhichariaavataara" Shantideva on the Tibetan and Mongolian sources	108

Folklore. Culture. Ethnography

Badmayeva G.Y. Sound conceptions of Mongolian peoples as reflection of nomadic culture	112
Batyreva S.G. Historical-cultural introduction to decorative-applied arts of Kalmyks of the XVIII th -XX th centuries	118

Bordzhanova T.G. B. Bergman and "The Djangar"	124
Gedeyeva D.B. Dates of Kalmyk garments of the XIII th century on materials of archival documents	131

History

Artykbayev J.O. Kyzyl-Kenchskij Palace – little known monument of Kalmyk architecture	135
Baskhayev A.N. Mongolian Army in the XII th -XIII th centuries	145

Publications

Surgal (didactic work) "Todorxoi toli". Transliteration, Translation from the old Mongolian and Introduction by Muzraeva D.N.	157
--	-----

Materials and Reports

Badmayeva S.S. Lexical peculiarities of language of Kalmyk fairy-tales	171
Bachayeva S.E. Social terminology in "Mongolian-Russian-French dictionary" O.Kovalevskij.....	175

Critique and Bibliography *Reviews. Review Articles*

Alekseyeva P.E., Omakayeva E.U. New Oirat manuscripts in the Library of KIGI RAN from the collection of the prof. J. Krueger.....	180
Borisenko I.V. The edition of 1904	183
Bormandzhinov A. About the Grabbevskaya and not only about it. Rec. on the book of P.Alekseeva "Stanitsa Grabbevskaya. Istoricheskij ocherk". Elista, 1997	185
Burykin A.A. 99 pearls. Rec.: Kalmyk triads. Translation from the Kalmyk and Introduction by T. Bordzhanova. Elista, 2002.....	192
Maksimova M.U. Bayer G. (1694-1738) and Russian Kalmyk Studies	195

**Глубокоуважаемый Президент
Международной ассоциации монголоведов!
Глубокоуважаемый Генеральный секретарь!
Дорогие участники Конгресса!**

Сердечно поздравляю Вас с открытием VIII Международного Конгресса монголоведов – важнейшего научного форума, на который съезжаются востоковеды со всего мира. Прекрасна традиция проводить столь престижный форум в столице Монголии – г. Улан-Баторе. Я расцениваю это как знак уважения к многовековой культуре монгольского народа, как знак признания усилий Международной ассоциации монголоведов, направленных на то, чтобы осмыслить культурно-историческую значимость монгольских народов в контексте мировой культуры и истории.

Опыт показывает, что сотрудничество монголоведов всего мира имеет неопределимое научное значение, является мощным импульсом дальнейшего развития востоковедения, укрепления дружбы народов, прежде всего Монголии и России.

Современное мировое монголоведение, составными частями которого являются монгольское и российское монголоведение, – это комплексная наука, изучающая фундаментальные проблемы истории, философии, культуры, уникальных памятников цивилизации монголоязычных народов.

Калмыки, являясь частью монгольского мира, питают особые, родственные, чувства к монголам. Находясь далеко от своей исторической родины, калмыцкий народ бережно хранит общемонгольские культурные традиции, являясь достойным представителем монголоязычных народов в Европе. Пользуясь случаем, хотел бы обратиться к братскому монгольскому народу с пожеланиями мира и процветания, счастья и благополучия.

**Президент
Республики Калмыкия,
Президент ФИДЕ**

К. Илюмжинов

Современное состояние монголоведения в Калмыкии

Настоящий сборник открывает новое серийное издание Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. Основная цель издания – знакомить читателя с достижениями и итогами развития отечественного монголоведения, в частности, калмыцкого монголоведения. Предлагаемый вниманию специалистов и широкого круга читателей первый выпуск «Монголоведения» являет собой определенный рубеж и в то же время новый этап развития монголоведения в Калмыкии.

Важнейшими признаками калмыцкой монголоведческой науки являются ее комплексный и контрастивный характер. Основными направлениями исследований традиционно являются сравнительно-типологическое изучение монгольских языков, публикация старописьменных памятников, разработка актуальных проблем этнической истории, литературы и фольклора монгольских народов.

В КИГИ РАН успешно ведутся исследования фонетики, морфологии, лексики и синтаксиса монгольских языков в сравнительно-сопоставительном плане. Издан «Словарь языка ойратов Синьцзяна» Б.Х. Тодаевой под редакцией Г.Ц. Пюрбеева. Завершен фундаментальный труд «Русско-калмыцкий словарь», продолжается написание академической грамматики калмыцкого языка. К настоящему времени накоплен обширный лингвистический материал, который позволяет, с одной стороны, дать ответ на ряд нерешенных вопросов грамматики монгольских языков с позиций современных требований науки о языке, а, с другой стороны, поставить перед специалистами новые задачи.

Важной и далеко не изученной является проблема этногенеза и этнической истории монгольских народов. Интенсивная работа в данной области ведется в связи с подготовкой к изданию «Истории Калмыкии с древнейших времен до наших дней».

Изучение богатого фольклора монгольских народов проводится в рамках коллективной темы «Свод калмыцкого фольклора». В готовящемся издании будут представлены лучшие образцы основных фольклорных жанров в оригинале и переводе.

В настоящее время все большую актуальность приобретает проблема теоретического осмысления богатейшего пись-

менного культурного наследия монгольских народов. Продолжается работа по сбору, каталогизации, описанию и изданию письменных памятников. Особое внимание уделяется изучению сочинений дидактического, правового и религиозного характера, медицинских и астрологических трактатов, богатого эпистолярного наследия. Публикация памятников в оригинале и переводе является визитной карточкой КИГИ РАН.

Современный этап развития калмыцкого монголоведения характеризуется как сохранением классических направлений исследований, так и использованием новых технологий, методов, существенным расширением и углублением проблематики.

Сегодня мы имеем возможность по-новому взглянуть на историю, отбросив мешавшие ранее идеологические стереотипы. Перед историками-монголоведами стоит сейчас важная задача – показать роль кочевой цивилизации и историческую роль монгольских народов в мировом развитии. Это особенно актуально звучит для Калмыкии, которая находится в центре Евразии и органично сочетает в своей культуре как восточные, так и европейские традиции. Объективное изучение истории с позиций сегодняшнего дня – задача настолько же актуальная, насколько и ответственная, поскольку предполагает существенное переосмысление событий и фактов прошлого.

Другой новый ракурс исследований – это современность, в частности, этнокультурная и политическая ситуация в монголыязычных регионах. Для народов Востока далекое прошлое и сегодняшний день не могут быть поняты одно без другого и должны изучаться в неразрывной связи.

Приоритетными становятся в последнее время монголоведческие исследования междисциплинарного характера, выполняемые на стыке наук. Речь идет об этнолингвистических, лингвофольклористических, лингвокультурологических работах, осуществляемых в контрастивном ключе. Представляется, именно культурологические изыскания займут центральное место в монголоведческой науке в XXI веке.

Особое место отводится религиозно-ведческим исследованиям, в частности такой приоритетной теме, как буддизм и буддийская культура в глобальном контексте. Активизации исследований в этом направлении способствовала международная научная конференция «Буддизм в системе мировой цивилизации», которая состоялась в Элисте в сентябре 2000 г.

Весьма перспективным новым направлением в калмыцком монголоведении является музееведение. Основная задача музееведов – учет, детальная регистрация и научная систематизация бесценных исторических и художественных предметов. Накопленный этнографический материал, требующий глубокого теоретического осмысления, позволил создать в КИГИ РАН при поддержке РГНФ и Музейного совета РАН Музей калмыцкой традиционной культуры им. Зая-пандиты.

Такое расширение монголоведческой проблематики представляется вполне оправданным. Это наглядно демонстрирует содержание данного сборника.

В сборнике представлены основные направления монголоведческих исследований: языкознание, источниковедение, история, этнография, фольклор, религиоведение и искусствоведение. Авторы статей стремились затронуть насущные вопросы этнического, культурного, языкового развития монгольских народов в свете современных проблем монголистики.

Раздел «Структура и история языка» открывается статьей Н.Б. Бадгаева «Заимствованная лексика в ойратском языке», в которой дается классификация заимствований. Особое внимание автор уделяет заимствованной буддийской терминологии, т. к. материалом для исследования послужил ойратский текст религиозного содержания «Altan erike» («Золотые чётки»).

Этнонимия калмыков исследована к настоящему времени не в полной мере, а ведь этнонимы имеют большую ценность при изучении ранней и средневековой истории ойратов. М.У. Монраев, критически рассмотрев имеющиеся в литературе мнения относительно этимологии этнонима «хальмг», предлагает свою интерпретацию происхождения данного термина.

Этимология названий разновидностей жилища в монгольских языках – тема статьи С.С. Харьковской. Автор рассматривает 10 лексем и на основе анализа этимологии слов приходит к выводу, что наименования разновидностей жилища в монгольских языках свидетельствуют о былом влиянии монгольских племен на тюркские.

В языковедческом разделе представлены также две синтаксические работы. В.Н. Мушаев дает обзор современных функционально-семантических направлений изучения калмыцкого предложения.

В статье Э.У. Омакаевой ставится задача системного описания синтаксиса монгольских языков. Предлагаемое автором описание существенно отличается от традиционного

как по общей направленности, так и по проблематике, которая значительно расширена за счет включения в сферу синтаксиса, помимо предложения, более крупной языковой единицы – текста.

В статье Р.П. Харчевниковой дана подробная характеристика побудительного залога в монгольских языках. Автор уделяет основное внимание характеру отношений между действием и компонентами в побудительных конструкциях.

Статья Намжавина Содмона, написанная на монгольском языке, посвящена изучению связи лингвистической традиции ойратов и старописьменных сочинений об ойратском алфавите. Цель автора - дать классификацию и описание выявленных источников. Прослеживается история изучения каждого памятника, вскрываются закономерности и символика использования букв ойратского алфавита, дается характеристика графики и орфографии ойратского языка. Автор на основе изучения ойратских лингвистических сочинений приходит к выводу, что на монгольское языкознание оказала большое влияние индийская лингвистическая традиция.

Раздел «Проблемы изучения старописьменных памятников» открывается статьей Ж.О. Артыкбаева «Некоторые дополнения к комментариям текста «Биографии Зая-пандиты» (Письмо к научному редактору В.П. Санчинову)». Статья интересна тем, что в ней анализируются некоторые топонимы из ойратского текста «Сарин герл» - известного историко-литературного памятника XVII века.

В статье религиоведа Э.П. Бакаевой выявлен статус религиозных деятелей как субъектов права на материале «Ики Цаджи» («Степного Уложения» 1640 года). Проблеме адекватности названия и датировки вышеупомянутого памятника законодательного права посвящена статья Э.П. Бакаевой и Э.У. Омакаевой.

В совместной публикации Д.Б. Гедеевой и Э.У. Омакаевой впервые вводятся в научный оборот два небольших ойратских гадательных текста (факсимиле, транслитерация и перевод на русский язык).

Проблема определения жанра известного буддийского сочинения «Бодхичарьяаватары» Шантидевы поставлена С.С. Сабруковой.

Музыковед Г.Ю. Бадмаева анализирует звуковые представления в культуре монгольских кочевников.

В статье искусствоведа С.Г. Батыревой рассматривается народное декоративно-прикладное искусство калмыков в XVIII – нач. XX вв., которое представляет собой, по мнению автора, синтез различных его видов, существовавших в среде кочевников. Автор считает, что своеобразие исторической судьбы народа во многом определило этнические особенности его художественной культуры.

Статья фольклориста Т.Г. Борджановой посвящена анализу работы Б. Бергмана «Nomadische Reisen unter den Kalmücken». Автор высоко оценивает вклад известного ученого в джангароведение: им записаны песня «О свирепом Шара Гюргю», легенда о получении сказительского дара и т.д.

В статье Д.Б. Гедеевой приводятся сведения о калмыцкой одежде XVIII века: названия тканей, разновидностей зимней и летней одежды. Автор основывается на письмах калмыцких князей, хранящихся в Национальном архиве Республики Калмыкия.

Исторический раздел данного сборника открывает статья Ж.О. Артыкбаева, посвященная описанию малоизвестного памятника калмыцкой архитектуры в Центральном Казахстане. Интересно написана статья историка А.Н. Басхаева «Монгольская армия в XII-XIII веках», отмечающего огромный вклад монголов в мировую историю военного искусства.

В разделе «Публикации» помещено известное сочинение «Ясное зеркало», представляющее собой жанр сургала (поучения). Текст подготовлен Д.Н. Музраевой в транслитерации и в переводе на русский язык.

В раздел «Материалы и сообщения» включены небольшие статьи лексикологического характера молодых ученых, аспирантов КИГИ РАН. В статье С.С. Бадмаевой рассматриваются лексические особенности языка калмыцких сказок, а работа С.Е. Бачаевой посвящена анализу социальной терминологии, выявленной в «Монгольско-русско-французском словаре» О. Ковалевского.

Раздел «Критика и библиография» представлен двумя рецензиями и тремя обзорами. Обзор новых поступлений в рукописный фонд научной библиотеки КИГИ РАН (ойратских рукописей из коллекции известного американского монголоведа проф. Дж. Крюгера) подготовлен П.Э. Алексеевой и Э.У. Омакаевой.

И.В. Борисенко пишет о книге Кручевской (1904 г.), в которой есть сведения о калмыках. Публикация снабжена

четырьмя снимками из калмыцкой жизни конца XIX-начала XX вв. В обзоре М.И. Максимовой сообщается об известном ученом-ориенталисте академике Г. Байере и его трудах. Приводится оригинальный текст «Elementa Calmucia» («Начала калмыцкого») и его русский перевод.

В данном разделе также представлены две рецензии: А. Борманджинова на книгу П.Э. Алексеевой, посвященную истории станицы Граббевской, и А.А. Бурыкина на сборник «Калмыцкие трехстишия» (переводчик и составитель Т.Г. Борджанова).

Коллектив авторов и редколлегия выражают надежду, что настоящий выпуск вызовет живой интерес у читателей, будет способствовать дальнейшему развитию монголоведения и сотрудничеству отечественных и зарубежных исследователей.

Заемствованная лексика в ойратском письменном языке

Науке практически неизвестны гомогенные в структурном и материальном отношении языки, развитие которых протекало бы в изоляции от внешних воздействий. Иными словами, в истории развития человечества трудно найти пример совершенно обособленного существования какого-либо народа, на жизнь и культуру которого не оказывали бы влияния другие народы и другие культуры. Как народы, так и их культуры в ходе своего развития сталкивались с другими народами и культурами, вследствие чего происходили их взаимовлияние и взаимообогащение. Основная и наиболее распространенная форма языкового влияния одного народа на другой, а также их взаимовлияния и взаимообогащения – это заимствование иноязычных слов. Процесс заимствования, как правило, обогащает язык, делает его более гибким и не ущемляет его самобытности, поскольку при этом сохраняются основной словарь языка, присущие данному языку грамматическая система и фонетический строй, не нарушаются внутренние законы языкового развития. Дисперсное расселение ойратских племен, охватывающее огромную территорию, включающую в себя Западную Монголию, Непал, Тибет, Алашань, Синьцзян, Иран и Нижнее Поволжье, а также Северный Кавказ (XVII-XVIII вв.), свидетельствует об экспансивном передвижении, кочевке ойратов, происходивших в XVII-XVIII столетиях. Результатом этих перекочевков, а, говоря военным языком, колоссальных по своему размаху маршбросков, явились непосредственные контакты как с русскими, китайцами, маньчжурами, тибетцами, непальцами, так и с народами мусульманского мира: персами, тюрками, народами Северного Кавказа, Крыма, Турции. Взаимоотношения с новыми соседями носили не только военный, политический характер. Имели место, несомненно, экономические и культурные связи. Поэтому в ойратском языке, кроме исконных слов, имеется немало иноязычной лексики. Заимствование слов из других языков обусловлено, как известно, различными социально-историческими факторами, связанными главным

образом с необходимостью развития торговых, экономических, культурных и других связей между народами. Как мы упоминали выше, такие связи у ойратов с новыми и старыми (например, с китайцами, маньчжурами) соседями имели место.

Результатом этих связей явились многочисленные иноязычные слова, заимствованные в разное время и по разным причинам ойратским языком из языков самых различных систем. С носителями некоторых языков ойраты не всегда имели непосредственные контакты. Известно, что часто иноязычные слова попадали в ойратский язык через другие языки (главным образом уйгурский и тибетский). Так, в ойратском языке появились арабские, греческие и санскритские слова.

Рассмотрим основные источники заимствования, объем и характер заимствованных единиц. Материалом для исследования послужили словари К.Ф. Голстунского¹ и А.М. Позднеева², а также текст ойратского сочинения "Altan erike".

Тибетизмы

Появление тибетизмов в ойратском языке связано со второй волной распространения буддизма среди ойратов.

Б.Я. Владимирцов³ отмечал, что вместе с уйгурской письменностью в XIII веке в монгольские языки из уйгурского языка вошли буддийские термины и некоторые другие слова.

В XVI веке к монголам, в том числе и к ойратам, стал интенсивно проникать буддизм. Дети влиятельных монгольских вождей признавались перерожденцами святых (гегянов) и получали высшее религиозное и светское образование в лучших монастырях Тибета. В частности, Зая-Пандита, выдающийся ойратский просветитель и ученый, являлся родным племянником могущественного ойратского Байбагас-хана, хошуда по происхождению. Знаменитый ойратский Галдан-Бошохту-хан, признанный перерожденцем тибетского Инза-Хутукты и получивший духовное образование в Лхасе, был сыном влиятельного Эрдни-Баатр хун-тайджи. Известный в Восточной Монголии Нейжи-Тойн, об экстрасенсорных способностях которого ходили легенды, был сыном просвещенного торгутского князя Мерген-Темена, жившего со своим племенем на берегах озера Куку-нор. Они занимались

переводами на монгольские языки с тибетского и санскритского языков сочинений религиозного содержания, а также книг по медицине, логике, филологии, философии, внедряли буддизм в монгольскую среду, боролись с шаманизмом, уничтожая шаманские бубны и другие атрибуты поклонников Хормусты. Так появились у монголов буддийские термины, заимствованные из этих новых источников. Тем более, что созданное Зая-Пандитой «ясное письмо», на которое были переведены им и его учениками тибетские и санскритские книги, делало тексты более понятными в отличие от «худам бичиг» - старомонгольской письменности. Таким образом, буддизм в XVI-XVIII веках интенсивно внедрялся в монгольскую среду, в том числе и в ойратскую. Об этом периоде свидетельствует буддийская лексика в ойратском языке, заимствованная из тибетского языка. Следует здесь учесть и роль хошудских правителей, особенно Гууш-Номин-Хана. По ойратским преданиям, имя монгольское «Далай», что значит «океан», дал верховному ламе Тибета Гууш-Номин-хан: «Усна икнь далай гидг, чи – Далай-лам бол» (Самое большое водное пространство, говорят, океан. Будь ты – Океан-Лама). Также Гууш-Номин-хан хошудский дал имя «Богдо» (от названия священной ойратской горы Богдо-уул «Тянь-Шань») Панчен-ламе, именуемого с тех пор Панчен-богдо: «Уулын өндөрнь Богд гидг, чи Панчен-богд бол» (Самая высокая гора, говорят Богдо. Будь ты Панчен-Богдо).

Приведем примеры тибетских заимствований в ойратском языке: *tonting* «сапфир», *γarcıq* «оглавление», *şil* «хрусталь», *laç* «сургуч», *lit* «календарь, альманах», *egesig* «ясный звук, отчетливое произношение», *sang* «музыкальные тарелки», *umjad* «канонарх; уставщик», *gaday* «сложенная узкая шёлковая ткань, которую подносят в знак дружбы, поздравления», *qutuytu* < уйгур. < тиб. – «высший сан буддийского духовенства», *jambuling* – «мир, вселенная», *blama, lama* – «лама, буддийский монах», *lingbu* – «лимба, флейта», *sang* – «воскурение, фимиам», *dombu, domo* – «кувшин», *nirba* – казначей, *gbum* – «сто тысяч» < тиб. *bum, saya* – «миллион» < тиб. *sa-ya, byeva* – «десять миллионов» < тиб. *bye-ba, dungşuur* – «сто миллионов» < тиб. *dung-phyur, ter gbum* – «миллиард» < тиб. *ther-bum, yeke ter gbum* – «десять миллиардов» < тиб. *ther-bum-chen-po, krag kriq* – «сто миллиардов» < тиб. *khrag-khrig, yeke krag kriq* –

«триллион» < тиб. *khrag-khrig-chen-po* (для обозначения больших чисел ойраты, как и все монголы, пользовались словами, заимствованными из тибетского языка); *yertüncü* – «природа, мир» < тиб. «мир», *qamba* < тиб. *mkan-bo* – «высший духовный сан в буддийских монастырях, епископ», *gebše* < тиб. *dge-bšes* – «учёный лама», *gürem* < тиб. *sku-rim* – «ритуальная молитва», *lunden* < тиб. *lung-ston* – «пророчество, пророческое писание», *cam* < тиб. *čham* – «религиозные мистерии», *dung* < тиб. *dung* – «морская раковина», *nomin* < тиб. *tu-ming* – «лазурит», *jambaa* < тиб. *cam-pa* – «поджаренная мука», *gebgi* < тиб. *dgebkos* – «лама, наблюдающий за порядком во время богослужения», *dacan* – «ламаистский монастырь» < тиб. *grva-sxang*, *dugan* < тиб. *du-kan* – «молельня», *bunqan* < тиб. *spungs-kxang* – «часовня, гробница», *dibajān* < тиб. *bde-ba-can* – «рай Будды Амидабы», *barsad* < тиб. *bar-čad* – «неизбежный, несчастный случай», *serjem* < тиб. *dser-skuem* – «возлияние, жертвенные брызги», *orolon* < тиб. *ro-langs* – «вампир».

Личные имена ойратов, заимствованные у тибетцев: *galdan* < тиб. *dga-ldan* – «счастливый», *gombo* < тиб. *mgon-po* – «покровитель, защитник», *baldan* < тиб. *dpal-ldan* – «превосходный», *daba* < тиб. *zla-ba* – «Луна», *daši* < тиб. *bkra-šis* – «счастье, благоденствие», *ceren* < тиб. *tshe-rin* – «долголетие», *dagba* < тиб. *dag-pa* – «чистый», *sandan* < тиб. *bsam-gtan* – «созерцание, размышление».

Теперь приведем несколько примеров из письменного источника «Altan егіке», свидетельствующих о том, какое место в книжной лексике ойратского языка занимают заимствования из тибетского языка, в основном, как правило, религиозного содержания: *bkra-šis pad-dkar-bsad-sgrup darkas gling kemekü mjan-mdid grva-canggiyin jisa sanggiyin üyeles бүдериyиди jakiran бүтекүйи nirba*. «Казначей, который выполняет казначейские обязанности в цанид-дацане, именуемом Даши Бадгар Саддуб Даркалинг». *ündüsün blamatan tanai dergedü*. «Рядом с Вами, коренной учитель». *Zongkpayin gegēni egüürde šütümüi*. «Постоянно молится Зонкве-гегяну». *ilayuqsan dalai blama-du törgümüi*. «Поклоняемся победителю Далай-ламе». *Burqan nirvan bolugsan-ēce dörbön joun jil bolqui-du Kaniqa xan ögligüyin ejen bolji*. «Через 400 лет после того, как бурхан ушел в нирвану, Каника-хан стал милостынедателем». *bodqi olji burqan bolboi*. «Получив просветление, стал бурханом». *Caγān bečin*

öön-dü Nagarjuna baqši iltebei. «В год белой обезьяны родился учитель Нагарджуна». *Qaragčïn qonin jildü tenggeri erketü qān Šambila-yin sirei-dü soubai*. «В год черноватой овцы хан, обладающий божественной властью, сел на трон страны Шамбала».

Санскритизмы

Появление в монгольских языках, в том числе и в ойратском, санскритских слов связано также с распространением буддизма. Б.Я. Владимирцов⁴ считал, что первоначально санскритские слова проникали в монгольские языки через уйгурский, затем – через тибетский языки. Н.С. Яхонтова⁵ констатирует, что санскритских заимствований в ойратских текстах несколько меньше, чем в монгольских. Это объясняется следующим образом. Если в монгольских памятниках санскритские слова транскрибируются, то в аналогичных ойратских памятниках дается их буквальный перевод. Н.С. Яхонтова⁶ отмечает, что переводится большая часть санскритских имен собственных и географических названий, например: *Sarasvati – egešiq-tü* «благозвучная», *Suvarnagarbha – altani züreken* «золотое сердце», *Rajagrha – xāni xarši* «ханский дворец».

Приведем примеры, иллюстрирующие заимствования в ойратском языке из санскрита: *kala čakra* «колесо времени», *mandal* «мандала», *nirvan* «нирвана», *adis* «благословение», *bodhi* «просветление», *bendurya* «лазурит», *galab* «кальпа, эра», *šagšavad* «нравственность», *baqši* «учитель, учитель веры», *sudur* уйг. *сумур* «сутра, религиозная книга», *badaq* «стих, строфа; фраза; знак препинания, точка», *šülüq* «стих, рифма, стишок», *šastir* «шастра, историческое сочинение» (Позднеев С. 164), «толкование, объяснительные сочинения; повествование, рассказы» (Голстунский II. С. 370), *agčim* «миг, мгновение» (Позднеев С. 12), «секунда, мгновение, самый короткий промежуток времени» (Голстунский I. С. 58), *abiyas* «наклонность, страсть к чему-либо» (Позднеев С. 3), *kanda čaj* «густой чай» (Позднеев С. 279), «сгущённый сироп, пастила» (Голстунский III. С. 384), *aršaan* «расаяна, нектар, священная вода» (Позднеев С. 14), «святая вода; целебные воды» (Голстунский III. С. 488), *zati* «мускатный орех» (Позднеев С. 258), «мускатный орех» (Голстунский III. С. 329), *küji*

«курительная свеча (в кумирне)» (Позднеев С. 296), «священная трава» (Голстунский III. С. 459), *yaridi* «гаруди, мифическая птица; царь птица, орёл» (Позднеев С. 110), «баснословная птица; феникс» (Голстунский III. С. 396), *zandan* «сандал» (Позднеев С. 257), *mantara* «мантра», *sansar* «сансара», *uṣṅir* «ушниша», *samadi* «созерцание», *ginar* «киннар», *bud* «бхуты», *bidar* «веталы», *ṽandar* «гандхарвы», *jagčis* «якшы», *ubaši* «мирянин, принявший духовный обет», *ubadis* «чары, волшебство, колдовство».

Приведем примеры (несколько предложений) из письменного ойратского источника «*Altan erike*», иллюстрирующего, как работают санскритские слова в ойратском тексте: *saṽan bendurya-yin yosōr bolbasu*. «По закону «Цаган Вайдурьи» (дословно «белый лазурит»); *mingyan altan ceceg yaruqsani tenggerner šinjileji ene ṽalab-tu mingyan burxan ireküyin sayin belges kemegsen-yēr sayin ṽalab kemen neredbei*. «Когда расцвели тысячи золотых цветов, тенгрии, проанализировав хорошие признаки, решили в эту эру придут тысячи бурханов и назвали эту эру хорошей»; *xara morin jil-du sayin sara nomiyin xan Šambila-dü ödö bolji kala čakra-yin xoto mandal bosxoji*. «В год чёрной лошади Сайин сара номийин хан появился в стране Шамбала и воздвиг мандалу Калачакры».

Уйгуризмы

Тесные контакты монголов с уйгурами как в культурном плане, так и в экономическом общеизвестны. Выше мы уже писали, что через посредство уйгурского языка в монгольские языки проникли буддийские термины из тибетского и санскритского языков. Но монголы какие-то слова позаимствовали и непосредственно из уйгурского языка. Приведем несколько примеров, на наш взгляд, являющихся в монгольских языках заимствованиями из уйгурского языка: *suburṽan* «субурган», *titim* «корона», *bogdo* «святой», *kürdü* «молитвенный барабан», *udṽan* «шаманка», *bek* «чернила».

Арабские и персидские заимствования

В период образования обширной монгольской империи Чингис-хана перед учеными-арабистами встала задача -

изучение языка завоевателей, так как монгольские наречия приобрели большое практическое значение. Появляются монгольско-персидский и арабско-монгольский глоссарии. Следует отметить четырехязычный арабско-персидско-тюркско-монгольский словарь «Мукаддимат ал-Адаб», написанный известным арабистом ал-Замахшари. Н.Н. Поппе⁷ считает, что монгольская часть этого труда была составлена кем-то другим до 1492 г., т. к. именно этим годом датирует свою рукопись переводчик. Но для нас интерес представляет другая деталь: еще в конце XV столетия монгольский язык в Средней Азии, возможно, и в Персии продолжал функционировать, так как иначе вряд ли ученые стали бы переписывать этот четырехязычный словарь, дописывая монгольский глоссарий, включающий в себя несколько тысяч слов.

В ойратском сочинении «Сказание о дербен-ойратах» написано, что во второй половине XV века большая часть олётов покинула Джунгарию и перекочевала в Кызылбашию (Персию). Следовательно, в Персии в XV веке функционировал монгольский язык и, соответственно, была монголоязычная среда. Об этом еще косвенно свидетельствует тот факт, что в четырехязычный словарь «Мукаддимат ал-Адаб» был включен и персидский язык. В другом ойратском письменном источнике, торгутском, пишется, что торгуты прибыли в Джунгарию из Северной Индии. Предания хойтов, одного из ойратских племен, повествуют, что предки хойтов жили в государстве Тимуридов и занимали там чуть ли не господствующее положение. При этом они дают точную карту империи Тимура, что очень удивило монголиста Ю. Лыткина. Б.Я. Владимирцов⁸ писал, что наибольшее количество арабских слов встречается в тех средне-монгольских наречиях, носители которых, уйдя из Монголии на запад, близко столкнулись с миром мусульманской культуры. В данном случае речь идет об ойратах, преданья которых навеяны кочевьями в Северной Индии, Персии и Средней Азии.

Приведем примеры: заимствований в ойратском языке из арабского: *almus* < араб. *алмаас* «ведьма, дьяволица»; *araki* < араб. *арак* «водка, кумысная водка, вино»; *xanjal* < араб. *ханжар* «кинжал»; *merēs gem* < араб. *мараз* «гнилая рана, болезнь»; *sabang* < араб. *сабун* «мыло»; *siub* «плащ, накидка» < араб. *жубба* «нижнее платье из хлопчатобумажной ткани».

К персидским словам в ойратском языке относятся следующие заимствования: *bolur* «хрусталь, горный хрусталь», *bers* «ферзь», *šitare* «шахматы», *irbis* «леопард, пантера», *kebis* «ковёр», *killing* «бархат; рубашка», *šalbur* «шаровары, штаны, брюки», *Xormustaa* «Хормуста», *kükür* «горячая сера», *debter* «тетрадь, книга», *durnab* < перс. *дурбин* «бинокль, зрительная труба», *taaba* < перс. *таба* «сковородка», *tarbus* < перс. *тарбуз* «арбуз», *bolod* < перс. *пулад* «сталь, булат», *xala* < перс. *халлаби* «жесть, жестяной», *šiker* < перс. *шикер* «сахар».

Китайские заимствования

Начиная с XV века ойраты вели борьбу с могущественной Китайской империей. Со стороны ойратов это была борьба за независимость, за торговые рынки и цивилизованные торгово-экономические отношения с более развитым в культурном и экономическом отношении соседом – Китаем. Известны блистательные победы ойратов над китайскими войсками во времена Эсен-хана (XV в.), Галдан-Бошикту-хана (XVIII в.), Галдан-Церена (XVIII в.). Но были периоды, когда ойраты с Китаем мирно сосуществовали, между ними развивались торгово-экономические связи. Особенно благоприятные политические (на дипломатическом уровне) и торгово-экономические отношения с Китаем установились у ойратов в период правления дипломатичного хошутского Байбагас-хана. Так или иначе, но на протяжении нескольких веков ойраты имели тесные контакты с Китайской империей. Естественно, это отразилось на ойратском языке, словарный состав которого пополнился за счет заимствований из китайского языка. Приведем примеры: *sayajung* «фарфор, фаянс; чаша, пиала», *siyudai* «мешок», *diyen* «постоялый двор», *šamša* «рубашка», *čiscü* «чесуча», *xanje* «лежанка, нары», *yamun* «министерство, управление», *yangbuu* «бязь, бязевый», *yangdung* «дымоходная труба», *yangju* «вид, форма; тип, стиль; характер, поведение, нрав», *soyije* «щётка», *seyisü* «циновка», *puujing* «ракета», *piyu* «балет», *pangse* «фанза», *palang* «эмаль; глазурь», *lā* «свеча, свечка», *laje* «бак; банка», *lang* «лан; мера веса, равная 37,3 г», *lantuu* «кувалда», *liir* «груша», *lingque* «лотос», *longqu* «бутылка», *luubang* «морковь», *baičai* «капуста», *bandang* «скамейка, лавка», *bangja* «доска», *bangsi* «пельмени», *bir*

«кисть для письма», *boobo* «печенье», *buram* «тростниковый сахар», *wang* «вторая степень княжеского достоинства; князь», *wayar* «ваза, черепица», *wadang* «кусочек материи для завертывания, чего-либо», *yuwa* «дыня», *daa* «великий, большой, начальник, руководитель», *deyije* «блюдец», *deng* «светильник, лампа», *dengluu* «фонарь», *dengse* «весы, меры», *bū* «ружьё» (Позднеев С. 133), *daaling* «кожаная сумка, перекидываемая через седло» (Позднеев С. 210) < кит. *да-лянь* «перемётная, перекидная через седло сумка» (Голстунский, III. С. 44), *yanza* < кит. *гань-цзы* «курительная трубка» (Позднеев С. 106), *zanci* < кит. *чжан-и* «плащ, накидка, епанча (без рукавов и пол)» (Голстунский, III. С. 313), «плащ, накидка, мантия, бурка» (Позднеев С. 257), *poyon* < кит. *ляо-йе* «князь, господин, воевода» (Владимирцов С. 350), «князь» (Позднеев С. 70), *šang* < кит. *цан* «сокровище, клад; кладовая, амбар; сокровищница, казначейство» (Голстунский II. С. 294), *giu* «нефрит», *labia* «раковина», «казна, монастырское казначейство» (Позднеев С. 162), *saj* < кит. *ча* «чай» (Позднеев С. 239); «чай» (Голстунский, III. С. 239).

Заемствования из маньчжурского языка

В 1640 году маньчжуры завоевали Китай. В том же году лидеры ойратских племен собрали на свой съезд вождей монгольского мира. Одним из главных вопросов съезда было установившееся господство маньчжуров над Китаем. Со второй половины XVII века ойраты Хошутского ханства на Куку-норе и Джунгарского ханства имели тесные связи с маньчжурами, новыми завоевателями Китая. До XII века, а может быть и раньше, монголы, в том числе ойраты, контактировали с маньчжурами. В языках этих народов много сходных слов. Эти контакты, как военно-политические, так и торгово-экономические, продолжались вплоть до уничтожения маньчжурами как Хошутского, так и Джунгарского ханств. Сами же маньчжуры, как известно, растворились среди многочисленных подданных – китайцев. Но остались маньчжурские слова в ойратском языке – следы существования грозного и могучего народа, сумевшего покорить не только огромный Китай, но и уничтожить до этого непобедимые ойратские ханства.

Маньчжурские заимствования относятся в основном к области административной лексики, например: *amban* «сановник, вельможа», *bēl*, *beyile* «третья степень княжеского достоинства», *beyise*, *bēs* «четвёртая степень княжеского достоинства».

Тюркизмы

О лексических соответствиях в монгольских и тюркских языках написано немало работ (Б.Я. Владимирцов, Н.Н. Поппе и др.). Ц.Д. Номинханов⁹ представил более 600 именных соответствий в калмыцком и тюркском языках.

Некоторые ученые предполагают, что часть этих соответствий унаследована от предполагаемого тюрко-монгольского или даже алтайского праязыка, другие же являются древними заимствованиями. Можно привести примеры, являющиеся общими для тюркских и монгольских языков. Например: *xaçir* «скула», *arān* «клык, резец», *alixan* «ладонь», *altan* «золото», *sulde* «счастье, знамя», *sūnesūn* «душа», *çikin* «ухо», *kelen* «язык, жало», *saxal* «борода», *zō* «спинные позвонки», *çimegen* «мозг в костях», *uruul* «губа», *dalū* «лопатки», *zürken* «сердце», *zūsūn* «вид, внешность, род».

Наряду с монголо-тюркскими параллелями в лексике ойратского языка имеются тюркизмы, проникшие в тот или иной период его истории. Так что некоторые слова можно определенно отнести к заимствованиям из тюркских языков. Например: *buγudai* «пшеница». Ср.: тюрк.: каз. *бидай*, к.-калп. *бийдай*, уйг., тур. *буҒдай*, туркм. *бугдай*, кирг., г.-алт. *буудай*, др.-уйг. *пуктай*, осм., джаг. *бугдай* «пшеница»; *būrsaç* «горох». Ср.: тюрк.: каз. *буршак*, кирг. *буурчак*, тур. *бурчак*, уйг. *пучак*, осм., туркм. *бурчак*, чув. *пурчак* «горошина»; *üzüt* «изюм, виноград». Ср.: тюрк.: к.-калп. *джюзюм*, туркм., тур. *үзүм*, узб. *үзүм*, уйг. *озум* «виноград»; *asagan* «вечер» (в других монгольских языках: халх. *үдэш*, бур. *үдэшэ* «вечер»). Ср.: тюрк.: каз., кирг., тур. *акшам*, азерб. к.-калп., уйг. *ахшам*, туркм. *агшам*, узб. *окшом* «вечер, сумерки»; *ajuu* «медведь» (в других монгольских языках: халх. *өтөг* «медведь», бур. *баабгай*, хара *гүрөөһэн*, книж. *баахалдай*, хорин. *бартаху* «медведь»; письм. монг. *ötögö* «медведь»; в ранних ойратских текстах также встречается форма *ötögö* «медведь», в поздних – *ajuu*). Ср. с

тюрк.: каз., к.-калп., г.-алт. *аю*, кирг. *айу*, азерб., туркм., тур. *айы*, узб. *айык*, джаг. *өткә*, хак. *азыг* «медведь»; *ödmeğ* «хлеб» (в других монгольских языках: халх. *талх(ан)* «хлеб (печёный)», бур. *талха(н)* «хлеб; тесто, мука», письм. монг. *talqa* «хлеб, гречневая мука»). Ср. с тюрк.: тур. *өкмен*, өджаг. *өтмәк*, др.-уйг. *өдмәг*, коман.-Радлов *өтмәк* «хлеб печёный, булка»; *beşemed* «казакин, поддёвка, кафтан». Ср. с тюрк.: кирг. *бешманг*, уйг. *пешмет* «верхняя одежда, сшитая в талию, бешмет»; *biliq* «знание»; письм. монг. *biliq*. Ср. с тюрк.: каз., кирг. *билик*; *boluq* «глава», письм. монг. *bölüq*, х.-монг. *бүлэг*. Ср. с тюрк.: каз., кирг. *бөлөк*; *keseq* «часть», письм. монг. *keseq*; х.-монг. *хэсэг*. Ср. с тюрк.: каз., кирг.

Почему я отнес вышеприведенные слова к тюркизмам? В одних случаях я руководствовался тем, что ойратские слова, отнесенные мною к тюркизмам, не имеют соответствий, аналогов в других монгольских языках, что уже свидетельствует о заимствованном характере данных слов. В ойратском языке есть такое слово, как *ајуу* «медведь». В халха-монгольском языке употребляется слово *өтөг* «медведь». В бурятском – *баавгай* «медведь». В письменномонгольском языке – *otögö* «медведь».

В тюркских языках встречается форма *айун* «медведь». То же самое можно сказать и о другом ойратском слове *aratu* «лиса, лисица». В халха-монгольском – *үнэг(эн)* «лиса, лисица». В бурятском – *үнэгэн* «лиса, лисица». В письменномонгольском языке – *ünegen* «лиса, лисица». В тюркских языках встречается форма *арат* «лиса, лисица». В ойратских письменных источниках XVII-XVIII веков еще встречается форма *ünegen* «лиса, лисица». В ойратских памятниках XIX-XX вв. встречается слово *aratu* «лиса, лисица». По этому же принципу я отнес к тюркизмам ойратские слова *beşemed* «казакин, поддёвка, кафтан», *ödmeğ* «хлеб». Относительно слова *ödmeğ* «хлеб» у меня есть предположение, что данное слово арабского происхождения и попало в язык ойратов Нижнего Поволжья либо через посредство тюркского языка, либо через посредство кабардинского. Следует здесь подчеркнуть, что у волжских ойратов в XVII-XVIII веках были очень тесные военно-политические, торгово-экономические и культурные контакты с Кабардой. Между кабардинской и калмыцкой знатью

существовали родственные связи. Хорошо известно, что женой калмыцкого Дондук-Омбо-хана была знатная кабардинка Джан. Одна из жен Аюки-хана – черкесская княжна. Дондук-Даши-хан был женат на кабардинке (одна из его жен). Калмыцкая знать регулярно ездила лечиться в Кабарду, на Горячие воды (Халун Усун) – современный город Горячеводск, находится недалеко от г. Нальчика. Так что арабские слова могли проникать в ойратский язык и через кабардинский язык. Например, в случае со словом *ödmeg*. Эту догадку усиливает тот факт, что китайские калмыки (синьцзянские, алашаньские, куку-норские) не знакомы с этим словом. Также не знают это слово и ойраты Западной Монголии. Следовательно, ареалом распространения рассматриваемого слова *ödmeg* «хлеб» является территория Нижнего Поволжья, где проживают компактно калмыки – потомки ойратов. Не исключаю я и возможность проникновения слова *ödmeg* в калмыцкий язык и через тюркские языки. Например, через язык крымских татар, контакты с которыми у калмыков были тоже достаточно тесными.

Изучая лексические соответствия в тюркских и монгольских языках, очень сложно отграничить их одно от другого, прийти к выводу, кто у кого позаимствовал данное слово. Например, среди монголистов и тюркологов долго шли споры по поводу происхождения слов *tömör* «железо» и *tenggir* «небо». Тюркологи утверждали, что данные лексемы являются исконными тюркизмами, монголисты относили их к исконной монгольской лексике. Эти споры логично разрешил востоковед Е. Поливанов. Он убедительно доказал, что слова *tömör* и *tenggir* и тюрки, и монголы заимствовали из китайского языка.

Многие лингвисты считают, что слова *buudai*, *buyudai*, *bürcaq*, *üzüm* являются тюркизмами. Мы также склонны разделять это мнение, так как известно, что древние тюрки были не только кочевниками, но еще и хорошими земледельцами, чего нельзя сказать о предках монголов. Даже во времена Джунгарского ханства (XVII-XVIII вв.) хлебопашеством, садоводством, бахчеводством, огородничеством у ойрат занимались подневольные люди, попавшие к ним в рабство: уйгуры, бухарцы, узбеки, моголистанцы. Так что данная лексика в монгольский язык пришла в древности из тюркских языков вместе с покупаемым у

тюрков товаром. К тюркизму можно отнести и следующие термины: *tutura* «рис»; х.-монг. *тутрага* «рис»; письм монг. *tutura*. Ср. с тюрк.: коман.-Радлов *тутурган*; джаг.-Радлов *тутургу* (возможно, что слово *tutura* в монгольский язык проникло из какого-то другого языка); *bal* «мёд», халх. *бал* «мёд», бур. *бал* «мёд». Тюрк.: каз., кирг., туркм., тур., азерб. *бал*, осм., коман.-Радлов, к.-калп. *пал*, *бал*; узб. *бол*; чув. *пыл*, *пул* «мёд»; *arbai* «ячмень; овёс (дербет.)», халх. *арвай*, бур. *арбай*, тюрк.: каз., уйг., туркм., тур., кирг., к.-калп., узб. *арпа*, хак., г.-алт. *арба*, чув. *орпа*, *урпа* «ячмень»; *injir* «винная ягода», халх. *интөөр* «вишня», тюрк.: каз. *инжир*, кирг. *анжыр*, осм., азерб., джаг.-Радлов *өнджир* «винная ягода»; *öğöç* «слива». Тюрк.: каз. *өрик*, кирг. *өрүк*, узб. *үрик*, тур. *өрик* «слива», азерб. *эрик* «абрикосы, курага»; *уапүақ* «грецкий орех». Тюрк.: каз. *жанган*, коман. *йәнәк*, орх. *йанак*, джаг. *йанак*, уйг. *анФак*, узб. *ёнФок*, кирг. *жангак* «грецкий орех»; *alima* «яблоко»; халх. *алим* «яблоко», бур. *альма* «яблоко», письм. монг. *alima* «яблоко», тюрк.: каз., к.-калп., азерб., кирг. *алма*, уйг. *алма*, узб. *олма*; тур. *елма*, чув. *улма* «яблоко».

¹ Голстунский К.Ф. Монголо-русский словарь. Т. I-III, с дополнениями. СПб., 1898-1901

² Позднеев А. Русско-калмыцкий словарь. Саратов, 1931

³ Владимирцов Б.Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия. М., 1989. С. 20

⁴ Там же. С. 22

⁵ Яхонтова Н.С. Ойратский литературный язык XVII века. М., 1996. С. 34

⁶ Там же

⁷ Поппе Н.Н. Монгольский словарь Мукаддимат Ал-Адаб. М.-Л., 1986. С. 6

⁸ Владимирцов Б.Я. Арабские слова в монгольском. Записки Коллегии Востоковедов. V. 1930. С. 74

⁹ Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М., 1976

О происхождении этнонима «хальмг» (калмык)

Исследований и наблюдений в области этимологии слова «калмык» более чем достаточно: от глубоких научно аргументированных изысканий до наивных предположений. Об этом писали историки, этнографы, языковеды. Часто рассматриваемый вопрос выносился на страницы республиканских газет. Известный тюрколог А. Борнс как-то заметил, что «ум человеческий нигде так не увлекается, как в вопросах этимологических»¹. Интерес к данному этнониму огромен. И несмотря на многочисленные публикации, вопрос о происхождении слова «калмык» остается открытым, т. е. не существует единой точки зрения. Попытаемся внести ясность.

Согласно распространенному представлению этноним «калмык» (хальмг) имеет следующие значения: оставшийся позади (П.С. Паллас); отступники, т. е. принявшие буддизм (Б. Бергман); ушедшие вперед (А. Ремюза); отделившийся, отставший (А. Позднеев); оставшиеся, т. е. ойраты, которые остались язычниками (В. Бартольд); отпавший, отделившийся или ушедший (Н. Нефедьев) и др. Как свидетельствуют изыскания, вопрос оказался настолько серьезным и сложным, что выводы в некоторых публикациях оказались диаметрально противоположными. В этом плане определенный интерес вызывает мнение М. Бакунина, который во второй половине XVIII в. писал: «... хошоуты и зенгюрцы сами себя и торгутов калмыками и доныне не называют, а называют, как и выше означено, ойрат. Торгоуты же как себя, так и хошоутов и зенгюрцев калмыками хотя и называют, но сами свидетельствуют, что сие название не свойственно их языку, а думают, что их так называли россияне, но в самом деле, видно, что сие слово «калмык» произошло из языка татарского, что татары называют их калмак, что значит «отсталые» или «отстальцы»². Как видим, почти все перечисленные исследователи этноним «калмык» (калмак) рассматривают как слово тюркоязычного происхождения. Рассматриваемый этноним связан в основном с теми ойратами, которые остались

буддистами, т. е. не сменившими своего первоначального вероисповедания. Эта заманчивая идея была подхвачена другими и нашла свое отражение в более поздних работах калмыцких ученых³.

Недавно в журнале «Теегин герл» (№ 4, 2000 г.) была опубликована рецензия академика А. Борманджинова (США) на исследование немецкого ученого Дитмара Шорковитца. Перевод рецензии с английского языка на русский осуществлен ведущим научным сотрудником отдела истории КИГИ РАН кандидатом исторических наук В.П. Санчировым⁴.

Судя по содержанию рецензии, в работе Д. Шорковитца «содержатся полезные сведения общего характера об этнониме «Kalmücke», затем следуют имена ученых, которые в своих исследованиях прямо или косвенно затрагивали данный вопрос. К ним относятся Г.И. Рамstedт, Н. Поппе, Дж.А. Бойл, Дж. Бенцине, Г.Д. Санжеев, Д.А. Павлов и др. Далее А. Борманджинов пишет: «...великий французский монголист и китаист Поль Пелльо пришел к далеко идущему выводу о том, что этноним «калмык», который средневековые мусульманские авторы писали то *kalmak*, то *qalmaq*, то *qalmiq*, то *qalmuq*, тюркского происхождения и впервые встречается в письменной форме уже в 1398 году»⁵.

Вместе с тем отдельные исследователи происхождение этнонима «калмык» ищут в самой ойратско-калмыцкой языковой среде, отрицая возможность тюркского начала. В этой связи уместно указать на публикации В.П. Дарбаковой⁶, А.Ш. Кичикова⁷. Точка зрения первого автора не получила должной поддержки среди монголистов, так как не была достаточно аргументирована. Это отмечается в статьях У.Э. Эрдниева, В.П. Санчирова, в которых показана несостоятельность предлагаемой этимологии этнонима «калмык», ибо слова *хольмг* и *хальмг* абсолютно разного семантического наполнения и происхождения. Как нам представляется, и такое толкование имеет право на свое существование. Несомненно, ближе к истине, как нам представляется, можно отнести трактовку профессора А.Ш. Кичикова, построенную на двух исходных положениях: мягкости согласного *л* и значении слова *халимак* ~ *хальмг* «стремительный, летучий». С

лингвистической стороны анализ слова не вызывает каких-либо возражений. Но в то же время нельзя не согласиться с мнением профессора У.Э. Эрдниева, который не разделяет точку зрения А.Ш. Кичикова. Действительно, в прошлом все кочевые племена были мобильны и стремительны: сама жизнь требовала этого. Аналогичной точки зрения придерживался С.К. Каляев⁸, который считал, что слово *хальмг* образовано от *хальх* со значением «нести над землей, возноситься». Существует мнение, что этнонимы создаются не их носителями, а соседями. Видимо, с этим надо считаться. Немаловажную роль в их образовании играют антропонимы (личные имена).

Тем не менее статья А.Ш. Кичикова заслуживает внимания ученых, и поиски в этом направлении, мне кажется, имеют перспективу. Почему-то этому факту не уделяется достаточного внимания. Действительно, совершенно по-другому названия «калмык» и «хальмг» рассматриваются в статье известного этимолога Н.Н. Убушаева, который утверждает, что «этнонимы калмык-хальмыг имеют арабо-персидское происхождение и связаны с названием тотемного животного»⁹. Он возводит данное слово к калби со значением «волк», т.е. находит общую апеллятивную основу (калби ~ хальмг). Возникает вопрос: а кто такие колми? Это половцы (кипчаки) или другие?

Что же касается других публикаций, а их в последнее время появилось немало, то и они не лишены заслуживающих внимания мыслей, поэтому мы не должны проходить мимо подобных фактов. Несомненно одно: они могут натолкнуть на интересные идеи, помочь по-иному взглянуть на данную проблему.

Определенный интерес вызвала публикация Б.Ц. Алаева «... И друг степей калмык», в которой он сделал краткий обзор имеющейся литературы об этнониме «калмык» и изложил свое мнение по этому поводу. Автор пишет: «калмык есть не что иное, как «хальмг» на орфоэпии тюркоязычных народов и переводить буквально «калмык» как «остаток» ошибочно и безосновательно». Свое мнение он подтверждает фактами современных тюркских языков. Не обошел вниманием

сочетание «улан залата хальмг» - краснокисточные калмыки. «Словосочетание «Улан залата хальмг», - отмечает Б.Ц. Алаев, - это... самоназвание народа... только отсюда... появились «кизилбаши» - красноголовые на тюркском языке»¹⁰. Хотелось напомнить, что кизилбаши – это персы, красившие волосы и бороды хной. Они не имеют никакого отношения к «улан залата хальмг». Известный этнолог Р.Г. Кузеев пишет: «В южной и восточной Башкирии в родоплеменной этнонимии башкир появляются названия калмак, калмык, казах...»¹¹. В перечисленных композитах обобщающим компонентом является «калмак», а другие – уточняющими, служащими для различительных целей. По свидетельству ученых А.Ш. Кичикова, А.Г. Митирова, данное сочетание появилось в письменных памятниках в 1437 г. Кроме «улан залата хальмг» существуют «ак калмак» - белые калмыки (телеуты), кара калмак – черные калмыки (западные монголы), сарт калмак – ойраты, проживающие на территории современной Киргизии. Как видим, деление производилось не по географическому, а по цветовому признаку. Небольшие группы калмыков в прошлом растворились среди тюркских племен. Надо полагать, первоначально словом «калмак» называлась группа (союз) племен, близкая по укладу жизни, языку, которая, по всей видимости, не приняла ислам. Оно было лишь собирательным наименованием без конкретного этнического содержания. Поэтому «калмак», встречающийся в источниках конца XIV в., скорее всего, означает иноверец, не принявший ислам, и этим выделяется среди других вышеперечисленных этнических единиц (ак калмак, кара калмак и др.).

В другой публикации (автор С. Уланов) приводится интересная легенда, заимствованная из арабских источников. Суть ее в следующем.

«Давным-давно земли от Алтайских гор до Самарканда занимали калмыки-ойраты. Стоял у власти хан. На пятьдесят седьмом году жизни он скоропостижно скончался. Владение завещал своим четырем сыновьям. Одного (старшего) звали Хальмг (Калмык), второго – Хазг (Казах), третьего – Киргиз, четвертого Япон(ец). Похоронили отца с большими почестями. Спустя немного времени из-за ханского престола между ними

разгорелся спор, перешедший затем в междоусобную борьбу, которую выиграл старший брат. После этого Казах со своими людьми ушел на р. Обь, Киргиз обосновался на берегах р. Енисея, Японец – на островах Дальнего Востока, который так и остался в тех краях.

Прошло время, Киргиз вернулся с Енисея и получил свою долю отцовского наследства. Это современная Киргизия. Казах заселился на землях нынешнего Казахстана. А старший брат Хальмг стал ханом во владении своих предков. Таким образом, калмыки, казахи, киргизы являются братьями, т. е. имеют одни корни». В этой же статье говорится, что после военных походов А. Македонского, Тамерлана киргизы и казахи стали мусульманами. А слово «хальмг», по мнению С.Л. Уланова, тюркского происхождения (от «кол манна» - открытый лоб). Так появилась еще одна версия на основе народной этимологии.

Легенда интересна тем, что она подтверждает существующее мнение о том, что некоторые монголоязычные племена в XIII-XIV вв. принимали ислам. По существу, с этим явлением часть ученых связывает происхождение этнонима «калмык».

Сделав небольшой историко-лингвистический экскурс в прошлое, мы убедились, что выяснение этимологии слова «калмык» (хальмг) сопряжено с определенными трудностями. Но вот что бросилось в глаза. За исключением двух-трех публикаций этимологизировали в основном название «калмык», которое непосредственно связывалось с тюркским «калмак», а этноним «хальмг» оставался в стороне, хотя многие понимали, что эти слова одного семантического порядка, но в разной орфографии. Как нам представляется, значение и происхождение слова «хальмг» надо искать в варианте мягкорядного произношения - хэлмг (срав. салькн - сэлкн, альд - элд и др.). Тем более многие монголисты признают, что калмыцкому языку «свойственна мягкость произношения». И это подтверждает А. Позднеев: «Переселившись затем в пределы Джунгарии, заняв старые кочевья... и др. турецких племен, ойраты, под влиянием новых климатических условий, смягчили тот грубый, северный выговор, который доныне еще сохраняют в своей речи

буряты»¹², а также Г. Рамстедт¹³, который в своем словаре дает слово «хэлмг» - калмык. В этой связи хотелось бы привести пример из уйгурского языка, где калмак означает «оставаться», а мягкорядный кэлмэк – «приходить». Думается, никто не станет отрицать, что продуктивный аффикс –мак/мэк (в современном калмыцком языке –мг в словах типа өдмг «хлеб», ташмг «бич», көөмг «отек», буршмг «сыромятные лапти», булмг «саламата») тюркского происхождения, значение которого подробно описано тюркологами. Надо признать, данный аффикс получил широкое распространение в калмыцком языке. Если от слова хэлмг (хальмг) отделить заимствованный показатель –мг, то остается корневая морфема хэл-, от которой, как считает Г. Рамстедт, образовался глагол хэлх со значением «взлететь, подняться» (что весьма близко интерпретации А. Кичикова и С. Каляева), «выйти из берегов» и, наконец, «эмигрировать, переселиться (о народе)».

При историко-лингвистической характеристике этнонима, в частности, «хальмг», возникает ряд вопросов, на которые необходимо найти ответы. Во-первых, следует выяснить, является ли это слово исконно калмыцкого (ойратского) происхождения или заимствовано из другого языка; во-вторых, необходимо определить время появления этнонима на исторической арене; в-третьих, какова семантика выражений улан залата хальмг, хальмг өөрд, хальмг таңһч. Эти вопросы примерно в таком объеме ставились в некоторых ранее опубликованных работах. Так, например, Ц.-Д. Номинханов полагает, что слово «калмык» появилось в период между XIV-XVII вв. в Джунгарии. «В данном случае, - пишет он, - мы исходим из того факта, что слова «калмык» и «ойрат» синонимичны. Они обозначают одно понятие, они – этнонимы одного и того же народа»¹⁴. Думается, никто не оспаривает данный тезис. А сочетание хальмг өөрд – это не «стремительные ойраты», как считает А. Кичиков, а «переселившиеся ойраты». Оно появилось в то время, когда слово «хальмг» еще не утвердилось в качестве самоназвания, а этноним «өөрд» (ойраты) не утратил свое значение. Это произошло гораздо позже.

В наши дни этноним «калмык» имеет у тюркоязычных народов несколько значений – от «иноверца» до «врага». «Термин калмык, или калмак, – пишет В. Бартольд, – каково бы ни было его происхождение, употребляется мусульманскими авторами в несколько более обширном значении, чем термин «ойрат»¹⁵. Несколько иной точки зрения придерживается Л. Гумилев: «В результате вторичной адаптации и метизации возник новый народ, который с течением времени полностью обособился от коренных монголов и получил древнее название – ойраты или новое – калмыки»¹⁶. Речь идет о той части ойратов, которая перебралась с Алтая в Джунгарию, а оттуда – на Волгу.

Таким образом, этноним «хальмг» (хэлмг) образован, надо полагать, от глагола хэлх со значением «эмигрировать, переселиться» и именного форманта –мг (-мак// -мек). А формирование и становление рассматриваемого этнонима происходило по следующей схеме: хэл → хэлх → хэлмг (хальмг); по-тюркски «калмак», по-русски «калмык» со значением «переселившийся; переселенец». Освоение этого слова в качестве этнонима и антропонима (фамилии Калмык, Калмыков) русским языком происходило через посредство тюркских языков. Этноним калмык (хальмг) остается по своему происхождению тюркским.

¹ Борнс А. Путешествие в Бухару. III. М., 1849. С. 348

² Бакунин В.М. Описание калмыцких народов, а особливо из них Торгоутского, и поступков их ханов и владельцев. Сочинение 1761 года. Элиста, 1995. С. 22

³ Номинханов Ц.-Д. Происхождение слова «калмык» // Вестник АН Каз. ССР. № 11. Алма-Ата, 1958. С. 99-103; Эрдниев У.Э. Этнонимия калмыков // Теегин герл. 1993. № 3. С. 80-87

⁴ Шорковитц Диттмар. Социальная и политическая организация у калмыков (ойратов) и процессы аккультурации с XVII до середины XIX века. Франкфурт-на-Майне. Изд-во Петер Ланг, 1992; Этноисторические исследования о монгольских народах. (Труды европейской высшей школы: Серия XIX: Фольклористика / Этнология. Отдел Б. Этнология. Т. 28). 674 с.

⁵ Борманджинов Араш. Введение в калмыковедение. Глава II: Этимология названия «калмык». Нью-Йорк, 1961. С. 121

-
- ⁶ Дарбакова В.П. К этимологии этнонима «калмык» // Этнонимы. М.: Наука, 1970. С. 265-268
- ⁷ Кичиков А.Ш. К вопросу о происхождении слова «калмык» // Ученые записки Калм. НИИЯЛИ. Вып. 5. Серия филологии. Элиста, 1968. С. 133-134
- ⁸ Каляев С.К. Хальмг. / Хальмг үнн. 29 сентября 1993 г.
- ⁹ Убушаев Н.Н. Происхождение этнонима «калмык» и «хальмг» // Проблемы современного калмыковедения (КГУ). Элиста, 2001. С. 81
- ¹⁰ Алаев Б.Ц. И друг степей калмык // ж. Теегин герл. № 5, 1995. С.114-119
- ¹¹ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. Этногенетический взгляд на историю. М.: Наука, 1992. С. 347
- ¹² Позднеев А.М. Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии. Элиста, 1993
- ¹³ Рамстедт Г.И. Калмыцко-немецкий словарь. Kalmückishes Wörterbuch. Helsinki, 1976. С.176
- ¹⁴ Номинханов Ц.-Д. Указ. соч. С. 80-87
- ¹⁵ Бартольд В. Сочинения. Т. V. М., 1968. С. 214
- ¹⁶ Гумилев Л.Н. «Арабески» Истории. М., 1995

Современные функционально-семантические направления изучения калмыцкого предложения

Вопросы о строении и типах предложений относятся к одному из центральных аспектов изучения синтаксической структуры языка. Синтаксисты-калмыковеды с позиций традиционной грамматики достаточно подробно описали члены предложения, классифицируя предложения по структуре, составу, цели высказывания и распространенности /нераспространенности¹. Традиционный синтаксис, по мнению современных исследователей, все же не имеет последовательных, взаимообусловленных принципов описания синтаксических единиц, в том числе и предложений. Этим объясняется подход лингвистов к предложению как многоаспектному объекту и попытка создания новых моделей описания предложения на материале различных языков².

К числу важнейших задач описания предложения относятся: установление конечного инвентаря моделей предложения данного языка и системы форм (парадигмы), в которых актуализируются данные модели; установление операционных правил регулярных реализаций тех же моделей. Кроме того, существенными для описания являются: установление моделей трансформационных рядов, различных видов перифраз (описательных оборотов), деривационных отношений между предложениями и установление операционных правил построения соответствующих рядов.

Поэтому, на наш взгляд, основной задачей исследователей современной синтаксической теории на материале конкретных языков является апробация новых подходов и систематизация типов предложения калмыцкого языка в свете достижений современного языкознания при сохранении опыта, накопленного предыдущими поколениями лингвистов по изучению типов предложений в монгольских, тюркских и других языках. Один из первых по своей важности аспект предложения нашел подробное описание в концепции структурной схемы предложения, разработанной авторами последней русской академической грамматики. Предложение, обладая предикативностью, имеет исходную минимальную статическую структурную схему, которая с помощью регулярных реализаций и парадигмы обнару-

живает свои значения. Приведем примеры калмыцких предложений с различными предикативными основами: *Хавр ирв "Пришла весна"*; *Одх кун уга "Некому пойти"*; *Цаг уга "Нет времени"*.

Синтаксический индикатив (временная определенность: прошедшее, настоящее, будущее) и синтаксическое ирреальное наклонение (временная неопределенность - возможное, желаемое и должное) - составляя объективную модальность, являются грамматическими свойствами структурной схемы предложения: *Көвүн ирлө "Мальчик приходил"*; *Көвүн ирв "Мальчик пришел"*; *Көвүн ирх "Мальчик придет"*; *Көвүн ирх кевтө "Мальчик, видимо, придет"*; *Көвүн ирх зевтө "Мальчик должен придти"*; *Көвүн ирх мөн "Мальчик действительно придет"*. Настоящее время является исходной формой, которой открывается парадигма предложения.

Структурная схема предложения имеет свою семантическую структуру, которая с помощью своих категорий образует семантические модификации предложения. В свою очередь, семантические модели связаны с грамматическими видоизменениями, с лексическими значениями слов и с условиями языкового общения. Предикативность, субъект, объект относятся к элементарной семантической категории, например: *Көвүдт бәрси заһси дала бээнэ "У ребят много наловленной рыбы"*: *Көвүдт* - "у ребят" - субъект действия и субъект состояния; *Хош оютнрар тосхгдж "Кошара построена студентами"*: *хош* - объект действия и субъект состояния действия; *Өрк-булднь подрхаһар цэөлһэд келж "Семье было подробно объяснено"*: *өрк-булднь "семье"* - объектно-обстоятельный квалификатор. Разнообразные определительные значения относятся к неэлементарным семантическим категориям.

В ходе реализации предложения для его восприятия как грамматической и информативной единицы встречаются конситуативно требующие поддержки типы предложений и конситуативно не требующие поддержки типы предложений, например: *Бичжәнэв "Пишу"*; *Бич "Пиши"*; *Бичхм "Напишем"*; *Бичтн "Пишите"*; *Бидн кергин тускар "Мы о деле"*; *Элст орх санатав "Хочу съездить в Элисту"* - неполные реализации, не требуют конситуативной поддержки. К конситуативно требующим поддержки предложениям относятся вторые реплики диалогов или экспрессивные средства реализации структуры предложения с замещением позиции, например: *Эндр көн ирсн уга? Бичкдүд. "Кто сегодня не пришел? Дети"*; *Му ʒиш көдлнэ - Хооснас де-*

ер *“Неплохо работает – лучше в любом случае”*. Это и называется системой регулярных реализаций предложения. Согласно данному подходу предложения в зависимости от коммуникативного задания делятся на повествовательные, эмоционально-волевой направленности и побудительные, которые объединяются между собой как невопросительные. Вторая группа предложений, имея собственные грамматические образцы, свою интонацию, порядок слов и специальные языковые средства, в зависимости от цели сообщения называются вопросительными.

И в завершающей части этой концепции обращается внимание на важную роль интонации в образовании различных типов предложений. Интонация наравне с лексическими и синтаксическими средствами, имея свои средства, различает предложения: 1) по цели высказывания, например: *Тавн часла ирв. Тавн часла ирв? “Пришел в пять часов”*; 2) по семантической структуре: *Күүкн ода чигн гертән (бээһә). Күүкн ода чигн гертән! (ода күртл йовад уга) “Девушка все еще дома”*; 3) по степени смысловой нагрузки отдельных частей предложения: *Эмчин көдлмш /илднь келхд, намд / таасгддо билә. Эмчин көдлмш, илднь келхд, намд таасгддо билә. «Профессия врача, если говорить честно, мне не нравилась»*; 4) по выделению главного в сообщении: *Көвүн маңһдур ирх. Көвүн маңһдур ирх. “Мальчик придет завтра”*; 5) по характеру отношения говорящего к высказываемому: *Юңгад тиим болсн кен медхв. Юңгад тиим болсн кен медхв. “Почему так получилось, кто знает”*.

Данная система лингвистических подходов касается исследования простых нераспространенных предложений и, естественно, при распространении предложения второстепенными членами, субъективно-модальным значением, полипредикативными и другими средствами осложнения вышеприведенная структурная схема предложения развивается по всем указанным направлениям³.

Несмотря на то, что данный подход комплексного изучения предложения достаточно абстрактен и считается менее зависимым от ситуации речи, интонации и словопорядка, было бы правильным и вполне оправданным описание ограниченного количества образующих основу любого предложения статических моделей, применение системы подходов и последовательность интерпретации конкретного языкового материала.

Второй, коммуникативный, уровень предложения, связанный с ситуацией общения и познавательной деятельностью говорящего, монголисты начинают интенсивно разрабатывать, опираясь на работы ведущих лингвистов в области теории языкознания. Появились первые исследования, посвященные актуальному, логико-грамматическому членению, коммуникативным типам предложений, правилам репрезентации (представление в условиях наибольшей убедительности) предложения в речи⁴.

Концепция, рассматривающая предложение как динамическую коммуникативно-синтаксическую единицу, предполагает, что в зависимости от ситуации речи при одной и той же формально-грамматической сочетаемости смысловые соотношения между составляющими предложения могут быть различными или достаточно подвижными⁵.

При исследовании ситуации, функция предложения получает ряд интерпретаций через конкретные разделы синтаксиса: 1) актуальное членение (коммуникативный) – функциональный аспект предложения, отражающий информативную направленность высказывания; 2) грамматика текста определяет функцию предложения в тексте; 3) семантический (ситуативный) синтаксис поясняет функцию предложения, указывая на описываемую им ситуацию⁶.

Кроме этого, функциональный анализ на материале конкретных языков дает основание для решения вопросов синтаксической теории. Во-первых, с помощью своих функциональных возможностей конкретные компоненты приобретают статус составляющих определенных моделей, которые становятся базой компонентного анализа предложения, т.е. каждое предложение может быть интерпретировано как определенная комбинация компонентов. Во-вторых, изофункциональность (одинаковость, подобность) синтаксиса опирается на способность любого компонента простого предложения быть выраженным способом фразовой номинации, а в сложных предложениях на функциональных принципах конструктивную основу составляют придаточные предложения. В-третьих, функциональный анализ компонентного состава предложения, представляя многообразие синтаксических моделей в классификации, позволяет соотносить типовое содержание и языковые средства предложения⁷.

Обосновывая целесообразность выделения данного уровня исследования предложения, В.З. Панфилов еще в начале

70-х годов XX века подчеркивал, что актуальное членение предложения осуществляется целым набором формальных языковых средств (специальными формами в некоторых языках, интонацией, порядком слов и пр.), назначение которых в предложении не может объяснить синтаксический анализ по членам предложения. Введение понятия этого уровня предложения представляет интерес во многих отношениях: во-первых, материалы различных языков доказывают неразрывную взаимосвязь мыслительных процессов и средств их языкового выражения: изменение структуры мысли (изменение актуального членения) обязательно сопровождается изменениями языкового выражения. Во-вторых, формальные средства данного уровня включаются в общий набор грамматических средств языка, а конкретные логико-грамматические особенности языка ставятся в связь с типологическими чертами данного языка. В-третьих, данное направление исследований углубляет и расширяет представления о строении предложения и тем самым способствует дальнейшей разработке теории предложения: вопросов соотношения модальности и наклонения, категории предикативности и сказуемости и т.д.⁸

Учеными особо подчеркивается еще один важнейший практический аспект изучения смыслового, логико-грамматического членения предложения. К.Г. Крушельницкая считает, что целеустремленное и правильное выявление и объяснение способов выражения коммуникативной нагрузки в соответствующих языках более эффективно при изучении неродного языка. При этом сравнение его с родным делает необходимым особое внимание к данному вопросу, что имеет большое значение в переводческой практике⁹. По мнению В.Е. Шевяковой, текст может быть понят правильно, а перевод признан адекватным, если в нем правильно переданы не только значения слов, их грамматические формы и синтаксические отношения, но и когда в нем адекватно воспроизведена структура мысли-суждения (вопроса, повеления), выраженного в предложении оригинала, т.е. если в нем правильно отражено актуальное членение предложения¹⁰.

А.Л. Пумпянский, изучая закономерности функциональных стилей научной и технической литературы, предлагает теоретические основы и метод билингвистического исследования порядка слов, поскольку предложения различных языков, выражающие одну и ту же мысль, на логико-грамматическом уровне имеют одну и ту же структуру¹¹. Незаработанность данного

уровня и вопросов функционирования предложения в речевом процессе приводит к тому, что при изучении семантики предложения полностью игнорируются связи последнего с контекстом и с языковой ситуацией. Это, в свою очередь, тормозит естественный и логический переход от исследования структуры предложения к анализу структуры сверхфразовых единиц, т.е. к всестороннему изучению синтаксиса текста¹². Ибо теория текста может сформировать изучение тех отношений, которые возникают в процессе создания последовательности высказываний, эти отношения, именно возникающие, а не данные в системе, могут связывать и элементы внутри одного высказывания¹³.

Опираясь на данное направление исследований, можно системно и последовательно говорить об особенностях развёртывания предикативной основы и актуального членения предложения, о коммуникативных типах предложений и т.д.

На сегодня обобщающие и комплексные работы в области коммуникативного уровня организации калмыцкого предложения, да и монгольского вообще, ждут своих исследователей, как и особо выделяемый учеными номинативный план предложения, который переводит вопросы состава и строения предложения в семантический аспект.

Опираясь на семиотику (науку о знаковых системах), наряду с коммуникативным аспектом специально выделяется номинативный аспект предложения, который рассматривает предложение как сложный знак денотат (элемент действительности, обозначенный в языке знаком), являющийся не предметом, а целой ситуацией, фактом. Непосредственно соотносясь с ситуацией, предложение является полным знаком, слово – частичным знаком, многозначным по своей природе и соотносится с ситуацией только путем включения его в полный знак. Предложение и словосочетание являются законченным продуктом семиотического акта. Этому аспекту, который называется “семиотическим ядром”, “пропозиционным концептом” или “пропозиционной номинацией” предложения, соответствует своя система значений и категорий. В поисках основного содержания и общей структурной модели предложения традиционный синтаксис рассматривает отношение синтаксических единиц к логической структуре мышления, тогда как семантический синтаксис изучает отношение предложения к обозначаемой им ситуации (референту, денотату). Конструкция, представляющая абстрактное ядро предложения без категории модальности, изо-

бражается в виде формулы, построенной из символов, передающих фундаментальные семантические категории. Даже при утрате предложением своих свойств отдельного сообщения его назывная функция сохраняется. Это четко можно наблюдать при транспозиции предложения в зависимую синтаксическую конструкцию. Сравните: *Көвүн сурһулин хөөн гертән ирв "Мальчик после занятий пришел домой"* → *Сурһулин хөөн гертән көвүнә ирлһн "Приход мальчика домой после занятий"*. Предложение в именной позиции лишено коммуникативной автономности, нет расчлененности в предложении старой и новой информации (темы и ремы), утрачена модальность, но номинативное содержание остается прежним. То есть пропозитивная номинация – свойство на уровне предложения и словосочетания и их общность в ядерных элементах. Центральный элемент предложения как коммуникативной единицы – сказуемое – преобразуется в номинативное ядро словосочетания. Возможность подобных транспозиций предложений (наименований событий) представляет собой одно из необходимых условий построения связной речи, например: *Ахлач ора асхн ирв "Начальник приехал поздно вечером"*. *Ирлһинь цугтаһинь байрлулв "Приезд всех обрадовал"*. *Байрлһн удан болсн уга "Радость была непродолжительной"*. *Удан эс болсн учрнь ирсн һашута зәңг* "Причина ее непродолжительности пришедшее горькое известие". Итак, номинативная специфика предложения и его семантических эквивалентов состоит в абстрактности (непредметности) их значения. Это отличает пропозитивную номинацию от лексической номинации¹⁴. Хотя лексическая номинация со своим предметным значением существительных и образованных на их основе словосочетаний может переходить в номинацию пропозитивного типа и наоборот, например: *Көвүн Элстд ирв "Мальчик приехал в Элисту"*. → *Элстд көвүнә ирлһн "Приезд мальчика в Элисту"* → *Ирлһн "приезд"*. Кроме этого, работы данного направления имеют практическую значимость и важность для теоретического обоснования определенных языковых процессов, представляющих интерес и на материале калмыцкого языка. Остановимся на некоторых из них.

Во-первых, пропозиционная номинация, не являясь основанием для противопоставления словосочетания и предложения, в то же время обладает синтаксической релевантностью (способностью различения языковых единиц), которая может служить отличительным признаком предложения от создаваемых на их основе причастных оборотов, например: *Көвүн*

дегтр умшжана "Мальчик читает книгу" → Көвүһәр дегтр умшлһн "Чтение книги мальчиком" – предложение и его номинативный эквивалент отличается от форм оборота: дегтр умшжәх көвүн "читающий книгу мальчик", көвүһәр умшгджәх дегтр "читаемая мальчиком книга".

Во-вторых, в структуре сложного предложения пропозиционная номинация также представляется как соединение между собой названий событий, хотя на этом уровне есть отношения безразличные к номинативному типу и вместе с тем отношения, сочетающие единицы только определенного номинативного типа. Так, например, калмыцкие предложения следования, предложения причинно-следственной связи, соединительно-распространительные, отождествительно-соединительные, соединительно-дополнительные сложносочиненные предложения, используя сочинительные союзы соединяют между собой только однородные номинации¹⁵. Из типов сложноподчиненных предложений избирательно к типу номинативного значения в калмыцком языке относятся отношения причины, условия, уступительности, времени и другие. В них придаточные предложения легко замещаются номинативными сочетаниями. Приведем калмыцкие примеры с их номинативными эквивалентами: Бүкл асхн дуусн гиич ирх гихәд (Бүкл асхн дуусн гиич ирх гилһнд) Болха герән ясад хотан белдв [ЭБ - 273]. "Целый вечер Болха прибирала в доме и готовила еду, так как ожидала гостей" (с придаточным причины); Күүкнә тускар Андрейд ямаран седкл бәәхин тускар медхәр өвгн мөшкхн болв чигн (Күүкнә тускар Андрейд ямаран седкл бәәхин тускар медх өвгн мөшклһнд), Андрейд келдг тодрха үг уга билә [ОК - 48]. "Хотя старик всячески пытался разузнать о чувствах Андрея к девушке, тот ничего конкретного сказать не мог" (с придаточным уступительным); Тана сулдхәр кезә чилхмн билә (Тана сулдхәр чиллһнлә), тер цагларн манаһур күрәд иртн [КХ - 52]. "Когда ваш отпуск окончится, тогда заходите к нам" (с придаточным времени); Кемр хаалһас хажий гихлә (Хаалһас хажилһнлә), белкуснәһән көрт булхгдна [ЭО - 9]. "Как только надумаешь свернуть с дороги, сразу же по пояс проваливаешься в снег" (с придаточным условия). Причем наличие сказуемого главного предложения, принимающего форму номинативной конструкции, – явление достаточно частое, например: Идр насндан нүдн уга бол, идх-уух хот уга бол... бас күчр бәөлһн [БО - 470] "Если быть смолоду незрячим, если окататься без средств к существованию... какая это тяжкая

жизнь". В последнем примере "бол" употребляется в качестве самостоятельного условного союза-частицы¹⁶.

Следующее замечание касается придаточных предложений времени с союзом *цагт* (*цагла, цагларн*). Отмечается, что служебное слово *цагт* в отличие от всех подобных ему структурных элементов сложного предложения наиболее абстрагировано и наиболее активно в своих связях с причастиями на –*сн, -х, -а, -дг*, которые в калмыцком языке фигурируют в качестве сказуемых как при наличии предикативных частиц, так и без них. При этом в роли сказуемых придаточных времени они выступают в исходных формах и при подобных сказуемых-причастиях должно быть подлежащее в именительном падеже, а все конструкции, в которых субъект действия выражен косвенным падежом, относятся к оборотам.

В связи с этим думается, что семантика предложения, его "пропозиционная номинация" является одним из главных оснований для рассмотрения придаточных конструкций со словом *цагт* как предложений. Приведем примеры с номинативным эквивалентом придаточного времени: *Намр эклх цагт (намр эклһнлә), колхозин тәрәнә көдлмш гүүднә* "Когда наступает осень, посевные работы колхоза в разгаре"; *Радио келдг цагла (Радио келһнлә), би босдг биләв.* "Я вставал в тот момент, когда начинало говорить радио"; *Колхоз тәрәһән хада цагла (Колхоз тәрәһән хадһнлә), догшн хур орв* "В то время, когда колхоз убирал урожай, прошел сильный дождь".

Кроме этого, в сложных подчинительных конструкциях калмыцкого языка выделяются придаточные номинативные, или назывные предложения¹⁷. Они образуются с помощью организующего члена существительного или субстантивированного слова в именительном падеже, заключает в себе утверждение о наличии и существовании предмета или явления и присоединяется к главному при помощи дицендиальных союзов, например: *Эрдниг наадлсн болад күргн гиж дуудна* [ЭБ - 317] "Эрдени в шутку называют женихом"; *Чавас, залу күн гиж чамаг нерәдхв* [БО - 124] "Бедняга, разве можно назвать тебя мужчиной". Подобные предложения следует отличать от предложений, в которых при наличии подлежащего опущено сказуемое или в которых опущено подлежащее, а сказуемое выражено именем существительным в именительном падеже. Подобные придаточные номинативные следует отличать и от слов и словосочетаний, являющихся приложениями к существительным *нерн 'имя'*, хотя если имена собственные и нарицательные от-

носятся не к указанному существительному, а к производному от него глаголу *нерлх 'именовать, называть'*, то они выполняют функцию придаточного номинативного предложения, например: *Урднь ээмгин цутхлц бээсн Туктн селэн ода Привольное гиж нерэдгднэ* [ЭЗ - 82] *"Село Туктун, когда-то бывшее аймачным центром, теперь стало называться Привольное"*.

В-третьих, вопрос касается объема моделирования. Если коммуникативный аспект выделяется или в редуцированном, или синтаксически развернутом виде не более двух составляющих (того, что сообщается и того, о чем делается сообщение), то номинативный аспект структурную полноту предложения определяет как одночленный, например, в русском языке или ситуация обозначается расчленено, как в калмыцком языке. При расчлененной ситуации наряду со сказуемым появляются дополнения, которые по степени семантической необходимости в предложении занимают место от прямого дополнения до обстоятельства. Различие дополнений и обстоятельств производится на семантическом основании: элементы, требуемые семантикой глагола-дополнения, а члены, присутствие которых не обязательно для смыслового наполнения глагола, рассматриваются как обстоятельства¹⁸.

В номинативном плане минимум предложения может быть установлен как предел семантической автономности, пригодности к выполнению номинативной функции. С этой точки зрения противопоставления между подлежащим и дополнением нет, и дополнения, как подчеркивают современные исследователи на материале конкретных языков, особенно тюрских, следует относить к числу необходимых членов предложений¹⁹. Говоря о границах и минимальных формулах предложения, сторонники данного направления считают, что с помощью механизма актуализации (времени и модальности) в одном синтагматическом ряде слиты несколько пропозитивных номинаций, т.е. сколько типов отношений между предикативными предметами, столько формул предложения, например: *Куукн ирв "Девочка пришла"* (одноместный предикат); *Көвүн дегтр умшжана "Мальчик читает книгу"* (двухместный); *Багш куүкдтэн мөнд илгэж "Учитель передал детям привет"* (трехместный)²⁰.

В то же время в когнитивном (познавательном) и коммуникативном плане предложение как минимальная синтаксическая единица текста имеет свои особые структурные черты и грамматические значения, отличные от слов и словосочетаний. Яс-

но, что такие элементы структуры предложения, как активные и пассивные структуры построения или замещение синтаксических позиций более полно и последовательно объясняются в масштабе организации текста²¹.

В связи с обращением к новым аспектам исследований в области синтаксической теории мы подошли ко второму (первое – в работах Н.Ю. Шведовой) направлению системного изучения семантической структуры предложения в лингвистике. В обобщенном виде оно нашло отражение в работах О.И. Москальской. Согласно данному направлению исследования, прежде всего следует установить четыре вида типовых значений предложений (комбинаторные операции), характеризующие природу предложения и без которого нет системного описания синтаксиса с учетом семантического аспекта.

Первый вид связан с номинативной функцией предложения и формированием "семантического ядра" предложения. Означаемой стороной являются семантико-синтаксические категории: агентивность, аффицированность, орудийность, процессуальность, стативность, квалификация предмета, идентификация предмета, адресат действия, каузативность (причинность), бытийность и т. д. Приведем примеры из калмыцкого языка: *Көвүн умшжана "Мальчик читает"* – *Көвүнә умшлһн "Чтение мальчика"* (агентивность, процессуальность); *Сәәхн цецгә "Красивый цветок"* – *Цецгә сәәхн "Цветок красив"* – *Цецгән сәәхнь "Красота цветка"* (квалификативность); *Мөрн ирв "Пришла лошадь"* – *Мөрәр ирлһн "Приезд на лошади"* (орудийность); *Көвү йовулв "Отправил мальчика"* – *Көвүнд йовулһн "Послание (отправка) мальчику"* (адресат действия) и т. д.

Второй вид значений связан с установлением синтаксических отношений между простыми знаками в пропозиции и относится к структурно-семантической категории уровня предложения и словосочетания: отношение подлежащего и сказуемого, отношение определяемого и определения, отношение сказуемого к дополнению и обстоятельству, отношение подчинения, сочинения и предикации.

Третий вид типовых значений предложений связан с оформлением предложения как единицы высказывания и дифференциации структуры предложения по видам высказывания (т.е. когнитивную-познавательную и коммуникативную функцию). Образуется он с помощью коммуникативно-грамматических категорий (основной является категория предикативности), и более частных категорий синтаксического

времени, модальности, утверждения / отрицания, целевой установки высказывания. И четвертый вид значений связан со структурированием сложных синтаксических целых и образованием текста. В этом случае комбинаторные операции связаны с выявлением актуального членения; анафор-повторов; проlepsиса, когда предыдущий компонент имеет смысл в связи с последующим; временного и модального планов текста; тематической последовательности текста и др.

Определяя как статический (выявление модели предложения) и динамический (внутримодельные и межмодельные модификации) подходы к системному описанию синтаксиса, автор основное внимание уделяет первой группе семантико-синтаксических категорий. Для этого используются следующие понятия и категории: 1) понятия лексических разрядов слов и семантических маркеров, проявляющихся во взаимодействии слов и синтаксических структур: конкретность/абстрактность, одушевленность/неодушевленность; 2) категории семантического синтаксиса, выделяемые на уровне целых структур (словосочетаний и предложений): агентивность, аффицированность, адресатность, орудийность и т.п.; 3) категории предикатной логики, релевантные для семантической структуры предложения в целом: функция и аргументы, детерминация и реляционные отношения.

Уточняя два типа неравенства: модель и двучленная структура, модель и смысловая завершенность предложения, особо подчеркивается важность для построения модели вычленение структурного каркаса предложения и вопросы вариативности в рамках тождества модели. При этом основным источником вариативности считаются: а) наличие факультативных членов, например: *Бадм бичг йовуле «Бадм послал письмо» - Бадм кевуһар бичг йовуле «Бадма через мальчика послал письмо»*; б) субституция (подстановка) позиции в модели предложения; в) введение дополнительных строевых элементов.

По мнению ученых, данного направления, к семантической структуре предложения следует идти через структурную модель, а семантические модели предлагается проводить или проверять по двум пересекающимся типам классификации: логической (детерминирующие, реляционные, бытийные) и по характеру предиката (процессуальные, акциональные, статальные). О.И. Москальская на материале немецкого языка описала 64 структурно-семантические модели предложения, которые по формальным признакам делятся на три большие группы: дву-

составные предложения (глагольные, именные, с инфинитивом, формально-двусоставные), односоставные предложения и фразеологические модели предложений.

Внутри групп и блоков модели разграничиваются по составу, регулярным реализациям и допустимым трансформациям. При анализе блоков выявляется три структурных признака: тип предиката, способность компонентов к распространению и виды усложнений и модификаций. Описание моделей идет от формы к значению, а затем от значения к форме.

Очиров У.У. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис. Элиста, 1964; Очра Уташ. Өдгэ чагин хальмг келн. Синтаксис. Элст, 1990; Тюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис простого предложения. Элиста, 1977

Москальская О.И. Проблемы системного описания синтаксиса (на материале немецкого языка). М., 1974; Пюрбеев Г.Ц. Об основных концепциях предложения в теории синтаксиса // Сущность развития и функции языка. Сборник статей (отв. редактор Г.В. Степанов). М., 1987. С. 189-196

Русская грамматика. Том II. Синтаксис. М., 1982

Пюрбеев Г.Ц. Синтаксис сложного предложения монгольских языков (синхронно-типологическое исследование). Автореф. дис.... докт. филол. наук. Л., 1983; Шанаева Л.Б. Логико-грамматическое членение предложения в калмыцком языке в сопоставлении с русским и английским (на материале политической литературы). Автореф. дис.... канд. филол. наук. М., 1987; Мушаев В.Н. Вводные элементы в структуре калмыцкого предложения. Элиста, 1995

Белашапкова В.А. Сложное предложение в современном русском языке: (некоторые вопросы теории). М., 1967; Распопов И.П. Очерки о теории синтаксиса. Воронеж, 1973

Гак В.Г. К типологии функционирования подходов к изучению языка. Проблемы функциональной грамматики (отв. редактор В.Н. Ярцева). М., 1985. С. 5-15

Золотова Г.А. К построению функционального синтаксиса русского языка // Проблемы функциональной грамматики. (отв. редактор В.Н. Ярцева). М., 1985. С. 87-93

Панфилов В.З. Взаимоотношение языка и мышления. М., 1971;

Полнцев В.М. Рецензия на книгу В.З. Панфилова «Взаимоотношение языка и мышления». М., 1971 // ВЯ. № 2, 1972. С. 124-131

Крушельницкая К.Г. К вопросу о смысловом членении предложения // ВЯ, 1956. № 5. С. 55-67

-
- ¹⁰ Шевякова В.Е. Современный английский язык. Порядок слов, актуальное членение, интонация. М., 1980
- ¹¹ Пумпянский А.Л. Информационная роль порядка слов в научной и технической литературе. М., 1974
- ¹² Абдуллаев К.М. Актуальное членение предложения в азербайджанском языке // Советская тюркология (СТ), 1983. № 1. С. 61-75
- ¹³ Николаева Т.М. Актуальное членение – категория грамматики текста // ВЯ, 1972. № 2. С. 48-54
- ¹⁴ Арутюнова Н.Д. О номинативном аспекте предложения // ВЯ, 1971. № 6. С. 63-73
- ¹⁵ Пюрбеев Г.Ц. Грамматика калмыцкого языка. Синтаксис сложного предложения. Элиста, 1979
- ¹⁶ Там же. С. 81
- ¹⁷ Там же. С. 102
- ¹⁸ Щерба Л.В. О второстепенных членах предложения // Л.В. Щерба. Избранные работы по языкознанию и фонетике. I. Л., 1958
- ¹⁹ Арутюнова Н.Д. Указ соч. С. 72
- ²⁰ Ломтев Т.П. Принципы построения формулы предложения // ФН, 1969. № 5. С. 57
- ²¹ Москальская О.И. Указ. соч. С. 11

Тод үсгийн цагаан толгойтой холбогдох дурсгал бичгүүд хийгээд ойрдын хэлшинжлэлийн уламжлал

Гүн нарийн шинжлэх ухааны үндэс суурь бүхий биеэ даасан үсэг бичгийн хувьд дэлхийн боловсорсон үсэг бичгүүдийн дотор өөрийн онц байр сууриа эзэлж байгаа тод үсэг 1648 онд зохиогдсон тэр цагаасаа эхлээд тухайн үеийн Дөрвөн ойрдын төр шашины хамаг хэрэгт идэвхтэй хэрэглэгдэж агсан бөгөөд, тод үсгийн зохиогч нь энэ бичгээ зөвхөн тэр үеийн Дөрвөн ойрдод л төдий биш мөн тухайн үеийн нийт монгол хэлтэнүүдэд зориулж зохиосон гэдгийг эрдэмтэд нэгэ биш удаа батласан билээ¹.

Тод үсэг дээр бичигдэж үлдсэн дурсгал бичгийн зүйл манай энэ үед дамжиж ирсэн нь тоогоор чамалж болошгүй олон байгаа дээр төрөл зүйлээр ч олон буй бөгөөд өдгөө дэлхийн олон орнуудад, ялангуяа Монгол, Орос, Хятад зэрэг орнуудад хадгалагдаж байгааг бид мэдэж бий. Тэр олон зүйлийн дурсгал бичгүүдийг их төлөв шашны гүн ухаан, зурхай, анагаах ухаан, түүх, сургаал, сан тахилгын гэх мэт олон зүйлд ангилан үзэж болох бөгөөд тоогоор хамгийн цөөхөн боловч агуулгын талаар маш чухал нэгэ төрлийн дурсгал бичиг байгаа нь даруй үсэг бичигтэй холбогдох зүйл мөн.

Тод үсгийн цагаан толгойтой холбогдох дурсгал бичгийн зүйл нь судар хэлбэрийн гар бичмэлээр өргөн хэрэглэгдэж агсан ажээ. "Тод үсгийн дэлгэр цагаан толгой" хэмээх дурсгалын зүйл урьд нь байсан тухай мэдээг Монгол улсын эрдэмтэн М. Амгалан ХХ зууны жараад онд олсон² бөгөөд өнгөрсөн зууны гуч, дөчөөд он хүртэл "Шүтэн сурах гучин цагаан үсэг" буюу "Тод монголын гучин цагаан үсэг" хэмээх зүйл байсан ба ийм сурах бичгээр тэр үед тод үсэг сурч байсан тухайгаа Хятадын Шинжааны Ховогсайр нутагтай миний эцэг Дүүрэнгийн Намжав надад 1996 онд ярьсан билээ. Миний эцгийн хэлснээр бол тэр үед тод үсгийг ер нь эрт дээр үед хэвшиж тогтсон монгол бичиг заадаг уламжлалаар сургаж байсан ажээ. Жишээлбэл, үсэг бүгдийг тэдгээрийн гадар дүрс байдлаар нь буюу үсгүүдийг бүрэлдүүлж байгаа үндсэн махбодоор нь ялган нэрлэж цээжлүүлдэг агсан бөгөөд унших бичгийн зүйлд "Итгэл", "Дарь эх", "Базардара", "Тарбучэмбо"

мэт судрын зүйлүүдийг хэрэглэж байсан ажээ. Харамсалтай нь тэдгээр үнэт дурсгалын зүйлс жараад онд Хятадын "соёлын хувьсгалын" их шуурганд сүйдэж үрэгдсэн ажээ.

Харин ХХ зууны хоёрдугаар хагаст эрдэмтэдийн хүчин чармайлгаар тод үсгийн цагаан толгойтой холбогдох цөөхөн тооны дурсгалын зүйлс олдсон нь тод үсэг хийгээд монгол ойрдын хэлшинжлэлийн уламжлалыг судлах үнэт хэрэглэгдэхүүн болж буйг энд ширхэгчлэн заахад: тод үсгийн цагаан толгойн талаар одоогоор олдсон хамгийн дэлгэрэнгүй агуулга бүхий, эрдэмтдийн сайн мэддэг "Үзгийн найрлага", тод үсгийн цагаан толгой, түүнийг заах арга зүйн талаар сонирхолтой мэдээ бүхий "Тод монгол үсэг хэмээх оршив", Заяа бандидын өөрөө орчуулсан, энэтхэгийн тавин үсэг, түвдийн гучин үсгийг тод үсгээр хэрхэн галиглах ёс хийгээд авиан зүйн зарим зарчмийн тухай тайлбар сэлтийг агуулсан "Олон номын үндсэн үзгийн ялгал" ба "Тарни унших арга хураасан хэмээх оршив" нэртэй судруудыг зааж болно. Эдгээр ховор үнэт дурсгалын зүйлс нь олдсон тэр өдрөөсөө монголч эрдэмтэдийн анхаарал сонирхолыг ихэд татаж, эрдэмтэдээс эдгээр судар бичгүүдийн ерөнхий агуулга хийгээд эх бичгийн судлал, гэрэл зурагийн хуулбар тэргүүтнийг удаа дараагаар нийтлүүлж, эрдэм шинжилгээний хүртээл болгосныг өнөөдөр бид гарын авлага болгон ашиглаж бий.

"Үзгийн найрлага", "Тод монгол үсэг хэмээх оршив" эн хоёр цагаан толгойн бичгийг хамгийн анх монголын нэрт эрдэмтэн агсан Х.Лувсанбалдан гуай бээр 1972 онд Унгарийн "Дорно дахины судлалын мэдээ" сэтгүүлийн XXV ботьд латин үсгийн галиглал, холбогдол бүхий тайлбар сэлтийг Франц хэлээр нийтлүүлэхдээ "Үсгийн найрлага" -ыг харин "Үсгийн гарлага" нэрээр нийтлүүлсэн нь сонирхолтой ажээ³. Энэхүү "Үсгийн найрлага"-ын бас нэг хувилбар Монголын эрдэмтэн Г. Жамъянгийн хувийн цуглуулгад хадгалагдаж агсаныг эрдэмтэн Ц. Баярсүрэн латин галигаар бүрэн галиглаж нийтлүүлснийг бид мэднэ⁴.

"Олон номын үндсэн үзгийн ялгал" хэмээх судрын төгсгөлийн үгэнд "онц сайн үйл хурааснаар олны эзэн цол олон, ономгой ухаанаар онц дээд кэрлэгч Аюш дурдсанд Огторгуйн Далай Раб жам Заяа бандид орчуулав" гэж бичээтэй байгаа боловч академич Б. Ринчэн гуай харин Заяа бандид зохиосон хэмээн тэмдэглэсэн бөгөөд тэрээр оршил бичсэн "Сарны гэрэл"-ийн монгол эхийн хойно эн судрын гэрэлзургыг

дагалдуулан нийтлүүлэхдээ хуудасны дараалалыг нь хутгалдуулсан ажээ⁵.

"Тарни унших арга хураасан хэмээх оршив" судар Орсын Шинжлэх Ухааны Академийн Дорно дахины судлалын хүрээлэнгийн Санкт Петербург дахь салбар хүрээлэнгийн номын санд хадгалагдаж байгаа бөгөөд түүний гэрэл зурагийн буулгабар нь Монголын Шинжлэх Ухааны Академийн хэл зохиолын хүрээлэнгийн тод номын хөмрөгд хадгалагдаж бий.

"Үзгийн найрлага" хэмээх судрын хоёр хувилбар нь зарим үг өгүүлбэрийн яламгүй ялгааг гаргабал агуулгын талаар бүрэн тохиролцдог бөгөөд юуны өмнө эртний хэлшинжлэлийн дурсгал бичгүүдэд нийтлэг байдаг "тахил өгүүлэл" хэмээн нэрлэгддэг залбаралын зүйлээр эхэлж, энэтхэгийн тавин үсэг, түвдийн гучин үсгийг тод үсгээр галиглах ёс, дараа нь тод үсгийн үндсэн цагаан толгой буюу эгшиг долоо, эгшигээр амилсан 16 гийгүүлэгч үсэг, дараа нь 13 дэвсгэр үсгийг багтаасны дээр тод үсгийг зохион үйлдэх сануулга дурдсан хүмүүс, зохиох болсны шалтгаан, зохиосон хүн тэргүүтнийг товч тодорхой өгүүлсэн төгсгөлийн үгтэй. Энэ тодорхой тэмдэглэл нь тод үсгийн судлалд сонирхолтой мэдээ хангаж өгсөн билээ.

"Олон номын үндсэн үзгийн ялгал" хэмээх судар нь "Тарни унших арга хураасан хэмээх оршив" нэртэй судар лугаа агуулгын талаар бүрэн тохиролцдог бөгөөд тахил өгүүлэл гурван мөр залбарал, дараа нь энэтхэгийн тавин үсэг буюу «тодотгон үйлдэгч 34, эгшигийн 16», түвдийн гучин үсгийг тод үсгээр галиглах ёс, дараа нь энэтхэгт үгүй түвдэд буй үсэг аль вэ? энэтхэг түвд хоюуланд нь буй, өгүүлэх ёсон адил бус үсэг аль вэ? зузаан үсэг аль вэ? хүчтэй үсэг аль вэ? дунд үсэг аль вэ? залгих үсэг аль вэ? урт үсэг аль вэ? их үсэг аль вэ? өцүүхэн үсэг аль вэ? эр үсэг аль вэ? эм үсэг аль вэ? манин(саармаг) үсэг аль вэ? маш урт үсэг аль вэ? таван махбодын үсэг аль вэ? тэдэнд дуун гарах найман орон болох аль вэ? гэх мэтийн 15 асуулт, энэ 15 асуултын тайлбар, хамгийн эцэст орчуулахыг дурдсан хүн хийгээд орчуулсан хүнийг заасан төгсгөлийн үг зэрэг агуулгыг багтаасан байгаа юм.

Тод үсгийн цагаан толгой лугаа холбогдох эдгээр дурсгалын зүйлс нь тод үсгийн үндсэн цагаан толгой, түүний галиг үсгийн ерөнхий системийг таниж мэдэхэд үлэмж их учир холбогдолтойгоор зогсох биш мөн эртний манай өвөг дээдсийн үсэг бичгийн тухай буюу хэлшинжлэлийн бүтээл туурвиж байсан ёс, өөрийн хэл бичгийн тухай дээр үеийн ойлголт,

хэлшинжлэлийн үүднээс өөрийн хэлээ тайбарлаж байсан онолын үндэс, дээр үеийн хэлшинжлэлийн онол ба мэдлэгийн түвшин тэргүүтэн чухал асуудлуудыг судлахад үндсэн баримт болох зүйлс мөн.

Эдгээр дурсгал бичгүүдийг үсэг зүйн үүднээс шинжлэж, тэдгээрийн ерөнхий байдлийг тодорхойлсон өгүүлэл зохиол цөөнгүй байгаа боловч эдгээрт тусгагдсан дээр үеийн манай хэлшинжлэлийн уламжлалыг шинжлэсэн гэмээр зүйл харин ховор байх шиг санагдаж байна.

"Үзгийн найрлага" зэрэг тод үсгийн цагаан толгой лугаа холбогдох дурсгалуудын ерөнхий тогтолцоог авч үзэхэд энэ нь эртний үсэг бичгийн тухай буюу хэлшинжлэлийн бүтээл туурвидаг уламжлал тэр хэвээрээ мөн бөгөөд монголчуудын хамгийн анхны хэлшинжлэлийн бүтээлийн нэг нь болох, Чойжидцар хэмээх нэрт эрдэмтэн XIV зууны үед туурвисан "Зүрхэний тольт" хэмээх бүтээлийн бүтэц тогтолцоо нь ямаршуу байсныг энэ бүтээлийн ерөнхий агуулгыг тусгаж үлдээсэн, XVII зууны үеийн нэрт эрдэмтэн агсан Данжиндагваа бээр туурвисан "Огторгуйн маань" – аас⁶ үзэхэд бүх зохиол нь "алин цагтор гарсан уг хийгээд үсгийн ялгал ба махбодын ялгал" хэмээх гурван хэсгээс бүрэлдсэн байгаа бөгөөд хоёрдугаар хэсэг буюу үсгийн ялгал хэмээх хэсэг нь "тахил өгүүлэл, бодит, сүүл" хэмээх гурван зурвасаас бүрэлдсэн ажээ. Үүнд «тахил өгүүлэл» гэдэг нь эхлэл үг буюу уламжлалт залбаралын зүйл, «бодит» гэдэг нь даруй хамгийн гол агуулга, «сүүл» гэдэг нь төгсгөлийн үгийг заадаг агсан нь ил байна. "Үзгийн найрлага" бол яг "Зүрхэний тольт"-ын доторхи "үсгийн ялгал" хэмээх хэсэг лүгээ тохиролцох зүйл мөн ажээ.

Ер нь монгол хэлтнүүд "Зүрхэний тольт"-ыг зохиож байсан тэр үед нэгэнтээ өөрийн хэлээ авиан зүйн үүднээс эгшиг, гийгүүлэгч хэмээн ялгаж, эгшигээ чанга, хөндий, саармаг буюу эр, эм, эрсүү хэмээн ялгаж агсан бөгөөд гийгүүлэгч авиануудын авиалах арга, байрийг ч гэсэн маш оновчтой тогтоосон нь хожмын ижил агуулга бүхий зохиолуудад мөрдлөг болсоор ирсэн ажээ.

Авиа нийлэлдэж үг бүтээхэд авиануудын гүйцэтгэж байгаа үүрэг хийгээд авиан зүйн онцлогт нь тулгуурлаж хэлшинжлэлийн нэр томъёогоо тогтоож агсан тухай мэдээ нь дээр үеийн манай хэлшинжлэлийн онлын өндөр түвшнийг харуулж байгаа бас нэг гэрч мөн ажээ.

"Дуу аялгуу" хэмээх утга бүхий санскрит хэлний "эгшиг" гэдэг нэрээтгэлийг монгол хэлтнүүд маш дээр үед зээлдэн авч хэрэглэж агсан бөгөөд "эгшиг үсэг" буюу "эгшиг долоо" хэмээн нэрлэх болсоны учрыг тайлбарлахдаа "олон үсгийг цөм энэ долоогийн аялгуугаар даган дуудаж болхын тул эгшиг үсэг хэмээн нэрлэсэн болой"⁷ гэжээ. Энд хэлж байгаа олон үсэг гидэг нь нөгөө гийгүүлэгч үүсгээ зааж байгаа бөгөөд, хамаг гийгүүлэгч үсэгт энэ долоон эгшигээ уяж амилуулан дуудаж болноо гэсэн үг мөн ажээ ("үзгийн найрлага" -д гийгүүлэгч хийгээд эгшиг нийлэлдэж задгай үе бүтээхийг үзгийн уялга гижээ). Мөн гийгүүлэгч үсэг хэмээн нэрлэх болсоны тухай "Монгол үсгийн гол ёсоныг тодотгогч толь хэмээх бичиг"⁸ дурсгалд бичихдээ: "эднийг юуны тул гийгүүлэгч үсэг хэмээмүй хэмээбээсү нэр утга бүгдийг тодотгохын тул тийн хэмээжүхүй" гээд, гийгүүлэгч үсэг инү "эгшигийн амин төгөлдөр бус, нүдэн ирмэхийн хагасын өнийн хэмжээт, сонсогдох дууны өнгөгүй болой" гэжээ. Энэ нь гийгүүлэгч үсэг буюу авиа нь дангаараа сонсогдох дууны өнгөгүй, үгийн дотор оролцоод зөвхөн тухайн үгийн утгыг ялгамжтай болгодог л үүрэгтэй байхад, эгшиг нь харин эдгээр сонсогдох дууны өнгөгүй гийгүүлэгчдээ амь оруулж, сонсогдох дуутай болгож бий гэсэн хэрэг ажээ. Иймээс "тодруулах, гэрэлтүүлэх" гэсэн утга бүхий "гийгүүлэх" гидэг үйл үгэнд "-гчи" хэмээх нэр бүтээх нөхцөл залгаж «гийгүүлэгч» хэмээх тусгай нэр зохион хэрэглэсэн нь харин нарийн бодож тогтоосон зүйл болох ажээ. Үүнээс Заяа бандидын "тодотгон үйлдэгч 34" хэмээн энэтхэгийн гучин дөрвөн гийгүүлэгч үсгийг нэрлэсэн нь уг нэрийн үгэчилсэн орчуулга мөн болох нь тодорхой болж бий.

Үүнээс бид дараах зүйлүүдийг мэдэж болмоор байна: гийгүүлэгч авиа гэдэг маань дангаараа чихэнд сонсогдох дууны өнгөгүй, тэгээд ч ганцаараа үе буюу нийлбэр бүтээж чаддаггүй, зөвхөн эгшигийн туслалцаагаар сонсогдох дууны өнгийг олж, эгшигийн туслалцаагаар үе бүтээж чаддаг ёсыг мэдэж болох бөгөөд энэ нь бид нарийн өнөөдөр сайн мэддэг ерөнхий хэлшинжлэлийн түгээмэл онол мөн юм.

Уламжлалт үсэг зүйн судлалд гийгүүлэгч үсгүүдээ дэвсгэрлэх гийгүүлэгч ба үл дэвсгэрлэх гийгүүлэгч хэмээн хоёр ангилж, дэвсгэрлэх гийгүүлэгчээ дэвсгэр үсэг хэмээн нэрлэдэг агсаныг бид мэднээ. Дэвсгэрлэх гийгүүлэгч буюу дэвсгэр үсэг гэдэг маань одоогийн ярьдаг битүү үе бүтээдэг гийгүүлэгч үсэг мөн. Өөрөөр хэлвэл, эгшиг үе буюу гийгүүлэгч + эгшиг үеийн

хойно орж битүү үе бүтээдэг гийгүүлэгч гэсэн үг болох бөгөөд үүнийг уламжлалт хэлшинжлэлийн бичгүүдэд " амин төгөлдөр нэрийн гол үсгийн дэвсгэр дор ирвээс түүний хүчээр сонсогдох дууны өнгө олж, хэзээ ч амин төгөлдөр үсэг нэгэний нөхөр дэвсгэр дор ирхээс бус хувьдаа нэрийн гол болох чадалгүй" гэжээ. Дээр ярьсан мэт манай хэлэнд гийгүүлэгч үсэг болгон дэвсгэрлэж болдоггүй журамтай агсан үүнд б, г, р, с, д, ш (ховор тохиолдно), н, м, л, нг хэмээх арван гийгүүлэгч л дэвсгэрлэж болдог атал нөгөө х, к, г, з, ж, ц, т зэрэг гийгүүлэгч үсгүүд харин дэвсгэрлэж чаддаггүй, хэзээд хойноо эгшигийн амитай дуудагддаг онцлог нь манай төрлөх хэлний авиан зүйн ёсноос үүссэн зүйл мөн ажээ. Академич Б. Ринчэн гуайн бичиснээр дэлхийн олон хэлэнд хоёр зүйлийн ёрөнхий тогтолцоо байдаг үүнд, нэг зүйл нь үеийн эхэнд гийгүүлэгч авиа давхардуулан оруулдаггүй тогтолцоо, нөгөө нэг зүйл нь үеийн эхэнд хэд хэдэн гийгүүлэгч авиа давхардуулан оруулдаг тогтолцоо болох бөгөөд монгол хэлтнүүдийн хэл бол нэгдүгээр тогтолцоо буюу үеийн эхэнд гийгүүлэгч авиа үл давхардуулдаг тогтолцоо байж, хэрвээ славян хэлэнд «прст, смрт, крк» гэх мэт дан ганц гийгүүлэгчээр бүтсэн үг хүртэл байдаг байхад, манай хэлэнд бол ийм үзэгдэл харин ойлд оршгүй зүйл болох ажээ⁹. Харин «власть, град, брег» гэх мэтээр орчин цагийн орос хэлнээ үгийн түрүүн нийлбэрдээ давхар гийгүүлэгчтэй бичигдэж хэлэгддэг үгс нь эрт дээр үед орос хэлний зарим аялгуунд «волость, город, берег» гэх мэтчилэн эгшигтэй хэлэгддэг байсныг славян хэлний материалаар шинжлэгээний хэрэглэгдхүүнээ болгож, түүхийн харьцуулсан хэлшинжлэлийг үндэслэсэн А. Х. Востоков тэмдэглэжээ¹⁰. Энэ нь дээр заасан хоёрдугаар тогтолцоонд багтдаг славян хэлэнд ч нэгдүгээр тогтолцооны онцлог агсаныг тодорхойлж байгаа зүйл мөн.

XX зууны эхээр монгол хэлтнүүд, түүний дотор Монгол улс ба Халимаг, Буриадад өөрийн үндэсний бичгээ орхиж, кирилл үсэгт дулдуйдсан шин үсэгийг зохион, өөрийн хэлний зөвбичих дурмээ тогтоохдоо харин дээр заасан нэгдүгээр тогтолцоо буюу үеийн эхэнд ба үгийн эцэст гийгүүлэгч авиа давхардуулан оруулдаггүй тогтолцоогоо нэг хэмжээнд эвдсэн нь төрлөх хэлнийхээ авиан зүйн зарчмыг зөрчсөн хэрэг болсон бөгөөд энэхүү алдасыг манай ахмад үеийн эрдэмтэд агсан Б. Ринчэн, А. Ш. Кичиков нар заан тэмдэглэж агсан боловч эдүгээ хүртэл бид нар энэхүү алдсаа засаж авч чадаагүй байгаа маань хармсалтай бөгөөд үүний учрыг сүвэгчилвэл манай

хэлшинжлэлч эрдэмтэдийн «санаа нь байвч унаа нь хүрэхгүй» байгаагийн хэрэг биз. Ер нь академич Б. Я. Владимирцов гуай монгол бичгийн зөвбичих дүрмийг «чрезвычайно высокоразвитый язык» хэмээж, тод үсгийн зөвбичих дүрмийг «идеальная орфография» хэмээн маш өндөр үнэлсэн нь гүнзгий учир утгатай юмаа. Ямар нэгэн үсэг бичгийн системийг авч, өөрийн хэлнийхээ зөвбичих дүрмийг тогтоохдоо юуны өмнө өөрийн хэлнийхээ тогтолцоог мөрдлөг болгох нь зүйтэй бөгөөд, бид нарт бол манай үндэсний бичиг бологч монгол бичиг хийгээд тод үсгийн зөвбичих дүрэм нь бидний мөрдөн дагах толь болох ажээ. "Правильная оценка орфографических правил монгольского письменного языка дает чрезвычайно много для выяснения законов и норм самого монгольского языка"¹¹ хэмээн академич Б.Я. Владимирцовын тэмдэглэсэн нь онож хэлсэн үг болох бөгөөд энэ нь манай ойрод-халимаг хэлний уул ёс журамыг таниж мэдэхэд тод үсэг, түүний зөвбичих дүрэм нь хэмжээлэшгүй их учир холбогдолтойг заасан хэрэг мөн.

Монгол хэлтнүүдийн хэлшинжлэлийн уламжлалын тухай академич Б.Ринчэн бичихдээ: «Европ зүгт Христосын суртахууны номын хэл байсан герег, латин хоёр хэл нь сонгодог хэл болж, шашны номын хэлнээс шинжлэх ухааны хэл болж ирээд, латин хэлзүйн ёсы нь үсэгзүйч, хэлзүйчнэр боловсруулан, түүний загварыг өөр өөрийн хэлний зүйн загвар болгон ирсэнлүгээ адил, манайханд энэтхэг төвд хэл нь Европ зүгийн герег латин хэлний үүргийг урд гүйцэтгэж байсан учир, хуучин үсэгзүйч, хэлзүйчнэр маань Банинийн хэлзүй, мөн түүнийг төвдийн үсэгзүйч, хэлзүйчнэр төвд хэлэндээ хэрхэн тохируулан зохицуулсаныг судлаж, сүүл сүүлдээ төвд үсэгзүйг их харгалздаг болсоны нэгэн заалт байнам. Чингээд, монгол хэлний ёс, үсэгзүйг тайлбарлахдаа тэр төвд загварыг харгалзан, санаа сэдэв авдаг байсан»¹² гэжээ. Ер нь зөвхөн манайханы биш бүх дэлхийн хэлшинжлэлийн онол нь м.э.ө IV зууны үед эртний энэтхэгийн том эрдэмтэн, дэлхийн ууган хэлшинжлэлч Баниний хэмээгч бээр урсам сайхан хэлээр шүлэглэж бичсэн "Санскрит бичгийн хэлний зүй" хэмээх бүтээл лүгээ холбоотой гэдэг нь нийтэд тодорхой юм. Тэр үеийн энэтхэгийн хэлшинжлэлийн онолын түвшний тухай Данийн нэрт эрдэмтэн агсан В. Томсен бичихдээ: "Высота, которую достигло языкознание у индусов, совершенно исключительна, и до этой высоты наука о языке в Европе не могла подняться вплоть до XIX в., да и то научившись многому у индийцев"¹³ хэмээн өндөр

үнэлсэн байгаа юм. Ийм өндөр түвшинд хүрсэн эртний энэтхэгийн хэлшинжлэлийн онол нь бурхан шашны дэлгэрэлтийг дагалдан хөрш зэргэлдээ орнуудад тархаж түгэхдээ эртнээс соёлын нягт харилцаатай байсан монгол орныг ч нөлөөлсөн ажээ. XIV зууны үеийн бүтээл болох "Зурхэний тольт" -оос XVIII зууны "Огторгуйн маань" хүртэл эртний энэтхэгийн хэлшинжлэлийн арга, үзэл нь манай хэлзүйн бүтээлийг гүнзгий нөлөөлсөн нь илхэн бөгөөд, түүний нэгэн жишээг дурдабал, үсгүүдээ Хятадын ёсоор ба Энэтхэгийн ёсоор огторгуй, хий, гал, ус, шороо буюу модон, гал, шороо, төмөр, ус гэх мэт таван махбодод хувааж, ямар ямар үсгүүд аль аль махбодод харъяалагдах, тэдгээрийн үүсэх орон аль болох тэргүүтнийг тодорхойлон өгүүлэж, таван махбодоо дотор нь нөхөр, дайсан хэмээн хувааж, аль махбод нь аль махбодтойгоо нөхөр буюу дайсан болохыг ялган зааж, хэрвээ эцэг хүү хоёр, эр эм хоёр, багш шавь хоёр, ноён түшмэл хоёр сэлтийн нэрийн тэргүүн үсэг нь нөхөр махбод байвал шид бүтэх, дайсан махбод байвал хор болох, ядам бурханы тарни урихад, уригч хүний нэрийн тэргүүн үсэг хийгээд ядамын тарнийн тэргүүн үсэг хоёр хэрвээ дайсан байвал, гийгүүлэгч бөгөөс өвчин олон болох, эгшиг дайсан болвоос амин лугаа хагацах, саармаг болвоос муу юм бээр үгүй, нөхөр болвоос шид бүтмүй гэх мэтчлэн авиаг шидчлэн үзэдэг үзэлт мөн. Ингэж авиа бүхнийг шидтэй хэмээн үзэдэг үзэл нь эртний санскрит бичиг дээр үлдсэн ариун судрыг судлаж шинжлэхээс эхэлсэн хэлшинжлэлийнхний гол үзэл байсан бөгөөд, энэ тухай Н. А. Кондрашов бичихдээ: "Они были убеждены, что воспроизведение священных ведических гимнов только тогда выполняет свою религиозно-магическую функцию, когда осуществляется в фонетически безукоризненной форме» гэж заагаад, энэхүү үзэлийн хүргэсэн ач үрийн тухай: "это обстоятельство вызвало стремление к фонетической правильности и стало стимулом фонетических исследований" гэжээ¹⁴.

Эртний энэтхэгийн хэлшинжлэлийн онол нь Европт маш хожим, XVIII зууны сүүлчээр, хэзээ англичууд санскрит хэл лүгээ танилцсан тэр үеэс нөлөөлөх болсон байхад, манай өвөг дээдэс наад захдаа "Зурхэний тольт" -ын үед энэтхэгийн хэлшинжлэлийн онол лугаа нэгэнтээ танил байсан бөгөөд, эртний энэтхэгийн хэлний тухай үзэл нь манай үсэг зүйч, хэл зүйч нарыг гүн нөлөөлж байсан учир манай хэлшинжлэлийн онолын түвшин ч их дээр үед дээд хэмжээнд хүрч чадсан ажээ.

Монгол, түвд, санскрит хэлнээ нэвтэрсэн, таван ухааны туйлд хүрч Бандид цолоор өргөмжлөгдсөн богд багш Заяа бандид Огторгуйн Далай филолог мөртлөө шашны зүтгэлтний хувьд яриангүй энэтхэгийн хэлний тухай үзэлийг сайн мэддэг байсан ба түүнд гүн нөлөөлөгдсөн гэдэг нь илхэн бөгөөд, мөн энэ нөлөөлөл нь нарийн боловсронгуй шинэ нэгэн үсэг бичгийн системийг зохион үйлдэж чадсаны гол нэгэн хүчин зүйл болсон хэмээн үзэж болох ажээ.

¹ Лувсанбалдан Х. Тод үсэг түүний дурсгалууд. 1975, УБ.; Санжеев Г. Д. Лингвистическое введение в изучение истории письменности монгольских народов, 1977, Улан-удэ; Шагдарсүрэн Ц. Монгол үсэг зүй, 1986, Бээжин.

² Амгалан М. Тод монголын дэлгэрэнгүй цагаан толгой байсан тухай мэдээ // *Studia Linguae et Litterarum*. Toms. IX, Fasc. 16. 187 – 188 тал.

³ H.Luvsanbaldan(Oulanbator). Deux Syllabaires Oirates. *Acta Orientalia Academiae Scientiarum Hungaricae*, Tomus XXV, 1972. pp. 209-219

⁴ Баярсүрэн Ц. Об одном алфавите ясного письма // Монгольский лингвистический сборник, М. 1985. С. 146-149

⁵ Ринчэн Б. Монгол бичгийн хэлний зүй, Удиртгал. УБ., 1964. 108 тал.

⁶ Danjindaγba. Jirūken-ū toltu-yin tayilburi oγtorγui-yin mani kemekū sudur orosibai // *Mongγol kele šinjilel-ün durasqal bičig. Kökeqota*, 1983.

⁷ Аγvangdandar. Mongγol üsüg-ün yosun-i sayitur nomlaysan kelen-ü čimeg kemegdekū orosibai // мөн тэнд.

⁸ Lobsančukuvar. Mongγol üsüg-ün γool yosun-i tododqayčī toli kemekū bičig // мөн тэнд.

⁹ Ринчэн Б. Монгол бичгийн хэлний зүй. Авиан зүй. УБ., 1964. 89 тал.

¹⁰ Кондрашов Н. А. История лингвистических учений. М., 1979. С. 9

¹¹ Владимирцов Б. Я. Сравнительная грамматика монгольского письменного языка и халхаского наречия, М., 1989. С. 89

¹² Ринчэн Б. Монгол бичгийн хэлний зүй. Авиан зүй. УБ., 97 – 98 тал.

¹³ Томсен В. История языковедения до конца XIX века. М., 1939. С. 10

¹⁴ Кондрашов Н.А. Указ. соч. С. 9

Проблемы системного описания синтаксиса монгольских языков

Настоящая статья посвящена проблемам контрастивного системного описания синтаксиса монгольского и калмыцкого языков.

По сравнению с фонетикой и морфологией синтаксис монгольских языков остается практически не изученным в сопоставительном плане. В XX веке в основном изучались либо отдельные синтаксические явления монгольских языков, либо описывалась синтаксическая система каждого из языков в отдельности. Эти работы тем самым как бы подготовили необходимую почву для обобщающих исследований.

Вопросы синтаксиса всегда занимали определенное место в монгольском языкознании с момента его зарождения, начиная с отечественных грамматик XIX века (А. Бобровников) вплоть до работ новейшего времени (Г.Д. Санжеев, Т.А. Бертагаев, У.У. Очиров, Г.Ц. Пюрбеев и др.). Каждое последующее описание вносило свою лепту в опыт предшественников. Синтаксическая проблематика, дающая известное представление о синтаксическом строе монгольских языков, нашла свое отражение в соответствующих разделах общеграмматических трудов, в специальных монографических исследованиях, в отдельных статьях, посвященных общим и частным вопросам синтаксиса. Тем не менее задача системного синтаксического описания в сопоставительном плане ставится нами впервые. Это объясняется как неравномерной изученностью синтаксиса каждого конкретного языка, так и разным пониманием задач и проблематики синтаксического исследования родственных языков, а также недостаточной ясностью самого объекта исследования (что же является основной единицей синтаксиса?). Изучение синтаксиса монгольских языков ставит перед исследователем ряд сложных проблем теоретического характера. Как пишет Р.А. Будагов, «синтаксис двух родственных языков обычно во многом бывает несходным даже тогда, когда морфологически эти языки мало чем отличаются друг от друга»¹.

Таким образом, при сопоставительном изучении родственных языков синтаксические проблемы приобретают особое звучание.

Настоящее описание синтаксиса монгольских языков существенно отличается от уже имеющихся как по общей направленности (принципам и методике), так и по поставленной проблематике, которая значительно расширена за счет включения в сферу синтаксиса, являвшегося ранее “монополией” предложения, более крупной языковой единицы - текста. Такое расширение синтаксической проблематики, на наш взгляд, вполне оправданно, поскольку вызвано к жизни как теоретическим осмыслением накопившегося фактического материала, так и практическими нуждами построения связной речи (текста).

Воздавая должное традиции, мы вместе с тем не можем не ощущать ее определенную ограниченность и в отношении адекватной интерпретации уже известных языковых явлений (например, классов слов, членов предложения), и в плане фиксации важных морфосинтаксических и семантико-синтаксических процессов, остававшихся вне поля зрения исследователей.

Традиционный синтаксис ограничивался лишь выделением формально-грамматических типов предложения, т.е. синтаксических конструкций. Семантические же конструкции практически не были выявлены. Можно предположить, что такая нерасчлененная трактовка была вызвана неосознанностью существующего различия между синтаксисом и семантикой, что вполне объяснимо уровнем развития лингвистической науки в тот период времени.

Возникновение в середине прошлого века такой новой отрасли языкознания, как лингвистика текста (ЛТ), и заметное возрастание исследовательского интереса к семантическим аспектам языка не могли не оказать стимулирующего влияния на дальнейшее развитие синтаксиса как науки, о чем свидетельствуют появившиеся в литературе выражения типа “синтаксическая семантика”, “синтаксис текста” и т.п.

Наблюдение за функционированием грамматических категорий в тексте показывает, что адекватная интерпретация многих языковых фактов возможна только в макроконтексте, т.е. при условии выхода в текст. В условиях микроконтекста (в рамках словоформы и предложения) некоторые явления либо вообще не получают никакого объяснения, либо имеют ошибочную интерпретацию (например, так называемые “показатели подлежащего”). Принципиально новый подход к изучаемым явлениям неизбежно ведет к определенной корректировке или даже пересмотру ряда положений традиционной грамматики.

Монгольские языки будучи языками агглютинативного типа имеют богато развитую морфологию. Эта сразу же бросающаяся в глаза их особенность способствовала тому, что именно морфология привлекала прежде всего внимание исследователей. Причем морфологические категории рассматривались изолированно, вне всяких связей с другими уровнями языка, что и является причиной нерешенности многих вопросов монгольской морфологии. Многие морфологические категории, особенно глагольные, напрямую связаны с синтаксисом (наклонение, время и т.д.).

Появилось новое направление научного поиска в монголоведении, которое зиждется на фундаментальном принципе интегрального описания языка, заключающемся во взаимосвязи и взаимообусловленности грамматики и лексики (Ю.А. Апресян, В.Б. Касевич). Это направление активно разрабатывается в зарубежной лингвистике².

Разработка монгольского глагола и его категорий в семантико-синтаксическом аспекте была успешно начата Е.А. Кузьменковым³. Взаимосвязь и взаимообусловленность семантики и синтаксиса на примере традиционно выделяемых категорий предложения были проанализированы в наших предыдущих работах.

Применение комплексного межуровневого подхода (за "морфологией" стоит "синтаксис", обусловленный "семантикой") позволяет сделать качественно новый шаг в синтаксическом описании монгольских языков. Несомненно, любая теория, претендующая на адекватность, должна включать характеристику синтаксических единиц с точки зрения их семантики.

Итак, основной вопрос предпринимаемого системного исследования – это, прежде всего выяснение существующего соотношения синтаксиса и семантики в монгольских языках, степени семантизованности монгольского синтаксиса, а также разработка основной проблематики двух базовых компонентов языковой системы.

В соответствии с поставленной типологически ориентированной целью исследования необходимо решить следующие конкретные задачи синтаксического и семантического характера:

1. Выяснение истории и состояния вопроса в монгольском языкознании и современной синтаксической науке.
2. Выбор наиболее адекватной модели синтаксического описания и выявление с ее помощью основной единицы син-

таксиса - исходной конструкции (элементарной синтаксической конструкции – ЭСК), лежащей в основе разнообразных высказываний анализируемых языков.

3. Определение внутренней структуры ЭСК и разработка формулы ее описания.

4. Выявление основных синтаксических типов простого предложения (ЭСК) по разработанной методике.

5. Сопоставительный анализ полученных классификаций моделей ЭСК в монгольском и калмыцком языках.

6. Определение правил преобразования исходных конструкций (ЭСК) в производные и сложные с последующей классификацией последних в каждом из рассматриваемых языков.

7. Выявление текстовых единиц, текстовых категорий и их характеристика.

8. Определение статуса члена предложения и предложения, высказывания и текста (абзаца).

Цель системного описания будет достигнута, если удастся установить базовые и трансформационные правила синтаксиса монгольских языков.

Как пишет Г.Ц. Пюрбеев, «в основе всех типов и подтипов предложений лежит так называемое элементарное, или ядерное предложение, на которое могут накладываться синтаксические единицы разной степени сложности»⁴.

Материалом для проведения исследования послужили прозаические тексты художественных произведений современных монгольских и калмыцких писателей. При разработке проблем синтаксиса текста привлекались также параллельные тексты романов: оригинал на монгольском (калмыцком) языке и русский перевод. Что касается способа представления языкового материала, то соответствующие текстовые примеры приводятся в большинстве случаев в сокращенном виде. В случаях значительного расхождения между литературным и буквальным переводами соответствующего примера в скобках дается дословный перевод, включая в необходимых случаях поморфемный перевод словоформ.

Основной метод исследования - использование валентностного аппарата грамматики зависимостей с элементами трансформационного анализа, а также предикатно-аргументный и тема-рематический анализ семантики предложения и текста.

В своей теоретической части исследование опирается на труды ведущих отечественных и зарубежных лингвистов в об-

ласти синтаксиса и семантики (Ю.Д. Апресян, В.Г. Гак, Т. Гивон, С.Д. Кацнельсон, В.Б. Касевич, Л. Теньер, А.А. Холодович, Л.В. Щерба и др.), в частности, на вербоцентрическую синтаксическую теорию Л. Теньера в несколько модифицированном виде, в том виде, как она представлена у В.Б. Касевича⁵. Приложение идей и методов современной лингвистики к данным монгольских языков оказалось результативным как в описательном, так и в типологическом плане.

Новизна полученных результатов может быть сведена к следующему:

1. Дана системная классификация всех релевантных синтаксических конструкций в монгольском и калмыцком языках в сопоставительном плане.

2. Выполнен сопоставительный анализ валентностных характеристик монгольского и калмыцкого глагола как основного параметра классификации синтаксических конструкций, а, значит, выявлены основные синтаксические и семантические классы глаголов с установлением асимметрии синтаксических и семантических валентностей.

3. Определен список семантических ролей, существенных для синтаксиса и семантики монгольских языков.

4. Описаны предложенческие и текстовые единицы и категории.

Теоретическая значимость проведенного исследования состоит в экспериментальной проверке применимости разработанной нами методики к сопоставительному анализу синтаксических конструкций в монгольских языках и выявлении возможностей дальнейшего ее развития.

Практическая ценность определяется тем, что материалы исследования могут быть использованы при составлении современного словаря монгольских языков (семантические роли - часть словарной информации), в дальнейшей разработке синтаксического и семантического компонентов монгольской грамматики, в оптимизации (совершенствовании методики) преподавания данных языков. Эти материалы могут также оказаться полезными в изучении и описании генетически и типологически близких языков.

Последовательное разграничение синтаксиса и семантики как двух самостоятельных уровней позволяет выделить в качестве самостоятельного объекта исследования не только ЭСК (исходные синтаксические конструкции), но и неэлементарные -

производные и сложные, образованные от ЭСК в результате их преобразования или сложения соответственно.

Мы выделяем, вслед за В.Б. Касевичем, шесть видов таких трансформаций:

1. Развертывание, т.е. введение в состав ЭСК новых членов с сохранением синтаксической структуры. Расширение ЭСК в тексте может происходить либо за счет введения сирконстантов и определений, либо путем замены одиночного именного актанта именной группой.

2. Свертывание, т.е. опущение компонентов ЭСК. Редукция ЭСК в тексте может происходить либо за счет эллипсиса актантов, либо путем обусловленного свертывания (такого опущения элемента, которое вызывается закономерно какой-либо другой трансформацией, например, релятивизацией, т.е. превращением в определение).

3. Вставление, т.е. занятие актантной позиции синтаксическими предикативными конструкциями.

4. Замещение, или субституция, т.е. замена неместоимения местоимением.

5. Перемещение, т.е. изменение порядка слов.

6. Подъем и продвижение, т.е. изменение ранга актанта.

Исследование ЭСК и их трансформаций затрагивает многие спорные вопросы калмыцкой грамматики. Описание структуры ЭСК и способов ее расширения связано с такими явлениями, как, например, залог, деривация, анафора и дейксис, эллипсис, прономинализация, порядок слов, которые традиционно описывались в разных разделах морфологии и синтаксиса. Анализ функционирования языковых категорий в тексте позволяет говорить о необходимости комплексного морфосинтаксического исследования, поскольку функционирование морфологических категорий связано с синтаксисом, а многие синтаксические явления имеют морфологическое выражение.

Учитывая тот факт, что не все виды трансформаций ведут к образованию производных конструкций предложения, мы выделяем четыре типа производных синтаксических конструкций (ПСК), т.е. в число последних не включаются эллиптированные, анафорические и дейктические СК, образуемые из ЭСК путем эллипсиса актанта или замены именного актанта местоименным. Другими словами, такие ПСК должны рассматриваться в дискурсивном (текстовом) синтаксисе, поскольку не могут встречаться на дотекстовом (предложенческом) уровне по определению ввиду своей контекстной связанности. Важной за-

дачей является описание залоговых (пассивных, каузативных, социативных и реципрокальных), распространенных (с введенным сирконстантом), инвертированных ПСК и конструкций с предикатными актантами (КПА). Последние в семантическом отношении представлены моно- и бипредикативными конструкциями с зависимым предикатом, выраженным глагольным словом (финитной/нефинитной формой глагола, отглагольным существительным), глагольным оборотом или даже предложением. В КПА ядерный глагол ИК перемещается в актантную позицию, что маркируется и синтаксически (неконечная позиция), и морфологически.

Большой интерес представляют сложные синтаксические конструкции, минимально состоящие из двух ЭСК, ПСК, связанных определенным образом. Данным конструкциям в семантическом плане соответствуют полипредикативные конструкции, где все предикаты равноправны. Соответственно нами выделяются сложносочиненные, сложноподчиненные и бессоюзные сложные конструкции.

Предлагается членение текста на абзацы (микротексты) и высказывания ("члены" абзацев). Постулирование текстовых единиц как знаковых языковых единиц подкрепляется обоснованием их самостоятельного статуса как макроединицы (основной единицы) и микроединицы соответственно. Насущной задачей являются определение их границ, выделение типов абзацев, выявление отличия высказывания от предложения.

Необходимо выяснить внутреннюю структуру абзаца в калмыцком и монгольском текстах. Поскольку непосредственной составляющей абзаца является высказывание, необходимо выявить способы и средства синтаксической и семантической связи высказываний в рамках абзаца. Кроме того, важно проанализировать синтаксическую структуру высказываний и их позицию (место) в абзаце.

Далее важно рассмотреть внешнюю структуру абзаца, т.е. способы и средства связи абзацев в рамках целого текста (макротекста), а также роль и место абзаца в последнем, а также выявить общее и особенное в функционировании текстовых единиц в близкородственных языках.

Решение всех вышеназванных проблем позволит установить статус и место в системе языка тех основных категорий, которые связаны с синтаксисом и семантикой. Речь идет прежде всего о традиционных членах предложения, самом предло-

жении, а также и о "нетрадиционных" членах текста и самом тексте.

Определение соотношения синтаксиса и семантики в монгольских языках является естественным итогом рассмотрения всех релевантных синтаксических конструкций в их формально-грамматическом и семантическом аспектах.

Избранный нами подход подводит к обобщениям типологического характера и необходимости продолжения исследований в избранном исследовательском ключе. Проведенное исследование открывает перспективы дальнейшей, более детальной разработки вопросов, связанных с семантикой высказывания и текста: в частности, типологии высказываний с точки зрения актуального членения предложения (функциональной перспективы высказывания). Сложная проблема взаимодействия различных компонентов семантики высказывания ждет своего исследователя.

¹ Будагов Р.А. Сходства и несходства между родственными языками. М., 1985. С. 31

² Chung, S., Timberlake, A., Language and Syntax: typology description // Grammatical Categories and the Lexicon. Cambridge University press, 1985. Vol. 3. P. 205-258

³ Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. Л., 1984

⁴ Пюрбеев Г.Ц. Типы предложений монгольского языка в аспекте структурно-грамматических связей // Актуальные проблемы современного монголоведения. Улан-Батор, 1987. С. 149

⁵ Касевич В.Б. Элементы общей лингвистики. М., 1977

Характер отношений компонентов побудительных конструкций в монгольских языках*

Правомерность выделения особого побудительного залога признается далеко не всеми языковедами. Например, индоевропеисты и финноугроведы никогда не считали значение побудительных или каузативных глаголов залоговым значением и на этом основании особо не выделяли побудительного залога (Серебренников, 1979, 208). В монголоведении авторы грамматик монгольских языков в системе залога традиционно выделяют побудительный (понудительный) залог. Исключением в этом ряду является работа Е.А. Кузьменкова "Глагол в монгольском языке", в которой автор рассматривает каузативные глаголы и типы каузативных конструкций¹.

Характер отношений между действием и компонентами в конструкции побудительного залога таков, что носитель глагольного действия (по Г.Д. Санжееву, 1-й компонент) всегда выражен подлежащим в форме именительного падежа и побуждает к действию реального исполнителя действия (2-й компонент), выраженный дополнением в форме винительного, дательного-местного и орудного падежей.

В теории залога в побудительной конструкции носитель глагольного действия именуется субъектом-каузатором, а реальный исполнитель действия - субъектом каузируемого действия. Субъект-каузатор побуждает (заставляет, допускает, позволяет) субъекта каузируемого действия совершить действие или находиться в определенном состоянии, обозначенном в первичной глагольной основе, от которой образована форма побудительного залога. Названные общие семантические значения глаголов побудительного залога в зависимости от условий контекста и характера отношений в побудительной конструкции имеют дополнительные оттенки

* Работа выполнена в рамках проектов "Формирование грамматической системы калмыцкого языка", поддержанного Минобразованием РФ, грант 2000 г. [ГО-1.6-457], и "Академическая грамматика калмыцкого языка" - грант Калм. ГУ, 2000 г. [471]

побуждения. «Вмешательство одного субъекта в действие другого... понимается весьма широко, начиная от приказа до молчаливого попустительства совершить что-либо»². Субъект-каузатор принуждает (1), приглашает, разрешает (2), дает возможность (3) или запрещает (4) совершение действия субъекту каузируемого действия: *ирулх* от *ирх* - прийти употребляется в значении «заставить, позволить, пригласить прийти»; *серулх* от *серх* - проснуться - в значении «разбудить, заставить проснуться»; *келулх* от *келх* - сказать - в значении «позволить, дать возможность, принудить сказать» и т.д. Примеры 1) ...харута тоотынь мөргүләд (Ж.) - ...самых недоверчивых (в войске противника) преклонили к стопам хана Джангара (букв. принудили преклониться). 2) Үрүн ирэд, үдлө мордн гисн бийнь хойр долан хонгт бөөлһв (Ж.) - Когда приехал утром и хотел отправиться в полдень, (его) упросили остаться еще на две недели (букв. пригласили остаться). Мөрәһинь ик баһ гил уга наадултн (Ж.) - Разрешите ему играть, не считаясь, мала или велика его ставка в игре. 3) Жаңһрин нутгиг хорт дала шүүт дала хойрин хоорнд... нутглултн (Ж.) - Джангаров нутук поселите между двух океанов: ядовитым и люто-губительным (букв. дайте возможность поселиться). Ода тенд харһчкад, хоюрн хоорндан, саак такас кевтә, дөврлдәд, әмтнд төр хаһлулшгот (Бал. А.) - Встретившись там, схватитесь, как те петухи, и не дадите людям решить вопрос (букв. не дадите возможности). 4) ...бурхн шажһнасчн хаһцулнав (Ж.) - ...отлучу тебя от твоего бога и веры (букв. запретить верить).

В калмыцком языке, как и в других монгольских языках, формы побудительного залога, образованные от основ непереходных глаголов, становятся переходными. Это обусловлено самой семантикой отношений в побудительной конструкции: субъект-каузатор побуждает к действию субъект каузируемого действия. Следовательно, все глагольные основы побудительного залога дают начало образованию переходных и активных по своему лексическому значению основ: *кевтүлх* - положить, уложить от *кевтх* - лечь, *чичрүлх* - заставить дрожать от *чичрх* - дрожать, *эдгәх* - вылечить от *эдгх* - вылечиться.

Глаголы побудительного залога представляют собой производную (вторичную) глагольную основу и образуются присоединением к основам переходных и непереходных глаголов действительного залога следующих аффиксов: -ул, -үл; -лһ; -а, -ә; -г, -һ; -х, -к. Многочисленность залогообразующих

аффиксов объясняется тем, что каждый конкретный аффикс употребляется в зависимости от того, каков исход (конечный звук) первичных глагольных основ действительного залога, либо каково их лексическое значение.

Аффикс -ул, -үл служит для образования основ побудительного залога от первичных глагольных основ на согласный и редуцированный согласный:

1) от основ активных глаголов, т.е. всех переходных, а также и активно-непереходных глаголов: *алулх* от *алх* - убить, *бичулх* от *бичх* - писать, *идулх* от *идх* - есть, *олулх* от *олх* - найти, *орулх* от *орх* - войти, *цервулх* от *цервх* – гарцевать;

2) от основ пассивно-непереходных глаголов, как производных, так и непроизводных: *көгшрүлх* от *көгшрх* - стареть, *уйдулх* от *уйдх* - грустить, *дөөвлүлх* от *дөөвлх* - качаться, *көкрүлх* от *көкрх* - синеть, *заратрулх* от *заратрх* - знобить.

Аффикс -лһ, -лг применяется для образования основ побудительного залога от первичных глагольных основ, как активных, так и пассивных, с исходом на долгий и краткий гласные: *зөөлһх* от *зөөх* - ввозить, *көөлһх* от *көөх* - гнать, *хөлөлһх* от *хөлөх* - смотреть, *өкөлһх* от *өкөх* - нагнуться, *гүүлһх* от *гүүх* - бегать, *эвшөөлһх* от *эвшөх* - зевать, *цаһалһх* от *цаһах* - белеть, *һудылһх* от *һудых* - склониться.

Аффикс -а, -э присоединяется к первичным основам непереходных и преимущественно пассивных глаголов: *зогсах* от *зогсх* - стоять, *хурах* от *хурх* - собираться, *унтрах* от *унтрх* - погаснуть, *ичэх* от *ичх* - стыдиться, *чочах* от *чочх* - вспугнуть, вздрогнуть.

Аффикс -г, -һ (-га, -һа) присоединяется к первичным основам непереходных глаголов с исходом на согласные -р- и -л-: *дүүргәх* от *дүүрх* - наполниться, *көргәх* от *көрх* - замёрзнуть, *буслһх* от *буслх* - кипеть, *унһах* от *унх* - упасть, *өсргәх* от *өсрх* - брызнуть.

Аффикс -х, -к (-ха, -ка) присоединяется к первичным основам непереходных глаголов с исходом на согласные -д- и -с-: *уудхх* от *уудх* - быть широковатым, *сулдхх* от *сулдх* - освободиться, *нискх*, *нискәх* от *нисх* - лететь, *цадхх*, *цадхах* от *цадх* - насытиться.

В монгольских языках существуют дублиеты побудительных основ: *хоршах* и *хоршулх* - накапливать от *хоршх* - накапливаться, *хүврәх* и *хүврүлх* - изменять от *хүврх* - изменяться, *өмсх* и *өмсүлх* - одевать от *өмсх* - одеваться и

т.д., образованные от первичных непреходных глагольных основ.

Анализ материала подтверждает, что присоединение аффиксов каузатива к первичной глагольной основе не является чисто механическим, и глагольные основы побудительного залога об разуются преимущественно аффиксами -ул, -үл и -лһ, присоединяемыми и к переходным, и к непреходным первичным глагольным основам, и менее регулярно аффиксами -а, -ә; -г, -һ; -х, -к, присоединяемыми главным образом к основам непреходных глаголов.

Семантическая классификация трех последних аффиксов претерпела в монголистике ряд изменений. Алтаист И.В. Кормушин заметил, что они представляются более архаичными, чем два предыдущих суффикса, хотя они зафиксированы уже в древнейших источниках³. Первоначально Г.Д. Санжеев отметил, что они «не являясь суффиксами побудительного залога, служат лишь для образования переходного глагола от непреходного»⁴. Позднее он их отнес к числу суффиксов побудительного залога⁵. Ц.Б. Цыдендамбаев вновь рассматривает их как словообразующие модели образования активных глаголов от пассивных (при неодушевленных предметах), но, отмечая сложность этого вопроса, подчеркивает, что глаголы этого типа «наряду с приобретением значения активности, т.е. способности управлять именем, могут выражать побудительность при одушевленном предмете»⁶.

Нам представляется, что общая тенденция глагольных основ побудительного залога быть переходной, а значит активной, распространяется и на глаголы, образованные от первичных пассивно-непреходных основ действительного залога. В этом случае возникают соотносительные пары: активные и пассивные непреходные глаголы действительного залога и переходные глаголы побудительного залога со значением «глаголов каузированного состояния»⁷, образованные с помощью залогообразующих аффиксов. Вторые члены этих соотносительных пар, называемых в языкознании каузативными глаголами, в монгольских языках входят в состав побудительного залога с основными его значениями «заставлять выполнять какое-либо действие» или «заставлять находиться в каком-либо состоянии»⁸ и другими дополнительными значениями побуждения, рассмотренными выше.

Г.Д. Санжеев относительно залоговых форм побудительного залога продолжает, что хотя и «сильно ограниченно», но возможно образование побудительных глаголов второй и третьей степени присоединением суффиксов -уул и -лһ к производным (вторичным) основам побудительного же залога. Но образование основ такого типа «совершенно невозможно, если основа побудительного глагола первой степени образована посредством суффикса —уул»⁹. При этом они приобретают новое значение «непосредственным реальным исполнителем действия, обозначенного в первичной производящей основе, является некое третье лицо, тогда как некое второе лицо оказывается лишь передатчиком побуждения, которое исходит от первого лица, т.е. от предмета-подлежащего (субъекта-каузатора - Р.Х.) или предмета определяемого»¹⁰.

В калмыцком языке, например, *зөөлһулх* от *зөөлһх* (< *зөөх*) - возить имеет значение «побуждать какое-то лицо, чтобы он заставил кого-то возить что-то»; *зогсалһх* от *зогсах* (< *зогсах*) - стоять имеет значение «побуждать какое-то лицо, чтобы он заставил кого-то или что-то остановить, либо находиться в положении стоя». Однако надо отметить, что в калмыцком языке многостепенное образование побудительного залога весьма ограничено, и, в отличие от алтайских языков¹¹, вообще невозможно образование четвертой степени основы побудительного залога.

Залоговые отношения между компонентами побудительной конструкции в монгольских языках определяются, по К.С. Ивченкову, как субъектно-объектные отношения в зависимости от характера переходности и непереходности глаголов: «в непереходно-побудительном обороте... главный субъект, обозначенный именительным или исходным падежом, является подлежащим, а второстепенный субъект, обозначенный винительным падежом, - прямым дополнением. В переходно-побудительном обороте ...главный субъект... остается подлежащим, однако второстепенный субъект превращается в косвенное дополнение, так как оформляется орудным или дательным падежом, а окончание винительного падежа принимает объект действия»¹².

Небезынтересно отметить, что Г.Д. Санжеев, анализируя состав побудительного оборота в монгольских языках, цитирует разъяснения Н.И. Конрада о подобном употреблении падежей в японском языке: "... переходный глагол в побудительном залоге

управляет двумя падежами: дательным на вопрос «кого заставляют?» и винительным на вопрос «что заставляют?»; непереходный глагол в побудительном залоге управляет двумя падежами: на вопрос «кого заставляют?» и тем косвенным падежом, которым управляет»¹³. Таким образом, употребление определенной падежной формы для обозначения субъекта каузируемого действия в побудительной конструкции зависит от переходности и непереходности значения первичной глагольной основы, от которой образована форма побудительного залога.

Монгольские лингвисты Л. Мишиг¹⁴ и С. Галсан¹⁵ иначе трактуют каузатив: побудительными признаются только те конструкции, в которых субъект-лицо выступает в винительном или орудном падеже и выражен соответственно прямым и инструментальным дополнением. Представляется, однако, неоправданным шагом сужение семантики каузатива при таких ограничениях. Мы исходим из определения каузатива по противопоставлению синтаксических конструкций, по характеру отношений между каузатором и субъектом в форме различных падежей и значения каузатива, которое может выходить за рамки не только значения «заставлять», но и даже вообще за рамки причинно-следственных отношений¹⁶.

В конструкции побудительного залога действие глагола, образованного от непереходных основ действительного залога, выполняется субъектом каузируемого действия, выраженным прямым дополнением в форме винительного падежа, и обычно замыкается на нем, т.е. не распространяется дальше, таким образом, возникает трехчленная конструкция, в которой прямое дополнение совмещает в себе значения субъекта каузируемого действия, т.е. реального исполнителя действия и объекта:

Танкистр бүслүрт бөөсн улсиг сулдох (Т. А.) - Танкисты освободили людей, находившихся в окружении. Жаңһр нама ичөх (Ж.) - (Если возвратиться назад) ... Джангар меня застыдит (букв. заставит испытать стыд). Өвгн царан хөрү эргүлөд һарв (Х.т.) - Старик вола повернул назад и поехал (за мальчиком). Хурдн улан тоосн оһтрһу бүтөв (Там же) - Вихрящаяся красная пыль закрыла небо. Би Минян, буурл һалзн, арнзл зөөрдөн һурвн юмиг йовулнав (Ж.) - Я троих отправлю к нему: Мингияна, Чалого и аранзала Рыжко. По своему значению и отношению с компонентами глаголы анализируемой конструкции побудительного залога идентичны каузативным переходным глаголам с суффиксом -и- в русском языке, соотносительным с

непереходными глаголами с суффиксами -е-, -ну- и др.: Эх көвүһэн унтулв - Мать усыпила сына. Танкистнр улсиг сулдхв - Танкисты освободили людей. Ээж цэ буслһв - Бабушка вскипятила чай. Өвгн царан хару эргүлв - Старик повернул волов назад и т.д.

В конструкции побудительного залога действие глагола, образованного от основ переходных глаголов действительного залога, выполняются субъектом каузируемого действия (деятелем), выраженным дополнением в форме винительного, дательно-местного и орудного падежей, и непременно распространяется на прямой объект в форме винительного падежа. Данная конструкция является четырехчленной. Таким образом, конструкции побудительного залога от переходных глаголов отличаются от рассмотренных выше конструкций побудительного залога от непереходных глаголов прежде всего способом выражения субъекта каузируемого действия, а также и наличием прямого объекта в винительном падеже.

Если один из компонентов – носитель глагольного действия (субъект-каузатор) или реальный исполнитель действия (субъект каузируемого действия) – отсутствует, то он всегда подразумевается и легко восстанавливается. Это можно увидеть в приведенных ниже примерах.

Мала Цаһаниг һар-көлинь хуһлад, шаржңнулад хаяд оркв (Ж.) - Переломил (он) руки и ноги Мала Цагана и выбросил их с хрустом. Хөөч тууһад, тер довун давулчкв (М.Н.) - Чабан, подгоняя (стадо), перевалил за тот бугор. Обозначение субъекта каузируемого действия (деятеля) в форме винительного падежа в монгольских языках весьма ограничено, так как объект, прямое дополнение, на который направлено действие, тоже обозначен винительным падежом (происходит стечение двух винительных падежей).

Материал использования двух винительных падежей в монгольских языках опровергает утверждение К.С. Ивченкова, который считал априорным и неправильными примеры такого типа, как приведенные Г.Д. Санжеевым: би малаа ус уулгав¹⁷. Он считал наиболее употребительным и правомерным: би малдаа ус уулгав - я напоил свой скот водой¹⁸. В побудительной конструкции с двумя винительными падежами, выраженными прямыми дополнениями, наиболее наглядно просматривается волевое побуждение со стороны субъекта-каузатора, «нередко даже насильственное»¹⁹ к действию реального исполнителя в форме винительного падежа.

В конструкции побудительного залога, глагол которого образован от переходного глагола, для обозначения субъекта каузируемого действия чаще всего используется форма дательного-местного падежа, выраженного косвенным дополнением, в пользу которого выполняется действие побудительного глагола: Эгч Тоста һуйриг утлад, нег зүсмиг көвүндэн бөрүлв (Бал. А.) - Тетя Тоста нарезала лепешку и один кусок подала сыну (букв. сыну держать лепешку в руке). Эс соңсдг болхичн, дөрвн күдр цаһан мөчичн эж уга һазрт өтн хорха хойрт идүлхв (Ж.) - Если ты меня не слушаешься, то в безлюдном месте кормлю (я) червям да букашкам четыре твоих белых могучих конечности. Бульһрин догшн хар Санл богд Жаһртан медүлв (Ж.) - Булингинов строгий Санал докладывал своему богдо Джангару. В этих примерах субъект каузируемого действия оформлен дательного-местным падежом: көвүндэн – своему сыну, өтн-хорха хойрт - червям да букашкам, богд Жаһртан - своему богдо Джангару. Значение побудительной конструкции с субъектом каузируемого действия в дательного-местном падеже – «дать возможность кому-либо сделать что-либо», «разрешить», «допустить».

Субъект каузируемого действия (деятель) в конструкции побудительного залога нередко может оформляться и орудный падеж: (Тедн) хурл хувргас, оln эмтнөс холд бөөсндөн, үрн төрхлэ, нег медэтэ эмгэр киисинь керчүлчкэд, бийснь нер өгчкэд чигн бээдмн (М.Н.) - Так как они жили вдали от хурула и людей, то, когда рождался ребенок, принимала роды старая старушка, и сами нарекали его именем (букв. старушке позволив отрезать пуповину ребенка). Эмд үлдсинь... нег баахн немш көвүһәр манулж (Т.г.) - Оставшихся в живых... заставили караулить молодого парня-немца (букв. молодым парнем-немцем). Арсарчн арин оln баавһанрар адсх кегүлнөв (Ж.) - (Я) кожу твою отдам многочисленным простолюдинкам, чтобы сделали бадьи (букв. простолюдинками). Значение данной конструкции - с субъектом каузируемого действия в орудном падеже – «сделать что-либо, используя кого-, что-либо как средство (инструмент)».

Иногда в конструкциях побудительного залога, образованных от основ переходных глаголов посредством аффикса -ул, -үл, возникает значение страдательности, потому что действие побудительного глагола, выполняемое реальным субъектом (деятелем) в форме дательного-местного падежа, не распространяется на объект в винительном падеже (как это

закономерно в четырехчленной конструкции побудительного залога данного типа), оно направлено на самого носителя глагольного действия - подлежащее, которое, утратив значение субъекта-каузатора, приобретает значение объекта действия, который допускает по отношению к себе действие субъекта (деятеля), выраженного не только в дательном-местном, но и в исходном падеже: Бадм үкрт мөргүлв - Бадма допустил (в силу определенных причин), что корова забодала его. Би худнрт икэр цокулчкижв (М.Н.) - Я сильно избит сватами (букв. допустил избить себя). Манж байн күүнэс гүвдүлв (О.У.) - Манджи был избит богачом (букв. допустил избить себя).

Примерами такого типа подтверждается тезис Ц.Б. Цыдендамбаева, что никакого отпочкования страдательного залога от побудительного не было: диатеза в побудительной конструкции такого типа совпадает с диатезой пассива (страдательной конструкции) – «побудительные глаголы употреблены в страдательном значении и нет никаких совпадений лиц»²⁰.

¹ Кузьменков Е.А. Глагол в монгольском языке. Л., 1984. С. 35-59

² Дмитриев Н.К. Грамматика башкирского языка. М.-Л., 1948. С. 135

³ Кормушин И.В. Каузативные формы глагола в алтайских языках// Очерки сравнительной морфологии алтайских языков. М., 1978. С. 78

⁴ Санжеев Г. Д. Залоги в монгольских языках// Труды военного института иностранных языков Советской Армии. М., 1941. С. 65

⁵ Грамматика бурятского языка. Фонетика и морфология. М., 1962. С. 207; Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. М., 1962. С. 27

⁶ Цыдендамбаев Ц.Б. Грамматические категории бурятского языка в сравнительно-историческом освещении. М., 1979. С. 91-95

⁷ Кузьменков Е.А. Указ. соч. С. 79

⁸ Шанский Н.М., Тихонов А.Н. Современный русский язык. Словообразование. Морфология. М., 1981. С. 186

⁹ Санжеев Г.Д. Сравнительная грамматика монгольских языков. Глагол. С. 289

¹⁰ Там же. С. 210

¹¹ Дмитриев Н.К. Грамматика кумыкского языка. М.-Л., 1940. С. 136; Захаров И. Грамматика маньчжурского языка. СПб., 1879. С. 162

-
- ¹² Ивченко К.С. Субъектно-объектные отношения в монгольском побудительном обороте// Филология и история монгольских народов. М., 1958. С. 129
- ¹³ Конрад Н.И. Синтаксис японского национального литературного языка. М., 1937. С. 208
- ¹⁴ Мишиг Л. Орчийн уеийн монгол бичгийн хэлний дадлагын зүй. Улаанбаатар, 1978. С. 147-1487
- ¹⁵ Галсан С. Сопоставительная грамматика русского и монгольского языков. Фонетика и морфология. Ч. 1. Улан Батор, 1975. С. 222-229
- ¹⁶ Недялков В.П., Сильницкий Г.С. Типология каузативных конструкций// Типология каузативных конструкций: морфологический каузатив. Л., 1969. С. 5
- ¹⁷ Санжеев Г. Д. Залоги в монгольских языках// Труды военного института иностранных языков Советской Армии. С. 106
- ¹⁸ Ивченко К.С. Указ. соч. С. 130
- ¹⁹ Кузьменков Е.А. Указ. соч. С. 45
- ²⁰ Цыдендамбаев Ц.Б. Указ. соч. С. 98

К этимологии наименования разновидностей жилища в монгольских языках

Монгольское жилище с точки зрения рассмотрения этимологии названий его разновидностей представляет собой большой интерес. Лексикографические издания по современным монгольским языкам фиксируют следующие наименования разновидностей жилища:

1. Позднеев 117 банаг "тангутская четырехугольная палатка", Рамстедт 33 ban^{ᠪᠠᠨᠠᠭ} "черная тангутская войлочная юрта", ОА 79 banāk (Т.О.) "юрта для хранения продуктов, а также товаров", Г. Рамстедт возводит к китайско-тангутскому слову ранка, ср. тиб. sbranag .

2. Калм. деглэ "юрта, кибитка (без дымового отверстия)", Позднеев 216 дегеле "лачуга, юрта без дымника", Рамстедт 85 degle ger "юрта без кольца на крыше (xarātšl), шалаш", Голстунский 690 калм. degele "лачуга (юрта без верхнего отверстия)" < *dege,lej, -le- аффикс со значением предмета, на который направлено действие, -ge- аффикс побудительности "то, что делается скоро", см. Рамстедт 85 degl – "делать скоро", ср. также бур. дэгжэ - < dege, jī - , -jī – аффикс становления, "расти, развиваться; увеличиваться", калм. дэгж- "1) подниматься, взлетать; 2) всходить (о небесных светилах)".

3. Калм. жолм "жоломейка (без решетчатых стенок), юрта из жердей и кошмы", Позднеев 305 жолом "верхняя часть юрты без решеток, воздвигаемая в виде шалаша", Рамстедт 114-115 džolm "юрта из un'n и dēwr (ставятся шесты, поддерживающие крышу и войлок на крыше во время передвижений, напр. при переходах, переездах); плохая юрта", монг. жолом "жоломейка, юрта из жердей и кошмы без решетчатых стенок "хана". Г. Рамстедт 114-115 совершенно справедливо считал рассматриваемую лексему заимствованием из тюркских языков, а именно из киргизского: жолум (или жолум үй) "джуламейка (небольшая юрта без кереге (деревянной решетки цилиндрической части юрты), которая обычно ставится для конских и овечьих пастухов", в основе которой лежит сема "дорога" (жол < *jol), т.е. жолум үй дословно значит "мой дорожный дом". В свою очередь данное слово проникло в русский язык, ср. русск. жоламей, жоламейка. См. СИГТЯ 502.

4. Калм. мөөхн “палатка; шатер”, Позднеев 228 майихан “полотняная палатка”, Рамстедт 259 тахрп “дорожная кибитка, палатка (из белого или синего полотна)”, монг. майхан “палатка; шатер”, бур. майхан “шатер, палатка” < тај, қап, -қап- аффикс уменьшительности. Г. Рамстедт 259 неуверенно предполагал в данном случае заимствование из китайского языка, однако ср. бур. майла < *тај,ла, -ла- аффикс со значением предмета, на который направлено действие, “1) прогалина, 2) солнцепек; 3) южная сторона сопки”, ОА 615 та (Дб., Дж., Т., О., У., Ва., Кхо.) май “дымный костер, который складывается из аргала”, п.-монг. тај. Т.Е. номинация рассматриваемого слова могла быть связана с понятием тепла, но при этом относительного, поскольку обозначаема ею реалья связана с обстоятельствами временного характера, палатка или шатер раскладывались тогда, когда возникала необходимость, вероятно, в краткосрочной остановке. Таким образом, *тај, қап можно отнести к числу тех реалий, которые имеют исконно монгольское происхождение. О заимствовании в тюркские языки из монгольских языков в алт., тел., тув., тоф. см. В. Рассадин МБЗ 21-28, СИГТЯ 500. О монгольских и тунгусо-маньчжурских лексемах см. М. Рясянен 322.

5. Позднеев 30 обохой “палатка, устраиваемая из одной верхней части крыши, без тэрмэ”, Рамстедт 291 овахә “плохая конусообразная кибитка”, монг. овоохой “лачуга, хижина”, Голстунский 226 обохой “шалаш, палатка, юрта (без унин и решеток)” < *оbа,үа,қај, - қај – аффикс со значением качества, приобретенного в результате действия, - үа – аффикс побудительности, < *оbај – “возвышаться, иметь форму кучи”, см. калм. ова-, бур. обой – “1) выдаваться над чем – либо, возвышаться; 2) иметь форму кучи”, монг. овой – “становиться выпуклым, выпучиваться, выдаваться кверху; иметь форму кучи”.

6. Калм. өргө “1) палатка; ставка, юрта (высокопоставленного лица); 2) дворец”, Позднеев 43 өргүү “главная юрта, княжеская юрта, дворец”, Рамстедт 299 өгге “двор, дворец (князя), дом (в вежливой учтивой речи)”, монг. өргөө “палата, чертог; ставка; юрта высокопоставленного лица”, бур. үргөө(н) “1) ставка; 2) дворец, резиденция (монарха или главы духовенства)”, Голстунский 339 өгге “ставка; дворец”, өггеге, өргүге id., Лессинг 641 өргүге(н), өггеге(н), өргүге(н) “резиденция или палатка принца; дворец хана или знатной персоны” < * өгге, ген, -ген – аффикс со значением предмета, на который направлено действие, < *өгге – “поднимать вверх; возносить, возвышать”, ср. Позднеев 43 өргү – “поднимать вверх; возносить, возвы-

шать", монг. өргө – "1) поднимать вверх; 2) возносить, возвышать, возводить кого – либо; 3) приносить в дар, преподносить; приносить в жертву", бур. үргэ – "1) поднимать (вверх); 2) приносить жертву, совершать жертвоприношение", п.-монг. ergü- id. ЭСТЯ 1974, 546 – 547, СИГТЯ 502 отмечают генетическую связь монг. *örge – с тюрк. *ö:r – "подниматься", ср. тур. ög – "возводить или поправить стену", ср. также ДТС 388 örgi – "воздвигать (памятник Моюн – гуру – 8в.)", örgin "трон; ставка правителя (памятник Моюн – гуру – 8в., "Гадательная книга" орхон–енисейским письмом; манихейский текст уйгурским письмом)", örgün "трон, престол, возвышение (уйгурское письмо – 10в.)", ögi "возвышенный, совершенный (уйгурское письмо из турфанской коллекции)", 391 ögüki "находящийся вверху (гадательная книжка уйгурским письмом беглым почерком)", 389 ögki "1. находящийся вверху, занимающий высокое положение (гадательная книжка уйг. пис. бегл. почерком); 2. сверж, и (в составе сложных числительных) (легенда о демоне уйгурским письмом)", örklä – "взнуздывать, привязывать (Махмуд Кашгарский – 11в.)", örküç "волна, вал (МК – 11в.)", örküç "таган, треножник (МК – 11в.)", örküç, örgüç "коса, заплетенные волосы (МК – 11в.)", örlä – "подниматься (Qutadyu bilig – 11в.; фрагмент восьми буддийских легенд уйгурским письмом)", 390 ögü "вверху, вверх (Qutadyu bilig – 11в.; отрывок христианского содержания уйгурским письмом)". Древнетюркские формы, главным образом, отражая древнеуйгурское письмо, указывают не только на свое монгольское происхождение, но и фиксируют некоторые утраченные формы прамонгольского, которые, безусловно, присутствовали в современных им монгольских диалектах, но уже не регистрируются в лексикографических изданиях по современным для сегодняшнего дня монгольским языкам. Данное обстоятельство может косвенным образом свидетельствовать только о том, что древнетюркские формы отражают язык гуннов, жужаней, сяньбийцев, возможно и киданей, как представителей монгольских племен, бесследно исчезнувших в истории вечности до создания Монгольской империи Чингис-хана. Следовательно, можно предположить, что создатели Монгольской империи периода Чингис-хана представляли собой окраинные монгольские племена, что подтверждает история ойратов (предков нынешних калмыков), живших накануне указанной эры в истории монголов несколько в стороне от всего монгольского массива того времени. Таким образом, данный исторический факт может подтверждать только одно: именно древние уйгуры

позаимствовали свое письмо у одного из монгольских племен, или нескольких, но не наоборот. Древнеуйгурские формы, не фиксирующиеся в других тюркских языках, генетически тесно переплетают монг. *örge – < *e(i), ge(i), ge(i)-, i – пограничный маркер, встречавшийся, вероятно, в языке древнего человека на стыках морфем – понятий в слове, - ge(i) – аффикс побудительности, ge(i)- аффикс становления, < * e(i), “поднимать вверх; возносить, возвышать” с монг. e, ge, kei “большой палец”, - kei – аффикс со значением качества, приобретенного в результате действия, -ge- аффикс становления, <* e, с монг. * e, ge, ke(i) “право, полномочие; власть”, ср. еще Тодаева 270 эрх I “право, полномочие; власть” хорч., архорч., бар., шгол., уцаб., чах. ерх, п.-монг. ерке, эрх II “избалованный, своенравный, капризный” хорч., джал., дурб., горл., шгол., уцаб., чах. ерх, п.-монг. ерке, эрх III “четки” хорч., архорч., бар., шигол., уцаб., чах. ерх < e “утверждение чего-либо в чем-либо в пространстве и во времени”, ср. калм. e <*eј “утвердительная частица да”, ОА 289 еуї (Дö., Дž., Т., О., U., Ва., Kho.) эе “мир, согласие, дружба”, п.-монг. еуе, ОА 299 епё (Дö., Ва., Kho.), inї (Дž., Т., О., U., Ва., Kho.), ене (Ва.) энэ “это, этот, сей, данный”, п.-монг. ене < * eј, ne(i), - ne(i) – аффикс со значением процесса действия, < * eј – “утверждать что-либо в чем-либо в пространстве и во времени”. Монг. öрге - < * e(i), ge(i), ge(i), в данном случае начальный гласный накануне его перехода в лабиализованный ряд, очевидно, сопровождал пограничный маркер. Представленные лексемы объединяет одно и то же понятие, связанное с утверждением чего-либо в чем-либо в пространстве и во времени. Возможно, значения “поднимать вверх; возносить, возвышать” возникли из значений 3) в монг. өргө – и “приносить жертву, совершать жертвоприношение”. Т.е. само действие жертвоприношения всегда сопровождалось, вероятно, действием рук, взмывающих вверх. При этом, очевидно, в самих руках, держащих что-то при их поднятии вверх, содержался смысл ритуального действия, предопределивший появление формы монг. *örge - < *eri,ge – в обозначенных значениях, см. монг. өргө -, бур. үргэ -. Отмечающиеся параллели в тюркских языках: кирг. өргө “свадебная юрта, юрта для новобрачных; чистая юрта”, хак. өрге “юрта героя; дворец, замок”, алт. өрге, шор. өрге “дворец, храм”, тув. өрге “богатая юрта, шатер; дворец”, турк. диал. өрүг “одинокая юрта, устанавливаемая на высоком месте во время тоя”, чаг. öгда “возвышение, крутое место, возвышенность, на которой ставится деревянный остов юрты” ЭСТЯ

1974, 546 – 547, В. Рассадин МБЗ 23, 36, 42, 44, 65, 69, М. Ряснен 374, СИГТЯ 501 – 502 правомерно относят к монголизмам.

7. Калм. уурц “хижина, лачуга”, Позднеев 46 уурца “лачуга, шалаш из жердей”, Рамстедт 451 – 452 urtsʰ “хижина, палатка без дымохода, т.е. только со столбами, поддерживающими только крышу, которая наверху перекрещивается”, монг. урц “1) чум, вигвам, хижина; 2) балаган”, бур. урса “конусообразный шалаш; чум” < *uḡi,sa, -sa – аффикс со значением предмета, на который направлено действие, < *üḡi – “дуть против (о ветре)”, см. монг. ури – “разг. дуть против (о ветре)”; урдааса урих “дуть с юга (о ветре)”, ср. также бур. ур: ур тээ (тээ – “сторона”) “впереди чего – либо; до чего - либо”, т.е. *uḡi,sa изначально содержало понятие “место, где можно скрыться от ветра”. Г. Рамстедт 452 приводит параллель из якутского языка: ugasa, которую М. Ряснен 515, В. Рассадин МБЗ 69, 83 относят к числу монголизмов в данном языке, N. Porre VGAS 80 данный ряд, включая еще эвен. ugap “чум, шалаш, крытый корой”, считает прародственным, что, безусловно, неправомечно. Возникновение данной номинации в строго обозначенной реалии могло возникнуть только в том районе Центральной Азии, где беспрестанно дуют ветры разных направлений; в очевидности это была степь.

8. Калм. харш “дворец”, Позднеев 89 харши “дворец”, Рамстедт 170 xarsi “тронный зал; дворец”; xarsi ordʰ “ханский дворец”, монг. харш “дворец”, бур. харша “1) плаха (бревно, обтесанное в виде доски); доска (колотая); 2) забор (из плах); 3) парн. с ордо (н) “дворец”, Лессинг 490 xarsi “дворец; дворцовый зал” < *qarsi. Г. Рамстедт 239 приводит параллель из уйг. и чаг. qarṣu “дворец”, предполагая в данном случае заимствование из тюркских языков, в которых оно в свою очередь относится к заимствованиям из тахарского Б, кучанского языка, см. K. Menges TLP 171. См. также СИГТЯ 495 – 496. Ср. ДТС 429 qarṣi “дворец (Махмуд Кашгарский – 11в.; Qutadyu bilig – 11в.)”. Вероятно, в основе рассматриваемой лексемы лежит звукоподражательная основа: см. ДТС 429 qarṣ: qarṣ qarṣ “изобр. звукоподражание хлопками СМК - 116”. Однако *qarsi > qarṣi тем не менее представляет собой монголизм, см. особенно бур. значения проникший в тюркские языки в значении понятия как “место, где хлопают в ладоши, т.е. повелевают”, см. значение “тронный зал”, приводимое Г. Рамстедтом. Доказательством в пользу данного предположения является фонетическое оформление

рассматриваемой лексемы, а именно конца слова: в прамонгольском *s* в позиции перед *i* дает переход ξ . С учетом древнетюркских форм можно утверждать, что перелом гласного *i* в монгольских языках протекал намного раньше, чем это принято считать в монголистике относящей этот период ко времени 13-14 вв. Судя по всему, данный процесс, как характерная линия развития фонетической системы монгольских языков, протекал достаточно неравномерно, и в разные периоды времени, поскольку в современных монгольских языках переход $si > \xi i$ регистрировался еще 15 – 16 вв.; возможно, данное обстоятельство также очерчивает носителей современных монгольских языков как окраинных племен былого монгольского массива.

9. Калм. хош "вторая юрта (при главной)", Позднеев 92 хош "второстепенная юрта при главной, не имеющая огневища; временная походная юрта", Рамstedт 189 хоѝ "дорожная юрта, временно разбитая палатка или юрта; летняя кухня, кухня; дом для рабочих; лагерь" < *qo, ξ < qo, $si - si < \xi i -$ аффикс со значением предмета, на который направлено действие, в других лексикографических изданиях по современным монгольским языкам монгольских языках данная лексема не регистрируется. Но ср. Оа 438 хоѝа (Дѝ., Д. z., Т., ѝ, И., Иф., Лho.), хоѝ Рамstedт 189 приводит к рассматриваемому слову следующие параллели: чаг. qoѝ "стоянка каравана", кирг. qoѝ "походная юрта", ср. также турк. кош., кбал., кош "полевой стан, кош", кум. кош, тат. куш "шалаш", ног., ккал. кос "временная юрта, шалаш, палатка", каз. кос "маленькая походная временная юрта", кирг. кош "1) временная юрта (маленькая юрта, в которой временно живут рабочие), или юрта, используемая во время дальних перекочевков или (раньше) во время походов; 2. кош, кочевой лагерь; кочевка со всем ее преимуществом". Основное значение в рассматриваемом слове "вторая юрта (при главной); второстепенная юрта при главной, не имеющая огневища", которое в последующем дало рефлекс "временная походная юрта", отсюда значение "лагерь; стан". Значение "летняя кухня, кухня" есть следствие конкретизации основного значения. *qoѝ генетически тесно переплетено со следующим рядом: монг. хос "пара", хосло – "сочетать, соединять попарно" < *qo, s – s – аффикс со значением результата действия *qo, s, la -, - la – аффикс применения, < *qo, основа-понятие, выражающая понятие числительного два, см. монг. *qoј, r, - ј – пограничный маркер, - r – аффикс со значением результата действия < *qo, ср. монг. хожим < *qo, ј, m, - ј – аффикс становления, - m – аффикс со значением

меры совершения действия, "потом, впоследствии, после", ср. также монг. хоймор < *qo,ᠵ, maᠭ, - ᠵ – пограничный маркер, - maᠭ – аффикс со значением качества, характеризующее данный предмет как способный совершить данное действие и как пригодный для совершения над ним данного действия, "красный угол в юрте, почетная сторона юрты (противоположная двери сторона)", вероятно, в контексте четности как понятия жизнь, монг. хойт < qo,ᠵ,ta, - ᠵ – пограничный маркер, - ta < - tai – аффикс со значением обладания тем, что выражается основой, "1) северный; 2) задний; 3) следующий, будущий, грядущий; последующий, второй", хойтхи < qo,ᠵ,ta,ki, - ki – аффикс со значением нахождения в том, что обозначается основой; "1) кто-то-либо находящееся позади; 3) анат. послед", хойм < qo,ᠵ,si, - si – аффикс со значением предмета, на который направлено действие, "1) на север, к северу; 2) назад; 3) после; 4) на родину, домой, к своим; 5) союз раз, разве что", хол < *qo,la, - la – аффикс со значением абстрактного понятия действия, который для древнего человека был достаточно конкретным, "1. даль; 2. 1) далеко, далеко; 2) употребляется для выражения превосходной степени гораздо, несравненно, значительно; 3) далекий, дальний". Монг. хоймор в перечисленном ряду представляется ключевым, содержащееся в нем значение указывает на их абсолютную взаимозависимость на пути вычленения значения понятия *qo. У монгольских народов до сегодняшнего дня сохраняется принцип ставить юрту (кибитку) с выходом по направлению к югу, т.е. двери юрты всегда расположены на южной стороне, в отличие от тюрков, где двери юрты располагались по направлению к востоку. Если учитывать понятие тепла, которое в своем концентрированном выражении всегда сопрягается с югом, то можно предположить, что исторически засвидетельствованная обитель монголов в Центральной Азии с ее резко континентальным климатом и характерными ветрами, дующими в разных направлениях, не была их исконным местожительством, т.е. монголы не являются автохтонными жителями Центральной Азии. И указанный принцип мог быть связан только с воспоминанием, передававшимся через поколения, о прежней, исконной родине, которая могла располагаться исключительно в той точке земли, где всегда было тепло. Ср. монг. хойгуур < *qo,ᠵ, ya,᠒i, - ya – аффикс побудительности, - ᠒i – аффикс со значением места совершения действия, "1) севернее; на севере; 2) сзади, позади; 3) в сочет. обозначает отсутствие кого – чего – либо; та нарыг байхгүй хойгуур "когда вы отсутствовали; когда

вас не было здесь”, ср. бур. урда хойгуурни “вперед и сзади меня”. Возможно, значения 1), 2) и 3) с приведенной цитацией представляют ничто иное как констатацию пережитого предыдущими поколениями “ледникового” периода в истории древнего человека, но уже вернувшегося к прежней своей обители. В связи с этим можно предположить, что “ледниковый” период начинался с Антарктики, что подтверждает следующая лексема – понятие: монг. хойногдох “1) быть севернее, чем нужно, быть далеко на севере; 2) быть слишком далеко, сзади”, которое характеризует древнего человека как следопыта, зорко всматривавшегося в природный катаклизм того времени, неожиданное повсеместное похолодание, но с сохранением восприятия погоды в оппозиции тепло – холод в зависимости противопоставления юг – север, также как монг. хол. Значение в монг. хоймор “почетная сторона юрты (противоположная сторона двери)”, очевидно, передает некий ритуал первых переселенцев, отражающий пережитую ими трагедию, следствием которой был их исход с прежних мест. Данный ритуал, в очевидности, представлял собой некую философию восприятия жизни, усугубленную происшедшими с ними переменами. На это указывает монг. хойт во всех сопутствующих ему значениях в выражении понятия “на севере, где теперь их будущее” (на данное обстоятельство указывает морфологический показатель со значением обладания тем, что выражается основой), что очерчивают следующие термины: монг. хойт эх “мачеха”, хойт эцэг “отчим”, ср. монг. хойт жил “следующий год; в будущем году”, также ср. бур. хойто наһан “загробная (букв. будущая) жизнь (по суеверным представлениям христиан)” (БРС 578) (которое предполагает, что монголы, как один из представителей так называемых алтайских народов, с незапамятных времен были знакомы с основными постулатами христианства). Монг. хоёрто - < *qo, j, r, ta, - ta - < - da – аффикс применения, “раздваиваться, оказываться двойственным” указывает на то, что монг. *qojar “два” изначально не несло в себе значения числительного два в выражении понятия количества, а отражало понятие личного местоимения ед. ч. “я” в восприятии дома как семьи, круга любимых им и любящих его лиц. Очевидно, изначально понятие *qo выражало понятие “я + ты” в восприятии единства оппозиции “супруг” и “супруга” как пары, возможно, неся в себе некий отголосок этого понятия древнего человека в раскладе понимания понятия “жизнь” (возможно отсюда восприятие древним человеком числительных в ряду их четности и нечетности, четный

ряд был сопряжен с пониманием жизни, нечетный ряд - смерти), что сохранилось в виде слепка в следующих значениях *qoŋ: в знач. союза и, да, например, монг. чи бид хоер "мы с тобой, ты да я", өвгөн эмгэн хоер "старик и старуха", арьс яс хоер "кожа да кости". Значение "север" в основе - понятии *qо вторично (данная основа – понятие первоначально очерчивало тот пласт лексики древнего человека, который был связан с понятием "быть тем, что вызывает смерть, уничтожает, опустошает, ликвидирует что-либо в пространстве и во времени, защищая"), изначально в монгольских языках понятие "север" передавалось через лексему – понятие *ага, см. бур. ара "1. 1) задняя (или теневая) сторона; северная сторона (горы); 2) зад, спина; север; 2. атр. задний, тыльный; северный; 3. в форме арада а) в значении наречия за спиной, за глаза; арада хэлэ – "говорить за глаза"; б) послелог с род. п. за, позади; хамагай арада "позади всех", отсюда монг. арат, бур. арад "народ". Монг. хойт во всех своих значениях утверждает тот факт, что "ледниковый" период в истории древнего человека отмечался дважды, и повсеместное похолодание шло опять же со стороны Антарктики, что зарегистрировано в значении 4) "на родину, домой, к своим". Т.е. после 1 периода древний человек все же вернулся к своему прежнему месту обитания, но с началом 2 периода он опять был вынужден переселяться дальше на север, см. значения монг. хол < *qola, особенно значение 2), которое объясняет, см. также значение 5) в бур. холо "с исх. п. или без него употр. для выражения превосходной степени гораздо, намного, значительно, несравненно", преимущества переселения в направлении чем дальше, тем лучше, но при этом не затрагивает понимания хорошо, связанного исключительно с прежним (исконным) местом обитания древнего человека. В монгольских языках для обозначения юга, южной стороны используется следующий ряд: өмнө, өмнө зүг, өмнөд, связано с понятием того, что впереди, урд, которое имеет еще подзначения перед, передняя (или лицевая) сторона; лицо у людей; южный; передний; предыдущий; прежде, раньше, также см. Тодаева 183 өвөр, өбөр, өбүг. Южный склон, южная сторона; 2. Южный, Тодаева 269 еңер, еңгер, еңгег "южная сторона; южный склон (горы и.т.д.)", последнее имеет еще и подзначение "лацканы, борта (у одежды)" Данное обстоятельство подчеркивает исключительную память древнего человека, предполагая рассмотрение памяти как проявление своеобразного рефлекса на уровне психофизиологического восприятия мира

древним homo sapiens, ломая основные представления современного человека о том, что же такое память и потомки. В связи с данным положением можно предположить, что древнему человеку еще во мгле вечности было знакомо некое средство, с помощью которого была возможна передача информации как некой совокупности знаний последующим векам. Этим средством могли быть как исключительный интеллект древнего человека так и ни много, ни мало письменность. Тюркские параллели, безусловно, восходят к монгольским языкам в порядке заимствований, что подтверждает кирг. форма в значении 1), которая непосредственно восходит к калмыцкому языку, отражая их исторически засвидетельствованные контакты, причем данные контакты с наибольшей глубиной отразились на киргизах, что выразилось в создании ими эпического сказания "Манас". См. N. Porre TLM 41, который тюрко-монгольские параллели считал генетически родственными, также см. Г. Дерфер III №1361, который монгольский ряд считал тюркизмами, возводя к тюрк. *qo – "соединять", но не засвидетельствованному ни в одном из тюркских языков, также см. Дж. Клосон 670, СИГТЯ 491 – 492. А. Rona-Tas TE высказывал предположение о тохарском источнике тюркского слова. Однако монгольское происхождение для указанного ряда безусловно и не подлежит сомнению.

10. Калм. чачр "шатер", Позднеев 242 цачир "зонт на кровле дома, палатка, балаган, беседка, шалаш", Рамстедт 437 *tšatšr*, *tšatšr₀* "открытая палатка, палатка из полотняных стен", монг. цацар "шатер", Голстунский 352 *čačar*, *čačir* "шатер, палатка (открытые)" < *čatir*. Ср. ДТС 142 *čatir* "шатер, палатка (Махмуд Кашгарский – 11в.)", 135 *čačir* (МК – 11в.), 141 *čašir* (МК – 11в.) "шатер, палатка", формы которых засвидетельствовали фонетические сдвиги, происходившие в фонетической системе монгольских языков: *ti* > *či*, *či* > *ši*, подтверждая тем самым монгольский источник происхождения указанной реалии. В современных тюркских языках рассматриваемая лексема зарегистрирована в тат. чатыр, кум. чатыр, каз., ног. шатыр "шатер, палатка", уйг. чедир, турк. чадыр "палатка, шатер", тур. *čadır* "шатер; кибитка; юрта; палатка", долгота в турк. может быть факультативной; из первоначальной монгольской формы *čatir* > **čatir*, фиксируя еще слышимый пограничный маркер. М. Рясянен 101, Дж. Клосон 403, К. Менгес ВЭ 182, прим. 294, Ge 707 для рассматриваемого слова видят иранский источник, восходящий к древнеиндийскому. См. также СИГТЯ 497 – 498.

Однако этимология čajtir (i) > *čatir (i) возможно, следующая: -ti > -ci – аффикс продолжительности, - gi – аффикс со значением места совершения действия < * - gaĭ, < * - čaj –", быть по ту сторону, на той стороне, т.е. данная реалия, очевидно, изначально содержало понятие "место, в котором пребываешь отсутствуя, будучи по ту сторону" и, вероятно, представляла собой некий открытый павильон.

Из 10 наименований разновидностей жилья 2 наименования относятся к собственно калмыцким заимствованиям: 3 жо́лм "жоломейка" < кир.; 1 банаг "палатка" < кит. – тиб.

5 наименований являются источником заимствования в тюркских языках: 4 тајдап "палатка", распространен в ряде тюркских языков, имея зонально–ограниченный характер; 6 *oggegen "ставка", монголизм, засвидетельствованный еще в древнетюркском; 8 *qarsi "дворец", монголизм, также отмечающийся в древнетюркском; 9. qosi "вторая юрта при главной, монголизм, не регистрирующийся в древнетюркском; 10 *čatir "шатер", возможно монголизм, отмечается в древнетюркском.

Одно наименование: 7 *urĭča "хижина, лачуга" источник заимствования в тунгусо–маньчжурских языках.

Таким образом, наименования разновидностей жилища в монгольских языках свидетельствуют о былом влиянии монгольских племен на тюркские, корни которых уходят к гуннам, сяньбийцам, жужаням, к тем представителям монгольских племен, которые канули в вечности, однако оставшись в Большой истории человеческой цивилизации. Древнетюркский язык, засвидетельствовав в своей лексической системе глубину данного влияния, остается на сегодняшний день единственным свидетелем высочайшего уровня развития предков нынешних представителей монгольских народов.

Цитированная литература

1. Башкирско-русский словарь. М., 1958
2. Бурятско-русский словарь. М., 1973
3. Голстунский К.Ф. Монгольско-русский словарь. С.- Петербург. Т. 1, 1895. Т. 2, 1894. Т. 3, 1893
4. Древнетюркский словарь. Л., 1969
5. Калмыцко-русский словарь. М., 1977
6. Каракалпакско-русский словарь. М., 1967
7. Киргизско-русский словарь. М., 1965

8. Кумыкско-русский словарь. М., 1967
9. Менгес К.Г. Восточные элементы в "Слове о полку Игореве". Л., 1979
10. Монгольско-русский словарь. М., 1957
11. Ногайско-русский словарь. М., 1963
12. Позднеев А.М. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. С.-Пб., 1911
13. Поппе Н.Н. Грамматика письменно-монгольского языка. М.- Л., 1937
14. Рассадин В.И. Монгольско-бурятские заимствования в сибирских тюркских языках. М., 1980
15. Русско-казахский словарь. Алма-Ата. Т. 1-2, 1917-1978
16. Севортян Э.В. Этимологический словарь тюркских языков. Т. 1, 1974
17. Сравнительно-историческая грамматика тюркских языков. Лексика. М., 1997
18. Сравнительный словарь тунгусо-маньчжурских языков. Т. 1-2. Л., 1975-1977
19. Татарско-русский словарь. М., 1966
20. Тодаева Б.Х. Язык монголов Внутренней Монголии. М., 1981
21. Тувинско-русский словарь. М., 1968
22. Турецко-русский словарь. М., 1977
23. Узбекско-русский словарь. М., 1959
24. Хакасско-русский словарь. М., 1953
25. БНМАУ дахь монгол хэлний нутгийн аялгууны толь бичиг, II. Ойрд аялгуу. Улаанбаатар, 1988
26. Clauanson G. Etymological Dictionary of Pre-thirteenth century Turkish. Oxford, 1972
27. Doerfer G. Türkische und mongolische Elemente im Neupersischen. Wiesbaden, 1965, Band 2, Wiesbaden, 1967, Band 3
28. Lessing F.D. Mongolian-English Dictionary. Berkeley, 1960
29. Menges K. Glossar zu den volkskundlichen Texten aus Ost-Turkestan. Mainz, 1955
30. Poppe N. Vergleichende Grammatik der altaischen Sprachen. Wiesbaden, 1960
31. Ramstedt G.J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki, 1935
32. Rasanen M. Versuch eines etymologisches Wörterbuchs der Turkesprachen. Helsinki, 1969

**Некоторые дополнения к комментариям текста
«Биографии Зая-пандиты»
/Письмо к научному редактору В.П.Санчинову/.**

Прочитав книгу Ш.Норбо «Зая-пандита», вышедшую в г.Элисте под Вашей научной редакцией, и воспользовавшись Вашим предложением о дальнейшем сотрудничестве, я решил дать пояснения по некоторым терминам, значение которых может быть понятно только при привлечении казахских материалов. Это касается в первую очередь часто встречающихся в тексте книги географических названий. Хочу отметить, что большинство топонимов расшифрованы автором правильно, вплоть до того, что указаны географические координаты. Вероятно, в будущем к тексту «Зая-пандиты» необходимо будет приложить карту, которая зримо покажет как многотрудную работу Зая-пандиты по распространению письменности и веры среди дурбэн-ойратов, так и территорию расселения калмыкских племен в XVII веке. Тогда, я надеюсь, пригодятся мои пояснения.

1.Хасулаг

В тексте: «Он (Зая-пандита-Ж.А.) в году овцы (1643) провел зиму у Кундулунг-Убаши в (местности) Хасулаг. Совершив в полном виде молитвенные обряды по случаю (праздника) Цаган Сар, он (тем самым) посеял семена добродетели в людях»¹.

В комментарии: «Хасулаг-это название отсутствует на карте Джунгарии, приписываемой Галдан-Цэрэну. В современном Синьцзяне также нет местности с таким названием... до сих пор неясно, где находилась местность Хасулаг»².

Географическое месторасположение Хасулага (на каз.яз. «Казылык»)- это Центрально-Казахстанский мелкосопочник, его северо-восточная часть с характерным для него горно-лесным пейзажем. Этот топоним встречается в нескольких географических вариациях (например, Он екі Казылык, т.е. двенадцать Казылыков), в особенности в ранних фольклорных текстах. Обратимся к толгау Бухар жырау (XVII-XVIII в.в.):

Оригинал:

Он екі Казылык, Ой Түндік, Шауып шыктым Белеңге³.

Перевод:

Двенадцать Казылыков и река Тундык,
На скаку поднялся я на Белен

Примечание к переводу: Двенадцать Казылыков — цепь мелкосопочников Центрального Казахстана. Ой Тундык — одна из значительных рек степи, она берет начало в Кызыларайских горах и не доходя до Иртыша /20 км/ вливает свои воды в оз. Карасор. Белен — обычно так называется среднее течение р.Сарысу, в данном контексте возвышенности в северных окраинах Бетпак далы.

В географические рамки Он екі Казылык, на наш взгляд, входят на западе Баян аула, Кызыл тау (совр. Павлодарская область Республики Казахстан), ряд возвышенностей так называемых Каркаралы-Кууской группы гор (Карагандинская обл.) и Хан Чингис (на территории Восточно-Казахстанской области).

Приведем другой фольклорный текст (Калмактың жерімен коштасуы-Прощание калмыков со своей землей):

Оригинал:

Он екі Казылык, Ой Түндік,
Мацырап жаткан кой түндік,
Жылкы устаган курыгым,
Үй тіреген сырыгым,
Кайран да, кайран, кайран тау,
Әкем күйеу болган тау,
Анам келін болган тау,-

Перевод:

Двенадцать Казылыков, река Тундык,
Овцам привольное пастбище тундык,
Хурук для ловли лошадей,
Подпорка для дома,
Благодатные горы, трудно их оставить,
Горы, где отец был женихом,
Горы, где мать невестою была.

В этой песне — прощании есть и следующие строки:

Уш атамыз өткен тау,
Уш мың, кара біткен тау.
Баян бір аула Казылык,
Жолын жатыр казылып
Жазгытұры көшкенде,
Калушы едің кара жол,
Кабырадан казылып.
Күзгі тұрым конганда,
Төрт түлік мал бауырында,
Жатушы еді жай тауып

Перевод:

Три поколения моих предков выросли на этой горе.

По три тысячи имели лошадей они.
В широких просторах твоих Баянаула Казылык,
Когда летом откочевывал народ,
Оставались глубокие следы на земле,
При осенних - в подножьях твоих находил
Для себя приют скот.

«Казылык» в более узких географических масштабах охватывает центральную часть мелкосопочника: Ку, Каркаралы, Каракуыс, Едырей, Баянаула. «Эти горы называются Бес Казылык (т.е. пять Казылыков-Ж.А.). Это пуповина скота (т.е. наиболее подходящие для скотоводства - Ж.А.)», - писал известный казахский экономист начала XX века А.Н.Бокейханов⁴.

«Казылык» в еще более узких рамках-горы Каркаралы, Кент, Ку, находящиеся непосредственно на поймах р.Тундык. В данном сочетании, т.е. «Уч Казулык» (Три Казылыка), эта местность встречается и в русских документах XVIII века. Так, в письме Нуралы хана на имя воронежского губернатора говорится о том, что его послы к «китайскому хану» «путь свой имели... через Средней Орды Абулфяиз солтана, кочевавшего при урочище, называемом Учъ-Казулык»⁵.

Первая письменная фиксация топонима «Казылык» в российских документах, имеющих отношение к калмыцким продвижениям, относится к началу XVII века. Так, в данной местности «под Казачьею ордою» зимовал Талай тайша (Далай-тайджи), предводитель дэрбэтов и вообще один из признанных вождей и старейшин дурбэн-ойратов рассматриваемого периода. В записной книге Тобольской приказной избы от 1625 года значится, что Талай тайша с детьми и с хошоутским Байбагиш (Байбагыс-Ж.А.), опасаясь монголов, зимовали на рубежах Казачьей орды, а «весною Талай-тайша с детьми прикочевали на урочище Козлык»⁶.

Этимология слова «казылык», к сожалению, еще не разработана. Вышедшее из употребления в современном казахском языке, оно осталось только в памяти старых казахов (и то не всех) этих местностей. Вероятно, и казахские лингвисты не подозревают о существовании в прошлом (вплоть до начала XIX в.) этого названия. Так, я обнаружил, что в переводах «Бухар жырау», осуществленных в XIX в. Г.Н.Потаниным и прокомментированных в начале 70-х г.г. XX в. ведущими казахстанскими фольклористами, присутствуют большие искажения. В переводе вышепереведенный стих «Бухар жырау»

(Двенадцать Казылыков, река Тундык, На скаку поднялся я

на Белен) выглядит следующим образом: Из двенадцати кольев тундук (юрты), На скаку поднялся (Абылай) на ваш перевал⁷. В тексте "Биографии Зая-пандиты" речь идет о зимовке Кундулунг-Убаши в горах Кент-Казылык, где в наше время в одном из ущелий, между вершинами Донгал и Коныр, на берегу небольшой речки Кызыл су находятся развалины каменного сооружения. Этот памятник, судя по историческим преданиям казахов и по результатам проводившихся там раскопок, является калмыцким храмом. "Кызыл-Кенч" – так называют местные казахи это легендарное сооружение /подробнее об этом в другой статье/. На наш взгляд, именно в Кызыл-Кенчском дворце провел зиму 1643 года Зая-пандита, откликнувшись на приглашение Кундулунг -Убаши. Совершив "в полном виде молитвенные обряды по случаю (праздника) Цаган Сар, он (тем самым) посеял семена добродетели в людях"⁸.

2. Агсагал

В тексте: "Затем, объединившись, они (Лубсанг, Огджодбе, Тугулу-Ж.А.) осадили Мэргэна - тайджи на озере Агсагал. (Зая-пандита) отправился к ним и помирил их"⁹.

В комментарии: «Озеро Агсагал — это озеро нам не удалось найти ни на одной карте Восточной Европы, Центральной Азии, Западной Сибири, России и других стран. Поскольку описываемые события происходили на территории восточнее Яика, то можно предположить, что речь здесь идет о каком-то небольшом озере, расположенном где-то к востоку от современной реки Урал (Яик)»¹⁰.

Действительно, озера под названием Агсагал (на каз. яз. Аксакал, или же в других вариациях: Аксакал Барбы) на современных картах Казахстана нет. Это славное озеро, имевшее в окружности верст на двести и более, давно исчезло с лица земли и память о нем также давно стерлась. Некоторые сведения о существовании озера под названием «Аксакал» в западной части Сары Арки (Центрально-Казахстанского мелкосопочника) мы находим только в народных исторических преданиях. На современных картах больше обозначается огромный солончак к западу от Улутауских гор — Шалкар тениз. Именно в центральной части этой низменности находится легендарный Курдум (су аягы Курдум - конец воды – Курдум).

От озера Аксакал ныне остались небольшие соленые степные озера Байтаккуль, Мельдекуль и т.д. В песках, окружающих солончак Шалкар-тениз, теряются воды известных степных рек Иргиз и Тургай (Сауык). В XVII столетии, когда Зая-пандита мирил братьев: Мэргэн-тайджи, Лубсанг, Огджодба,

Тугул, т.е. внуков торгоутского предводителя Хо-Орлока, озеро Аксакал было одним из крупных водоемов Великой степи.

Некоторые сведения об этом озере содержат книги страноведческого характера, посвященные географии казахских степей.

Таким источником является «Топография Оренбургская», составленная в 1755 году П.И. Рычковым. По его сведениям, в большей части оригинальным, поскольку многие регионы Оренбургского края он посетил лично, озеро Аксакал находится «расстоянием от Орской крепости верховой езды дней с пять. Вода в нем солоновата и довольной глубины, рыбы имеет множество. Лес, кругом оног тальник, или кустарник, а поодаль — называемый саксеул. В сие озеро впали степные реки Тургаи, коих считался шестьдесят шесть, да Улкияки, которых счисляют тридцать шесть, и три Иргиза. Между киргизцами (казахами -Ж.А.) Средней и Меньшей орд есть оно почти на самой середине, и обе оные разделяет, так что с одной стороны Меньшей, а с другой Средней Орды кочевья»¹¹. «Славным озером» называет это озеро капитан Н.П. Рычков побывавший в данном регионе во время преследования калмыков в 1771 г.¹².

В казахских исторических преданиях озеро Аксакал и близлежащие к нему пространства, особенно с юга, отмечаются как места наиболее подходящие для зимних стоянок и пастбищ. Как уже отмечалось, с западной стороны озера располагались племена Младшего жуза, а с востока Среднего жуза. Таким образом, стратегическое значение Аксакала заключается в его местоположении на границе двух основных составляющих казахского союза. В принципе, озеро Аксакал расположено недалеко от главного святилища казахского союза - гор Улытау. Вдоль основного русла Тургая и ближе к ее устью (т.е. в районе Аксакал) часто встречается значительное градостроительство древности и раннего средневековья. Н.П. Рычков в своих «Дневных записках» отметил несколько наиболее крупных городищ, возле которых им обнаружены следы былых оросительных систем: «На сих обильных полях видны остатки древних нив или хлебопахотных мест, кои, как видно, были наводняемы нарочно проведенными каналами из источника Кара Тургай». Казахи, к которым обращался капитан Н.П. Рычков за информацией, относили все эти степные достопримечательности к ногайлинскому времени, т.е. эпохе Золотой Орды¹³.

В «Топографии Оренбургской» П.И. Рычков /старший/ отмечает ряд протоков озера Аксакал впадающих в

р.Сырдарью. К сожалению, из-за отсутствия подробных описаний этой территории тяжело идентифицировать современные русла с историческими материалами по топонимии края.

Вероятно, среди развалин древних строений на берегу оз.Аксакал сохранилось и то сооружение, где оборонялся Мэргэн-тайджи от своих братьев, обидевшихся на него из-за раздела мангытской (ногайской) дани. Здесь на излучине двух известных рек Тургая и Иргиз, на той местности, которая сейчас называется Шалкар тениз и состоялась встреча Зая-пандиты с двумя противоборствующими сторонами в 1655 году. Он помирил братьев и отправился дальше.

3.Хара-Хум

В тексте: «Зиму года обезьяны (1656) (Зая-пандита) зимовал у дэрбэтского (князя) Тойна на (реке) Хара-Хум»¹⁴.

В комментарии: «Хара-Хум» - тюркское слово кара кум означает «черный песок». Это название небольшой речки, находившейся в районе северной оконечности озера Балхаш. В прежние времена она протекала по территории, населяемой дурбэн — ойратами Джунгарии, а сейчас находится на территории Талды-Курганской области Советского Казахстана»¹⁵.

Ш.Норбо в своих комментариях данного исторического топонима допустил явную ошибку. Она заключается в том, что дети Далай-тайши (в рус. источниках – Далай-Богатырь) жили гораздо западнее указанных в комментариях мест. Да, действительно, в восточной части оз.Балхаш и западнее оз.Алакуль есть небольшая песчаная полоса под названием «Каракум», но в тексте «Биографии Зая-пандиты» описывается обратный маршрут калмыцкого просветителя от западно-торгоуйтских владений (на Яике) к среднему течению р.Иртыш, где находился храм Абылайн-сумэ. Где-то в центральных районах Сары Арки произошла встреча Зая-пандиты с посланником Абылая, который пригласил Зая-пандиту для освящения храма. Обратимся к тексту книги: «В промежутке пути оттуда (от Хара-Хум-Ж.А.) до Аблайн-сумэ Убаши-хунтайджи, Дорджи-тайджи, Эркэ-Дайчинг, Монгкэ и другие каждый в отдельности приглашали к себе (Зая-пандиту)...»¹⁶.

Вышеназванные сыновья хошоутского Кундулунг-Убаши жили вперемешку и в близком соседстве с сыновьями дэрбэтского Далай-тайши. Между ними (впрочем, об этом не раз писали калмыцкие авторы) существовали крепкие узы дружбы и добрососедства. В своих выступлениях против Батур-хунтайджи Кундулунг постоянно опирался на дэрбэтов из семьи

Далай-тайши. Вероятно, Зая-пандита ехал в Абылайн-сумэ через Казылыкские горы, о которых было сказано в начале этой статьи.

Таким образом, Зая-пандита, проведя зиму 1654-1655 года на Яике у торгоутского правителя Дайчинга, «в последнем летнем месяце 1655 года собрался возвращаться на родину»¹⁷. Поскольку в дороге на восток он натолкнулся на конфликт между торгоутскими владетелями (Мэргэн тайджи и его братья), то Зая-пандита, который никогда не упускал возможности выступить в роли миротворца, ушел несколько на юг и «на озере Агсагал... помирил их». Пока шла эта тяжба, наступила зима, и тогда Зая-пандита вынужден был думать о зимовке. К этому вынуждало его и то огромное количество лошадей (только один Дайчинг подарил ему 3000 лошадей), сопровождавших Курээ (передвижной монастырь). Места к югу от озера Аксакал во все времена представляли собой первоклассные зимние пастбища кочевых народов Центральной Азии. Теплый климат здешних мест, хороший травостой, наличие колодцев летом, а зимой снежной воды делают правобережье р.Сырдарья особенно удобным для зимнего содержания конских табунов.

Само урочище под названием Кара кум (в источниках Хара-Хум) находится «от Аксакала расстоянием один день». Имеется ввиду один день конной езды, т.е. около 100 верст. П.И.Рычков в «Топографии Оренбургской губернии» отмечает, что «отсюда /т.е. от Хара-хума -Ж.А./ по самую Сыр-дарью пошли пески, которое есть по екі сторону и киргизы /казахи-Ж.А./ кочуя тут, довольствуются водою из выкопанных колодцев и из текучих ключей»¹⁸.

Весной Зая-пандита со своими соратниками и табунами отправился дальше. Судя по описаниям в «Биографии» путь был совсем недалеким, поскольку только к началу зимы года курицы (1657 год) Зая-пандита оказался вблизи современного Усть-Каменогорска, где освятил «в счастливый день первого зимнего месяца» храм Абылайн-сумэ, известный в исторической литературе больше как Абылай кит. Таким образом, Зая-пандита в одно лето 1656 года пересек по диагонали огромные степные просторы Казахстана, от Приаральских каракумов до Алтайских предгорий. Это расстояние по самым приблизительным расчетам составляет около двух тысяч километров.

Проведенный нами анализ некоторых исторических топонимов, встречающихся в тексте «Биографии Зая-пандиты», свидетельствует о необходимости тесного сотрудничества

между казахскими и калмыцкими исследователями. Мы в данной статье рассмотрели небольшую часть историко-топонимического материала, которым богата «Биография Зая - пандиты».

Предполагаю, что это письмо будет не последним, поскольку «Зая-пандита» является источником и для казахской истории. События, о которых рассказывает источник, разворачивались на огромных степных просторах Евразии, занятых ныне казахским народом, и напрямую касаются его политической и этнической истории в указанных хронологических границах.

¹ Норбо Ш. Зая-пандита /Материалы к биографии/. Научный редактор В.П.Санчилов. Элиста, 1999. С.45

² Там же. С.186

³ XV-XVIII гасырлардагы казак поэзиясы. Алматы, 1982. С.221

⁴ Бекейханов Э.Н. Тацдамалы. Алматы, 1994. С.165

⁵ Международные отношения в Центральной Азии. ХУП-ХУШ в.в. Документы и материалы. Кн. 1-2. М., 1989

⁶ Указ соч. Кн.1. С.64

⁷ Казахский фольклор в собрании Г.Н.Потанина. (Архивные материалы и публикации). (Сост. и коммент. С.А.Каскабасова, Н.С.Смирновой, Е.Д.Турсынова). Алма-Ата, 1972. С.281

⁸ Норбо. Ш. Указ. соч. С.45

⁹ Там же. С.76

¹⁰ Там же. С.233

¹¹ Рычков П.И. Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 112-113

¹² Рычков Н.П. Дневные записки путешествия в киргиз-кайсацкой степи в 1771 году. СПб., 1772. С.56

¹³ Там же. С.58

¹⁴ Норбо. Ш. Указ. соч. С.76

¹⁵ Там же. С.233

¹⁶ Там же. С.77

¹⁷ Там же. С.76

¹⁸ Рычков П.И. Указ. соч. С.77

Религиозные деятели как субъекты права в «Ики Цаджи»*

В монгольском мире исследователи вычленяют три национальные формы буддизма: монгольский, бурятский, калмыцкий. Их отличает ряд характеристик. Главная из них – это различное соотношение буддийских верований и шаманизма. Как известно, в Монголии шаманы сохраняли свое положение в обществе на протяжении веков. В Бурятии положение шаманизма в восточной части резко отличалось от западной, где шаманы являлись главными религиозными деятелями.

Калмыкия – регион, расположенный вдали от Монголии. Если следовать логике, напрашивающейся из примера Бурятии, где в восточных районах исповедовали буддизм, а в западных было больше шаманистов, то в Калмыкии шаманизм должен был процветать, потому что буддийские центры находятся за тысячи километров.

Тем не менее, шамановеды отрицают наличие этой религии среди калмыков. В чем причина? Какие факторы повлияли на исчезновение шаманов из калмыцкого общества? Эти вопросы волнуют как исследователей, так и всех, кто интересуется этнорелигиозными проблемами.

Нашей задачей стала попытка разрешения поставленных вопросов на материале памятника “Ики цаджи”.

Итак, нас интересует: 1) статус религиозных деятелей в монгольском обществе XVII века по “Великому закону”; 2) причины, по которым статус в реальной жизни оказался различным.

Рассматривая первый аспект проблемы, отметим главное: статус религиозных буддийских деятелей освещен в начальной части памятника права, следуя за разделом, посвященным охране Отечества. Уже шестая статья законов, следующая за статьей о нападении на государство, гласит о наказаниях, которым должны быть подвергнуты посягнувшие на служителей религии.

Буддийские религиозные деятели приравнены к государственным (статья 22). Статус их настолько высок, что статьи, по-

* Доклад подготовлен при поддержке гранта РГНФ №00-01-00333 а/ц “Национальные особенности буддизма в Калмыкии: религиозные деятели”

священные религиозным буддийским деятелям, расположены ранее статей, посвященных нойонству – высшему социальному слою общества.

Права глав монастырей защищены законом так же, как и права нойонов. Статус главы монастыря оказывается ниже только статуса владетельных князей. Положение цорджи (то есть бакши) выше, чем положение всего нойонства: за оскорбление владетельного князя преступника следовало разорить, за оскорбление нойона – взять один девяток скота, а за оскорбление цорджи – девять девяток. При этом следует учитывать не только количественный показатель штрафа, но и символику числа “9” в монгольском обществе. Девятка выступает как символ богатства, и счет скота велся у монгольских народов девятками. Многие божества пантеона также связаны с девяткой. В целом исследователи не имеют единого мнения о причинах усиленного внимания многих народов к числу 9. Но одно ясно – девятка, равно как и девять девяток, и усиленное девять, то есть число 99 – символы богатства и множественности. Именно такую “несметную сумму” определили участники съезда князей и духовенства в 1640 году за оскорбление главы монастыря.

Определив статус буддийских религиозных деятелей в целом статьей 22, съезд статьями 24-26 закрепил иерархию духовенства в главном государственном законе.

Таким образом, “Ики цаджи” может служить источником для изучения иерархической структуры монашества: от цорджи – к ламе – к гелюngu, банди, шабаганце, убаши и убасанце. Зафиксирован также общий для монашества термин – тойн.

Переходя к статусу религиозных деятелей, не являющихся приверженцами буддизма, необходимо отметить, что они были объявлены вне закона. Деятельность их по статье 182 была запрещена; предметы культа – изображения шаманских божеств - онгоны, являвшиеся символическими вместилищами духов предков – согласно статье 183 изымались. Кровавые шаманские ритуалы также были запрещены.

Итак, деятели двух религий – шаманизма и буддизма – после съезда 1640 года и введения новых законов – оказались наделенными различными правами. Вернее, первые их полностью лишились, а вторые стали полноправными членами общества, его элитой.

Каковы были последствия объявленной законами 1640 года религиозной политики? Борьба с шаманизмом велась до-

вольно активно. Но распространение буддизма в начале XVII века в феодальном обществе, возведшем его в ранг государственной религии, не могло привести к одномоментному исчезновению ранних религиозных верований. В результате закономерно сформировались два уровня функционирования религии, за которыми в научной литературе закрепились термины “храмовый” и “бытовой”. Именно на бытовом уровне и формировались национальные формы буддизма у монгольских народов.

Особенности условий функционирования “Ики цаджи” – “Великого закона”, общего для монголов и ойрат, в каждом регионе влияли на формирование национальной формы буддизма.

В Калмыкии одним из главных последствий провозглашенной “Ики цаджи” религиозной политики стало сохранение элементов шаманизма на эзотерическом, или тайном, уровне. В результате в начале XX века, через три столетия борьбы, объявленной против онгонов, под кроватью ставили калмыки лампаду, посвященную онгону (“онгон зул”)¹.

Ситуация, сложившаяся в Монголии и, особенно, в Бурятии, где сохраняются до настоящего времени шаманы, свидетельствует о том, что в монгольском мире законы, принятые в 1640 году на всемонгольском съезде, не повсюду исполнялись.

Исследование причин, по которым задача искоренения шаманских верований и шаманов как категории религиозных деятелей, в Монголии, Бурятии и Калмыкии была решена по различному, - тема большой научной работы. Она должна будет включить анализ исторической обстановки, в первую очередь последствий вхождения Халхи в 1691 году в маньчжурское государство и реального значения законов 1640 года и решений съезда, направленных на объединение. Монгольские народы, несмотря на старания Батура-хунтайджи, не смогли объединиться даже под угрозой маньчжурского завоевания. Уже в 1696 году в Монголии окончательно был сформирован свод маньчжурских законодательных актов для монголов “Цааджин бичиг”, в котором вопрос о борьбе с шаманами не стоял уже остро. Статья 76 этого законодательства, например, посвящена недостойному поведению лам и шаманов.

Как известно, текст “Великого закона” – “Ики цаджи” – сохранился только на ойратской письменности. В ойратском и калмыцком обществе и более последовательно была проведе-

на борьба с шаманизмом, провозглашенная иерархами, и в первую очередь Зая-пандитой Намкхай-джамцо².

Отдаленные последствия введения великого закона мы наблюдаем и в современной религиозной ситуации в Калмыкии. Термины шаман, шаманка ("бӧ", "удһн") дожили в Калмыкии до XXI века. Но благодаря борьбе, объявленной законами 1640 года, эти термины давно приобрели новое содержание.

¹ Кануков Х.Б. Галын окон тенгер (Огнепоклонство у ламаитов-буддистов). // Калмыцкая степь. Астрахань, 1928. № 8-9 (11-12). С. 83-89.

² Биография Зая-пандиты.// Калмыцкие историко-литературные памятники в русском переводе. Элиста, 1969. С. 172

«Степное Уложение» 1640 года:
проблемы адекватности названия и датировки

Прошло 362 года со дня создания уникального памятника права монгольских народов и 226 лет со дня его первого издания на русском и немецком языках. Но и сегодня огромен интерес к данному памятнику со стороны как отечественных ученых, так и наших зарубежных коллег.

Нашей задачей является выявление точного написания и перевода названия памятника. Текст памятника известен нам по ойратским спискам. Ойратское название зафиксировано в преамбуле текста: «...уеке сáјі екilen бiсiбе». Эту фразу востоковед С. Дылыков, издавший ойратский текст в 1981 году, перевел следующим образом: «Положив начало, составили Великое Уложение». При этом ученый указывает на то, что данное название памятника обозначено во всех списках одинаково, «лишь на титульном листе университетского списка... имеется заголовоч, данный, очевидно, переписчиком сáјі бiсiг»¹. Такое же название «сáјуin бiсiг» встречается в преамбуле более позднего Позднеевского списка. Сам С. Дылыков назвал памятник по-монгольски – *Их цааз*.

Мы предлагаем в дальнейшем в официальных документах на русском языке использовать калмыцкое название памятника в русской практической транскрипции – *Ики Цаджу*.

Что касается перевода на русский язык оригинального названия памятника 1640 г., то наиболее точным представляется название «*Великий Закон*». Почему именно такое название? Еще Ф.И. Леонтович писал, что «великий» (*ики*) в противоположность слову «малый» (*бага*) означает общеплеменное право, а не право отдельного племени»².

Используя этот термин, мы подчеркиваем значимость памятника права 1640 г. Слово же «степное» в названии «Степное Уложение», данном с легкой руки Н.Я. Бичурина, принимает значение законов 1640 г. На необходимость перевода слова *ики* как «великий» указывает монголовед М.И. Гольман³. Что касается перевода на русский язык второго слова – *цаджи*, то в научной литературе оно переводится как *уложение* (Бакунин В.М., Гурлянд И.Я.), *право* (Паллас), *законы* (Паллас, Голстунский К.Ф.), *устав* (Попов Н.А., Рязановский В.А.). В русскоязычных официальных документах сначала встречается название «уложение» (1825), а затем – «постановления» (1834).

Слово *цаджи* имеет в ойратском языке два основных значения: 1. Наказание; 2. Закон. В русском языке одним из трех основных значений слова *закон* является «постановление государственной власти»⁴. Если принять именно такое толкование, то «Ики цаджи» следует переводить как «Великий Закон».

Что касается других встречающихся переводов названия памятника, как-то: «Великое Уложение» и «Великое Право», то первое, т.е. *уложение*⁵, - это собрание всех действующих законов, а второе, т.е. *право*⁶, - это «совокупность устанавливаемых и охраняемых государственной властью норм и правил, регулирующих отношения людей в обществе».

Крайне важным представляется определение даты и места проведения съезда, на котором были приняты законы 1640 г.

Что касается времени создания памятника, то оно зафиксировано опять-таки в преамбуле: *tömür klu kemëkü jiliyin namuriyin dundadu sarayin tabun šinedü sarayin ödürtü*. Речь идет о 5 числе среднего осеннего месяца года железа-дракона. Год железа-дракона легко идентифицируется с 1640 г. Знаменательно то, что 2000 год – это тоже год железа-дракона, который наступает раз в 60 лет. Если год проведения исторического съезда не вызывает сомнений (это именно 1640), то месяц и день определяются путем механического переноса даты лунно-солнечного календаря, бытующего у всех монгольских народов, на солнечный календарь, которым пользуются во всем мире. Почти всегда и везде речь идет о 5 сентября. Между тем, 5-е число лунного месяца может совпадать с любым числом месяца по григорианскому календарю. А средний осенний месяц (у калмыков он называется месяцем свиньи «*наха сар*», а у монголов – месяцем курицы «*така сар*») может падать как на сентябрь, так и на август или октябрь. Это зависит от даты начала года, а также от его продолжительности (високосный или нет). Поскольку 1640 год имел дополнительный месяц (*үлү сар*), т.е. был високосным, то 5-е число среднего осеннего месяца падает скорее всего на 20 сентября 1640 г. Если считать, что Цаган сар, первый весенний месяц, в 1640 г. начался 23 января и что в этом году было два последних летних месяца (один – дополнительный), то дата 20 сентября определяется однозначно.

5-е число было выбрано не случайно. Наши предки важные дела начинали всегда в благоприятный день. 5-й день является днем Мыши, а мышь способствует успешному начинанию.

Японская исследовательница истории ойратов Джунко Мияваки Окада также считает 20 сентября днем проведения съезда в 1640 г., но делает из этого вывод о том, что съезд проводился не в Джунгарии, а в Монголии. В одной из своих статей «Джунгарское ханство, которое не было ханством»⁷

японский ученый, опираясь на русские архивные документы, в частности на свидетельства русского посла Меньшого Ремезова об отсутствии Батура-хунтайджи в его улусе в период с 7 октября по 23 октября 1640 г., в категоричной форме утверждает, что Батур-хунтайджи был в это время в Халхе (Монголии), где и проходил съезд. Вступая в полемику с Джункой Мияваки, можно привести несколько контраргументов:

1. Если съезд был 20 сентября, то какое отношение к этому имеет факт отсутствия Батура-хунтайджи в Джунгарии в октябре.

2. Если все-таки допустить, что съезд состоялся в октябре, что теоретически просто исключено, то все равно нет оснований полностью доверять свидетельству Ремезова, не имея на то других подтверждений, и считать на этом основании неправыми многих отечественных исследователей, в частности И.Я. Златкина, автора известной книги «История Джунгарского ханства». Кроме того, Ремезов сам мог запутаться в датах и системе перевода лунно-солнечного календаря в григорианский (тогда – юлианский).

В заключение, еще раз подчеркнув важность по возможности адекватного написания и перевода оригинального названия памятника 1640 г., хотелось бы обратить внимание на фразу в преамбуле текста «положив начало, записали «Великий Закон». Законы 1640 г. воспринимались в то время как основы, которые следовало разрабатывать и дополнять, что и было сделано в дальнейшем калмыцкими правителями. В свете этого представляется актуальным подготовить к изданию все имеющиеся в нашем распоряжении ойратские, старокалмыцкие тексты законов, начиная с «Ики цаджи», с комментированным переводом на современный калмыцкий и русский языки с приложением словаря, закрепив тем самым официально более адекватное написание и перевод названия выдающегося памятника права калмыков XVII века.

¹ Их цааз («Великое Уложение»). М., 1981. С. 35

² Леонтович Ф.И. К истории права русских инородцев. Древний монголо-калмыцкий устав взысканий (Цааджин-Бичик). Одесса, 1879. С. 186

³ Гольман М.И. Русские переводы и списки монголо-ойратских законов 1640 г. // Монгольский сборник. Экономика, история, археология. М., 1959. С. 139-162

⁴ Ожегов С.И. Словарь русского языка. М., 1968. С. 203

⁵ Там же. С.

⁶ Там же. С. 567

⁷ Дж. Мияваки-Окада. Джунгарское ханство, которое не было ханством // Алтаика III. М., 1999. С. 58-72

Ойратские гадательные сочинения как источники изучения традиционных культов и верований

У монголоязычных народов гадательные практики всегда занимали заметное место. Были распространены разнообразные способы и формы гадания. Старописьменные памятники свидетельствуют, что у ойратов существовала обширная гадательная литература. Не все виды гадания дошли до наших дней. Основываясь на известных нам гадательных сочинениях, можно сделать вывод, что у ойратов, как и у других народов, было два типа гадания: гадание по внешним признакам и «внутреннее гадание».

К первому типу мы относим следующие виды гадания: по небесным телам (астрология); по метеорологическим, природным, атмосферным явлениям (дождь, снег, радуга и т.д.); по огню; по воде; на бараньей лопатке (скапулимантия); на альчиках (овечьих бабках); по внутренностям животных, например, свиной селезенке (гаруспиция); по буквам (алфавитомантия) и цифрам (арифмомантия); по землетрясению (геомантия); на чётках и других предметах; по телодвижениям человека; по крику и полету птиц, например, сороки (орнитомантия); по поведению животных, например, лошади (зоомантия); по священным книгам (библиомантия) и т.д.

Второй тип гадания составляют толкования снов. Классификация сновидений зависит от толкований того, что приснилось: человек, животное, предмет, явление, событие или какое-то действие. Например, если увидишь во сне одного верблюда, то это хорошая примета. Если много верблюдов, то это неблагоприятное предзнаменование. Если видишь себя входящим в храм, то очистишься от грехов. Неблагоприятное толкование имеют такие действия и события во сне, как расчесывание и стрижка волос, пожары, выпадение зубов и т.д. Позитивно расценивается, если видишь во сне себя едущим на хорошей лошади, в белой или золотой одежде.

Небольшое ойратское сочинение «Morini kele medekü» («Знание языка лошади»), поступившее в научную библиотеку КИГИ РАН от гражданина Франции М. Чанчинова в 1999 г., свидетельствует о том, что у ойратов была распространена

зоомантия. Перед тем как отправиться в дорогу, необходимо было совершить определенное действие (обтереть губы своего коня тряпкой) и по реакции лошади судить о предстоящей дороге. Автор трактата классифицирует приметы, связанные с лошадьёю, и дает расшифровку этих примет.

Желание узнать будущее (в данном случае – какой будет поездка) приводило к установлению связи между конкретными действиями, совершаемыми в настоящем, и их результатами (событиями будущего). Другими словами, вскрывалась причинно-следственная, ассоциативная связь между явлениями. К сожалению, этот уникальный трактат практически не известен специалистам. Поэтому мы сочли необходимым ввести его в научный оборот.

До наших дней дошло сочинение о гадании посредством выбрасывания одного из 10 пальцев рук. Судя по тексту, этот способ гадания возводится к Нагарджуне, известному буддийскому учителю и философу. Данный трактат также поступил от М. Чанчинова и хранится в рукописном фонде научной библиотеки КИГИ РАН. Следует заметить, что текст, который мы приводим ниже в оригинале, транслитерации и переводе, несколько отличается от другой рукописи, обнаруженной нами в фондах Калмыцкого краеведческого музея.

Изучение ойратских гадательных сочинений имеет большое научное значение, т.к. способствует более глубокому проникновению в сложный комплекс идей и представлений, позволяет лучше понять картину мира и природу народных верований. Сравнительное изучение гадательных практик монгольских народов свидетельствует об этнической самобытности каждого народа.

Ниже приводятся факсимиле, транслитерация и перевод на русский язык указанных выше сочинений.

morini kele medekü bicig

morini kele medekü bicig ene bui : xolo yajar odxu cagtän sayin
 morin yën asayun bariji arxal : teged cikendüni şibşi : erte bosji kir
 ügei cayän-yer amani arciji üje : dëdü urul ködölgüküne sayin üge
 sonosxu : dorodu urul ködölgüküne ebecin cër bolxu xolo bü od :
 baruun köl jiyiküne cibcixuna mör jokixu : şilgeküne bayasxu oljo
 bolxu : xoyitu köl yën jiyiküne ebecin bolxu sadaya ög : öböşü
 ideküne gerte öljoi xutug yeke bolxu : ergeküne xor xomso bolxu :
 şilgëküne kelen aman bolxu :: : ::

«Сочинение о знании языка лошади»

Когда отправляешься в дальнюю дорогу, вечером привяжи свою лошадь к колу. Затем шепни ей на ухо. Встав пораньше, оботри ей губы чистой белой [тряпкой]. Если вздёрнется верхняя – услышишь приятные слова. Если дёрнется нижняя губа – будет эпидемия, далеко не выезжай. Если вытянет правую ногу и бьёт копытом об землю – дорога пойдёт на пользу. Если отряхнётся – будет радость, добыча. Если вытянет заднюю ногу – будет болезнь, отдай садгу¹. Если станет есть траву – в дом придёт большое счастье. Если обернётся – будет зло. [При этом?] отряхнётся – будут злословить.

arban xuryār medekü

nayujuna bagši jokōgson ubidis öüni yosoni arban xuryār
 medekü : ene baroun çariyin erkei üjüülküne muu üge öüdendu ülü
 irekü : dundadu xurya üjüülküne eng sayin : nere ügei xurya
 üjüülküne sanagsan üyile бүтүкү : šigeci üjüülküne noxoi-du
 juugdaxu kebcı bayasxu : jöün çariyin erkei üjüülküne xamug
 бүтүкүйin tula sayin : xomxoi üjüülküne iren бүгүтөлө muu üge
 kelekü күмүн irekü : dundadu xurya üjüülküne eng çalyai tula
 yambar üyiledü muu bui : xoyor nere ügei adali : xoyor šigeci adali ::
 : :

«Гадание на десяти пальцах»

По десяти пальцам можно определить законы гадания, выявленные Нагарджуной. Если [пришедший в дом гость по просьбе хозяина] выкинет большой палец правой руки – в дверь не войдёт злословие. Если выкинет средний палец – очень хорошо. Если выкинет безымянный палец – исполнится задуманное дело. Если выкинет мизинец – будет искусан собакой, мерзкие люди возрадутся. Если выкинет большой палец левой руки – хорошая [примета], т.к. всё исполнится. Если выкинет указательный – придёт человек, который с порога скажет неприятные слова. Если выкинет средний палец – плохо для любого дела по причине бессмысленности. Значение двух безымянных пальцев одинаково. Значение двух мизинцев одинаково.

¹ садга (sadaγa) – кукла, чучело из бумаги (в виде человека), которое разрезается при изгнании бесов из больного (шаманский обряд)

К вопросу о жанре «Бодхичарьяаватары» Шантидевы (на основе тибетских и монгольских источников)

Распространение буддийского учения влекло за собой активную работу по переводу буддийских сочинений с санскрита на тибетский язык и с тибетского на монгольские языки.

Сочинение индийского философа Шантидевы (695 – ок. 730) «Бодхичарьяаватара» («Вхождение в деяния бодхисаттвы») излагает основные положения учения Махаяны, где на первый план выдвигается идея совершенной личности – бодхисаттвы, стремящейся помочь всем живым существам.

Специфика жанров в восточной литературе, в частности буддийской, не настолько изучена, как в западной, чтобы, исходя из внешних формальных признаков, можно было точно определить жанр того или иного произведения. С.А. Козин называет «Бодхичарьяавата-ру» философской поэмой. Поводом к такому определению жанра этого сочинения послужили стихотворное изложение материала, объем и философский подход автора к теме сочинения.

Тибетскую буддийскую литературу составляют сочинения как переводные с санскрита и китайского языков, так и собственно тибетские, а также монгольских авторов, писавших на тибетском языке. Центральное место в этой литературе отводится каноническим сочинениям. Тибетский буддийский канон состоит из двух сборников: Ганджура и Данджура. В первый входят сутры и тантры, приписываемые Шакьямуни, во второй – толкования или комментарии к ним (шастры), составленные историческими личностями – известными индийскими учеными, философами и литераторами.

«Бодхичарьяаватара» Шантидевы входит в состав Данджура и находится в разделе «Комментарии к сутрам» (тиб. *mdo-'grel*). Исходя из этого, можно заключить, что исследуемый памятник является шастрой. Слово «шастра» (с. *śāstra*, т. *bstan -bcos*) переводится как научный трактат, комментарий.

Кроме того, понятием «шастра» называлось научное направление по описанию, интерпретации, изучению сутр. Формирование первой махаянской шастры, т.е. науки по описанию и адекватной интерпретации – классификации сутр, сопровож-

далось определением тем изучения, подходов, закреплением значений за терминами именно этой школы, а также созданием особых учений и понятий с установленными дефинициями, составлением свода основных принципов. Это понимание шастры свойственно отечественной буддологии¹.

С индийской точки зрения буддизм есть шастра. Бесспорен также важный факт, который имеет различные объяснения: палийская школа буддизма совершенно не уделяла внимание этой шастре, то есть системе философии, которую, однако, демонстрирует каждая страница палийского канона. Индийская шастра прежде всего оформляет специальную терминологию для понятий, которыми она оперирует, и устанавливает разграничительные определения этих понятий. Тибетцы, будучи последователями индийской традиции, уделяли еще большее внимание документально точным определениям, доведя их до высочайшего, почти артистического совершенства. Следовательно, изучение тибетских источников во многом способствует правильному пониманию буддизма².

Шастра имеет очень широкое значение в индийской литературе. Изначально ее объясняют как развернутое толкование содержания сутр. Жанр сутры традиционно подразумевает определенную степень афористического изложения системы буддийского учения, основы для дальнейшего осмысления. Тексты шастр создаются в виде своеобразных разъяснений – комментариев к сутрам.

Классическая шастра содержала определенное количество функциональных элементов, таких как комментируемые афоризмы; дискуссии об истинных источниках знаний; о частях предмета рассмотрения; положение, описывающее общие структурные компоненты системы в их полноте; дискуссии по поводу альтернатив, связанных с общими принципами системы; о специальных технических проблемах, краткие и развернутые определения; дискуссии о базовых принципах системы в «последовательном порядке»; о технической терминологии; дискуссия в связи с практическим результатом следования шастре³.

Не вызывает сомнения то, что «Бодхичарьяаватара» как шастра в виде комментария к сутрам содержит все вышеперечисленные функциональные элементы. Тем не менее, мы считаем нужным привести пример, подтверждающий наличие одного из этих элементов в данном сочинении. В качестве положения, описывающего общие структурные компоненты системы

в их полноте здесь представлена система буддизма махаяны, где праджня («мудрость») является актом познания внутреннего мира человека через размышление, анализ, критику и понимание. Как было сказано выше, «путь совершенствования праджни», являясь единым целым, имеет шесть аспектов или способов совершенства – парамит. Эти парамиты рассматриваются как общие структурные компоненты системы буддизма махаяны.

Васубандху (IV-V вв. н. э.) в своей «Абхидхармакоше» («Энциклопедии буддийской психологии и философии») определял шастру как абхидхарму, поскольку она служит цели обретения незагрязненной мудрости, представляя ее [словесное] выражение.

Абхидхарма — это чистая мудрость
вместе с сопровождающими [ее дхармами].

Это также [всякая] мудрость и шастра,
способствующая обретению [чистой мудрости]⁴.

То есть Васубандху предназначение шастры видит в словесном изложении мудрости. Со временем в силу того, что появилось огромное число всевозможных шастр, возникла необходимость их классификации. Речь идет о так называемых девяти типах шастр (с.navaśāstra, т.bstan-bcos dgu) – бессмысленные, с ложным смыслом, предназначенные для слушания, дискуссий, для буддийской практики и другие⁵. Может быть, эта ситуация с шастрами в определенной степени послужила поводом для монгольского ученого Нгаванг Пэлдэна Чойдже (XIX в.) дать характеристику её содержательной стороны, опираясь на многовековой опыт буддийских просветителей, писавших именно в этом жанре. Он пишет, что шастра имеет четыре признака: 1) содержание; 2) необходимость в написании этого сочинения; 3) цель, преследуемая этим сочинением; 4) связность [или логическая связь]. Далее автор приводит примеры, где разъясняет эти признаки следующим образом:

- трактатом не может быть шастра с безнравственным содержанием, как, например, сыну взять в жены собственную мать;

- нет необходимости писать шастру о том, есть ли у вороны зубы;

- в трактате «О драгоценности на короне царя нагов» везде описывается красота, блеск, сияние этих драгоценностей, но нигде не описывается, как и где можно их добыть, следовательно, это не трактат;

- если нет логической связи между теми или иными частями текста, то это тоже не трактат⁶.

Нгаванг Пэлдэн Чойдже, определяя внутренние критерии или содержательную сторону шастры, пытается вернуть своих современников к пониманию её как словесного изложения мудрости. То есть содержанием шастры должна быть мудрость, а не её искажение. Если эта шастра, описывающая мудрость, имеет смысл и помогает другим, то, значит, есть необходимость об этом писать. Если в ней описываются не только трудные ситуации человеческой жизни, но и пути выхода из таких ситуаций, то значит, цель, преследуемая этим сочинением, ясна. Легче понимаются читателем те сочинения, которые изложены связно, в логической последовательности.

Таким образом, в процессе развития литератур Индии, Тибета и Монголии шастра как жанр претерпевает множество изменений, получает широкое распространение и значимость. Однако, она смогла сохранить свою первоначальную задачу – быть развернутым изложением содержания сутр. «Бодхичарьяватара» Шантидевы, составленная в жанре трактата, отвечает всем требованиям, которые предъявляются к такого рода сочинениям.

¹ Madhyanta-Vibhanga. Discourse on. Discrimination transl. from the Sanskrit by Th. Stcherbatsky. Bibliotheca Buddhica, XXX. Moskow-Leningrad, 1936. С. IV

² Там же

³ Шохин В.К. Брахманистская философия. М., 1994. С. 25

⁴ Васубандху «Абхидхармакоше», раздел I, перевод В.И. Рудого. “Bibliotheca Buddhica”. XXXV. М., 1990. С. 45

⁵ Tsepak Rigzin. Tibetan-English Dictionary of Buddhist Terminology. Dharmasala, 1986. С. 165

⁶ Bstan-bcos mngon rtogs kgyan don-gyi sgo nas bshadpa byams mgon zhal lung (ngag 'dbang dpal 'lden chos rdje) [Нгаванг Пэлдэн Чойдже]. Из частной кол-лекции Р.Н. Крапивиной

Звуковые представления монгольских народов как отражение кочевой культуры

Многообразный звуковой мир, в котором жили монгольские народы, включал звучания Земли, человека как звучащего тела, пения и игры на музыкальных инструментах. Звуковой пейзаж степи, насыщенный голосами живой и неживой природы, составлял звуковой макрокосм. Примечательно, что его описания в фольклорных произведениях и в этнографических заметках перекликаются одинаковым набором составляющих элементов, которые в совокупности создают звуковую гармонию. Например, созвучны между собой фрагменты из калмыцкой сказки «Лотос»: «Лунная летняя ночь дышала испарениями влажной, покрытой тысячью цветов земли, в тишине вздыхали верблюды, блеяли овцы, пели комары, трещали сверчки, стояли луны, спросонья вскрикивала какая-то птица»¹ и воспоминаний А. Евреинова о пребывании у калмыцкого князя Сербеджаба Тюменя: «Стало вечереть. ... На возвышении показались табуны, стада, навьюченные поклажей верблюды с седоками, несколько верховых и пеших калмыков. Это был пример перекочевки. Ржанье лошадей, блеяние овец, мычанье коров, по временам крик верблюда, сливаясь вместе, составляли лучшую музыку для такой сцены»². Звуковая симфония обнаруживается и в человеке: это речь, внешние звуки, образующиеся при движении, звуки внутренней жизнедеятельности организма, звон металлических предметов на одежде (монеты на женском поясе, бубенцы – на мужском, колокольчики на подоле монашеских халатов), звон воинского снаряжения. Музыкальные звуки возникают из пения и игры на музыкальных инструментах. Особенности звука в кочевой культуре – отсутствие в нем определенной направленности, вследствие специфики окружающей экологической среды, необычайная продолжительность, мерцание обертонов³ – проявились в протяжных песнях и в инструментальных наигрышах.

В этом звуковом многообразии кочевник прекрасно разбирался. Звук содержал необходимую информацию, например, о времени и пространстве, о своих и чужих, о скорости передвижения каравана. Калмыки, как многие кочевые народы, прислонив ухо к земле, могли по степени интенсивности звука опреде-

лить скорость приближающегося табуна лошадей. Отголосок такого способа измерения времени встречается в одной из калмыцких сказок, где героям дается возможность скрыться с похищенными вещами, пока звенит колокол⁴. Звуком измерялось и пространство, о чем сообщает побывавший в Калмыкии Н. Потехин. Он приводит объяснение интересного выражения-меры «два крика»: «если б на дороге к Енотаевску от места, на котором вы спросили о расстоянии, крикнуть громким голосом и в том месте, где звук начал бы замирать, повторить крик еще раз, то долгота этих двух криков равнялась бы расстоянию от вас до Енотаевска»⁵. В названии этой меры⁶ проявилось одно из свойств кочевой культуры – «категория движения» (М. Каратыгина). Не удивительно потому, что сказители часто называют мелодию путем⁷.

«Звуковыми кодами» в общении друг с другом кочевники пользовались в разных случаях. Знаком согласия, одобрения у калмыков выступал возглас «Дже!». В военных столкновениях кличи⁸, первоначально призывавшие духа-покровителя своего племени, служили для обращения к товарищам, отличия своих и чужих воинов⁹, выражения радости победы и торжества. В мирной жизни специальные кличи произносились на различных состязаниях, свадьбах в обряде сватовства¹⁰. Существовал «язык возгласов» во время перекочевки на верблюдах торгово-караванных переходов. Например, у монголов, когда караван готов к продолжению пути, человек, замыкающий его, криком «хий хог!» дает сигнал к отправлению. Восклицание «хай хэг!» означает, что темп слишком быстрый и надо его замедлить»¹¹.

В звуковых представлениях отразились эстетические пристрастия кочевников. Восхищение окружающей природой порождало у них желание слиться с ней. По этой причине, создавая язык общения с природой, они стремились в звукоподражаниях к максимальной близости звукам природы как в вокальном начале, так и в инструментальном. Предки монголов в пении подражали волчьему вою, что связано с древнейшим образом прародителя волка. Согласно легенде, жена хуннского шаньюя подружилась с волками. Ее дети, составившие с теми одно племя, любили петь заунывные песни, которые напоминали волчье завывание¹². Так из этих звукоподражаний возникли монгольские протяжные песни. Их звуковая структура, по М. Каратыгиной, развивается подобно «пению волков» путем сопоставления различных акустических зон¹³. В свете всего отмеченного сравнение французского монаха А. Лонжюмо пения

монголов с волчьим воем¹⁴ не является художественной метафорой. В инструментальных звукоподражаниях наиболее распространено воспроизведение в наигрышах моринхуристов поступи коня. Например, в композиции «Жороо-морь» («Иноходец») она воссоздается мерностью тактового ритма, варьированием мелодических оборотов, сменой штрихов, тембровых красок, ритмических акцентов.

Многообразный спектр звучаний у монгольских народов, запечатлевший многосоставность окружающего их мира, проявился в многообразии терминов, отражающих понятие «звук»¹⁵. Последний в них характеризуется как физическое явление: «э» (калм.) – звук чего-либо, «анир», «аниа», «амиа», «авиа» (монг., бур.) – звук, шум, гул, эхо, отголосок, «чимээ» (монг.) – шум, звук, молва, слух; и музыкальное, связанное с человеком в качестве источника звучания: «дун» (калм.), «дуу» (монг., бур.) – звук, звон, голос, песня, и абстрагированное от него: «көг» (калм.), «хөг» (монг.), «хуг» (бур.) – звук, гармония, настройка; «эгшег» (калм.), «эгшиг» (монг.) – музыкальный звук, благозвучие, мелодия, песня¹⁶. Этот список терминов должен быть расширен звукоподражательными словами, которые уточняют и дополняют звуковые представления кочевников¹⁷.

Проблема звукоподражаний в калмыцком языке разрабатывалась Б. Манджиковой¹⁸. Взяв за основу ее материал, мы предлагаем следующую его классификацию¹⁹:

Подражания звучаниям природных явлений:

Кур-кур гих – удару грома, *сер-сер гих*, *саб-саб гих* – непрерывному дуновению ветра, *бур-бур гих* – мелкому дождю.

Подражания звучаниям животного мира:

Буув – протяжному реву верблюдицы, *бөө*, *мөө* – мычанию коров, реву быков, *жииг* – монотонному щебету птиц, *шаг шуг* – щебетанью, чириканью, то есть разноголосому гомону птиц, *лууг* – крику птиц, *гааг* – крику гусей, *гууг* – крику кукушки, *каар-каар*, *бөөһ* – крику ворон, *зииг* – стрекотанию, звону с писком (насекомых), *з-з-з* – стрекоту, жужжанию

Подражания звучаниям человеческого организма:

Луг-луг – биению сердца, *пард гих* – ёканью сердца, *кард-кард гих* – разгрызанию чего-либо со скрипом, хрустом, скрежетом, *сур-сур гих* – сопению, шмыганью носом, *гүвр-гүвр гих* – шевелению губ, тихому произнесению, чуть шевеля губами, *гүңер-гүңер ду нарх* – тихим переговорам, *дар-дар келх* – непрерывному разговору, *зар-зар уульх* – плачу, *бир-бир уульх* – горькому плачу, *мег-мег уульх* – плачу со всхлипываниями, ры-

даниям, *лаш-лаш инэх* – громкому смеху, *шош-шош инэх* – заливистому смеху, *гэл-гэл инэх* – самодовольному смеху, *мусг-мусг гиж инэх* – усмешке, *шал-шал гих* – шлепанью по воде, *дерд-дерд (ишкх, биилх)* – твердой поступи, танцу с притопыванием, *булц-булц ишкх* – легкой поступи, вдавливающим движениям мягкими сапогами, *хар-хур гих* – шарканью, *хол-хол гих* – дрожанию, тряске, *пиш гих* – падению, *күрд гих* – тяжелому стуку при ударе

Подражания различным шумам,
возникающим во время военных и бытовых действий:

Таш гих, таш-таш гих – треску от ударов копий, стрел, частым выстрелам, *таш-баш гих, ташр-башр гих* – шумной схватке при борьбе, *шард-шард гих* – треску, *хард-күрд гих* – стуку и шуму, *тоң-тоң гих* – стуку, *даб-даб хатрх* – монотонной и утомительной езде на лошади

Подражания звучаниям звуковых орудий,
музыкальных инструментов:

Жиң-жиң гих – звону, брэнчанию, *жиңгр-жиңгр* – звону металла динь-динь, *хэңкр-жиңгр* – брэнчанию, дребезжанию, *хэңкс* – металлическому звону дзинь, *диң гих* – нежному звуку колокольчика, *таң* – гонгу, *шав-шав* – хлестанью, хлопанью

Приведенные примеры показывают своеобразие звукоподражаний калмыков, которое обусловлено экологическим контекстом и особенностями звуковой фонетики. Влияние экологического контекста проявилось в подражании звукам животных и птиц, окружавших кочевника. Например, это звукоподражание протяжному реву верблюдицы («буув») во время приманивания, звукоподражание монотонной и утомительной езде на лошади («даб-даб хатрх»). У народов же Юго-Восточной Азии распространены имитации звуков тропического леса и его обитателей, шума моря²⁰. Согласно исследованиям филологов²¹, разница в звукоподражаниях, вызванная особенностями языковой фонетики, наблюдается и среди кочевых народов.

¹ Калмыцкие народные сказки / Пер. с калм. Элиста, 1982. С. 110

² Евреинов А. Пир у владельного калмыцкого князя Сербиджеб-Тюмень Джиргалова // Современник. 1852. № 10. С. 140

³ Особенности звука в культуре монгольских кочевников исследованы в диссертациях Дж. Михайлова (Современные проблемы развития музыкальной культуры стран Азии и Африки. М., 1981), М. Каратыгиной («Особенности развития музыкальных жанров кхайяля, уртын-дуу и блюза и их функция в культурах Южной и Центральной Азии и Северной Америки». Тбилиси,

1990), Д. Оюунцэцэг («Генезис и эволюция монгольского вокально-поэтического жанра уртын-дуу». М., 1990)

⁴ Хальмг туульс. Элст, 1979. С. 211

⁵ Потехин Н. Отрывки из путешествия по Волге // Северная пчела. 1862. № 80. С. 518

⁶ «Дун» (калм.), «дуу» (монг., бур.) – голос, звук, песня. Другая мера – бээр – также связана со звуком, она равна примерно семи верстам или восьмикратной слышимости голоса

⁷ Каратыгина М. Особенности развития музыкальных жанров кхайля, уртын дуу и блюза и их функция в культурах Южной и Центральной Азии и Северной Америки: Дис. ... канд. Иск. Тбилиси, 1990. С. 84

⁸ Они характерны для всего центральноазиатского региона и имеют общее название: «уря» (калм.), «уриа» (н) (монг.), «уряа» (бур.), «уран» (казах., кирг.) – зов, призыв, боевой клич. Боевые кличи разных народов исследованы М. Рабиновичем (см.: Рабинович М. Боевые кличи «ураны» // История археологии и этнографии Средней Азии. М., 1968. С. 219-307), монгольских народов – Г. Авляевым (см.: Авляев Г. Происхождение калмыцкого народа (Середина IX – первая четверть XVIII в.). М.-Элиста, 1994.), Г. Михайловым (см.: Михайлов Г. Проблемы фольклора монгольских народов. Элиста, 1971), Т. Басанговой (см.: Т. Басангова. Магическая поэзия калмыков. Исследование и материалы. Элиста, 1999)

⁹ Впоследствии звуковые символы отличия родов у калмыков сменились знаками на одежде. В 1437 году указом тайши Тогона было введено обязательное для всех ойратов ношение «улан зала» (красной кисточки на головных уборах).

¹⁰ Они рассмотрены С. Балдаевым на бурятском материале (см.: Балдаев С. Бурятские свадебные обряды. Улан-Удэ, 1959) и Е. Хабуновой (см.: Хабунова Е. Калмыцкая свадебная обрядовая поэзия. Элиста, 1998)

¹¹ Оюунцэцэг Д. Генезис и эволюция монгольского вокально-поэтического жанра уртын-дуу: Дис. ... канд. иск. С. 33

¹² Цит. по: Хорло П. Народная песенная поэзия монголов. Проблема жанрового состава. М., 1989. С. 15

¹³ Каратыгина М. ... С. 87. Именно это свойство монгольской протяжной песни шокировало европейский слух П. Пясецкого, который писал в своих воспоминаниях: «Пение Хундэ (сопровождавшего его монгольского чиновника. – Г.Б.) было ... особенно неприятно своими резкими переходами из баритона в сопрано, обрываниями на этих высоких нотах и новым начинанием с баритона» (Пясецкий П. Путешествие по Китаю в 1874-1875 гг. через Сибирь, Монголию, Восточный, Средний и Северо-Западный Китай. СПб., 1880. Т. 1. С. 68)

¹⁴ Emsheimer E. Earliest reports about the music of the Mongols // Asian music. 1986. Vol. 18. P. 13

¹⁵ Семантическому анализу этих терминов посвящена статья М. Каратыгиной и Д. Оюунцэцэг «О смысловой многозначности базовых монгольских музыкальных терминов» // Проблемы терминологии в музыкальных культурах Азии, Африки и Америки: Сб. науч. трудов / Отв. ред. Д. Михайлов. М., 1990. С. 112-136

¹⁶ В работе использованы материалы различных словарей: Калмыцко-русский словарь / Под ред. Б.Д. Муниева. М., 1977, Монгольско-русский словарь / Под общей редакцией А. Лувсандэндэва. М., 1957, Черемисов К. Бурятско-русский словарь. М., 1973

¹⁷ Звукоподражательные слова у бурят исследованы Б. Шагдаровым (см.: Шагдаров Б. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962), у киргизов – С. Кудайбергеновым (см.: Кудайбергенов С. Подражательные слова в киргизском языке. М., 1953), у народов Юго-Восточной Азии – А. Алпатовой (см.: Алпатова А. Музыкальные традиции Южной и Юго-Восточной Азии (к проблеме диалога традиционных культур в период древности и средневековья): Автореф. дис. ... канд. иск. М., 1995) и Х. Сопхи (см.: Сопхи Х. К проблеме звука в кхмерской музыке. М., 1997)

¹⁸ Манджикова Б. Изобразительные слова в современном калмыцком языке: Автореф. дис. ... канд. филолог. наук. Элиста, 1983

¹⁹ Проблема исследования звукоподражаний не является узко филологической. Филологи рассматривают в звукоподражаниях их образование, структуру, функционирование, не обращая внимание на тембр, особенности интонирования, манеру исполнения. В музыкознании пока еще мало имеется работ, посвященных изучению звукоподражаний. Создавая каталог звукоподражаний калмыков, мы не претендовали на глубину его исследования, а лишь привлекали внимание к обозначенной проблеме.

²⁰ См.: Алпатова А. Музыкальные традиции Южной и Юго-Восточной Азии (к проблеме диалога традиционных культур в период древности и средневековья): Автореф. дис. ... канд. иск. М., 1995; Сопхи Х. К проблеме звука в кхмерской музыке. М., 1997

²¹ См.: Кудайбергенов С. Подражательные слова в киргизском языке. М., 1953; Манджикова Б. Указ. соч.; Шагдаров Б. Изобразительные слова в современном бурятском языке. Улан-Удэ, 1962

Историко-культурное введение в народное
декоративно-прикладное искусство калмыков
XVIII - начала XX вв.

Калмыки, как самобытная этническая общность, сформировалась в прикаспийских степях, на новой территории обитания ойратов, ушедших из Джунгарии в начале XVII столетия. В исторической реконструкции калмыцкого изобразительного искусства следует обращаться в качестве первоисточка к культуре ойратов во всем многообразии их этногенетических связей и впоследствии калмыков с племенами и народами центральноазиатского региона. Этнокультурные контакты в разные периоды истории калмыков обусловили сложный этнический состав народа, куда в качестве ядра вошли монголоязычные ойраты и многочисленные представители разноразличных этнических групп. В силу исторических обстоятельств культура калмыков - результат развития ойратского культурного субстрата под воздействием культур евразийских народов в пределах меняющейся территории обитания этноса. Своеобразие исторической судьбы народа во многом определило этнические особенности его художественной культуры.

Предыстория народа включает в себя длительный период сложения и развития протомонгольских племён, составивших впоследствии монгольскую этнолингвистическую общность, консолидацию западных монголов, тесно связанных преемственностью материально-духовных традиций, в ойратский союз и последующий уход части ойратов в Россию, с которой связывается дальнейшая судьба калмыцкого народа. Ойраты принесли с собой сословную иерархию кочевого общества и самобытную художественную культуру, со временем адаптирующуюся в новых исторических, географических и социально-экономических условиях.

История калмыцкого народа, таким образом, включает в себя три периода: общемонгольский (II-I тыс. до н.э. – XII века), ойратский (XIII-XVI века), собственно калмыцкий (с начала XVII века). В сложном многослойном конгломерате материально-художественной культуры калмыков каждый период обозначен конкретными этнокультурными связями ойратов-калмыков с

племенами и народностями Южной Сибири и Дальнего Востока, Средней и Центральной Азии, Казахстана и Поволжья. Широкий диапазон этих контактов обусловлен пограничным проживанием ойратов на западной окраине монгольского мира.

Монгольский и ойратский периоды в народном искусстве их преемников – калмыков прослеживаются в орнаментике деревянных сосудов с алтайцами; одежде и головном уборе с телеутами; в металлических бляхах поясов с тувинцами; орнаменте девичьих и мужских кожаных поясов, а также в художественной резьбе по дереву с тунгусами.

Вместе с тем отличие культуры калмыков от культуры других монгольских народов обусловлено ранним отрывом ойратов от монгольского этноса. Так, калмыцкому художественному металлу в силу исторических обстоятельств несвойственен «центрально-азиатский тувино-монголо-бурятский стиль», характеризующийся рядом общих черт, сложившихся в результате длительного взаимодействия культур этих народов.

Ойрато-калмыцкая культура обрела своеобразные черты в сложном процессе этногенеза калмыков, проходившем далеко за пределами монгольского мира. Воздействием новой среды объясняется почти полная утрата элементов «скифо-сибирского звериного стиля ранних кочевников», генетически предшествовавшего сложению центрально-азиатского стиля художественного металла. Стилистически завершенные, чувственные формы художественной резьбы по дереву в области культового искусства калмыков, а именно зооморфный декор жертвенных столиков «тахилийн ширя» – своеобразное напоминание об ушедшей традиции.

Вторичное, глубокое по характеру, этнокультурное взаимодействие ойратов с тюркоязычными племенами и народами в период консолидации калмыцкой этнической общности (вторая половина XVII-начало XIX веков) во многом определило своеобразие художественной культуры народа. Общность древних тюрко-монгольских истоков обусловила единую социально-экономическую основу кочевого уклада целого ряда народов России: бурят, калмыков, башкир, казахов, киргизов, каракалпачков, алтайцев, тувинцев, якутов. Поэтому так много общего в жилище, конском уборе, оружии и украшениях этих народов.

Особое место в этнокультурных связях ойратов-калмыков с соседями отводится тюркоязычному населению северокавказских степей, в основном, кочевому по образу жизни. Да-

леко не случайно в калмыцком языке существуют этнонимы «шеркеш» (черкесы, кабардинцы), «уулын мангад» (горские татары – карачаевцы, балкарцы), «хара мангад» (черные татары – кара-ногайцы). В связи с этим обоснованным представляется заключение В. Кореняко о многослойном характере взаимоотношений калмыков с этими народностями. Передатчиками элементов кавказской аборигенной культуры в калмыцкую среду были ногайцы и северокавказские туркмены, с которыми пришельцы общались наиболее интенсивно. Этому в немалой степени способствовали общий кочевой уклад жизни и так называемое «чересполосное» кочевание калмыков и тюркских народов Северного Кавказа¹, а также прямые и опосредованные контакты калмыков с кабардинцами, балкарцами и черкесами.

«Кавказского влияния» практически избежали хозяйство, жилище, кухня, утварь – те блоки культуры, которые теснейшим образом были связаны с условиями кочевничества в степной среде. То же можно сказать о религии, фольклоре и всей области духовной культуры в целом. Вместе с тем, несомненное горское влияние несёт калмыцкий национальный костюм, и более всего, мужской и девичий, художественная обработка металла: оружия, серебряных поясов, ювелирных изделий. По мнению исследователей, ощутимы кавказские элементы в лексике языка и такой области культуры калмыков, как народная хореография. Это наблюдается и в антропологическом облике калмыков, имеются в виду те этнические группы, которые были в особенно тесных отношениях с горскими народами, а именно терские и кумские калмыки.

Важными факторами этнокультурного взаимодействия несомненно было пограничное расселение народов, а также частые военные походы калмыков на Кавказ.

Многогранными были контакты с русскими, усилившиеся в период перехода калмыцкого населения со второй половины XIX столетия на оседлый образ жизни. Процесс перехода на оседлость калмыков сопровождался этнокультурным взаимодействием скотоводов-кочевников и земледельцев (русских и украинских переселенцев и народов Поволжья). Традиции стационарной архитектуры оказались областью культурного заимствования калмыками. В процессе закрепления на земле культурным влиянием оседлых народов затрагивались такие области материально-художественной культуры калмыков, как архи-

тектура, резьба по дереву, вышивка, одежда, представляющие сферы народного декоративно-прикладного искусства. Контакт этот, в отличие от более органичного по характеру горского влияния, вёл зачастую к нивелировке традиционных художественных ремёсел кочевого народа.

Особенно интенсивно культурное взаимодействие происходило в местах совместного проживания калмыков с оседлым населением южнорусских степей, прежде всего в таких этнических группах, как донские, оренбургские и ставропольские калмыки. И если на первых порах превалировали исконные ойрато-калмыцкие традиции стационарного зодчества, давшие яркие образцы культовых сооружений (таким был деревянный хурул станицы Платовской области Войска Донского), то со временем они всё более уступают место архитектурным традициям народов-земледельцев. Новые условия обитания калмыков мало способствовали сохранению всей системы культурных традиций, принесённых из Джунгарии. Впоследствии радикальное изменение уклада жизни – замена кочевого скотоводства оседлым земледелием обусловило адаптацию, трансформацию и ассимиляцию калмыцкой культуры в условиях новой среды обитания народа.

Появление самобытного художественного стиля во многом определяет лицо калмыцкой художественной культуры XVIII-XIX вв. Последний имеет ряд особенностей, позволяющих считать искусство калмыков явлением не только в искусстве родственных им монголов и бурят, но и в кочевническом искусстве вообще. Здесь мы согласны с Н. Кочешковым, предпринявшим сравнительное исследование искусства монголоязычных народов и выделившим калмыцкую вышивку как самобытное достижение их художественной культуры².

Сложный многоуровневый процесс этнокультурного взаимодействия, во многом обуславливающий своеобразие калмыцкого искусства, нельзя представлять упрощенно – как односторонний, или даже обоюдный механический обмен элементами материально-художественной культуры. Необходимо заметить, что в искусстве усваивались те формы и элементы культуры, характер которых соответствовал технологическим возможностям домашнего и ремесленного производства кочевников, их подвижному быту и сложившимся традициям декора жилища, костюма и предметной бытовой среды. Другими словами, возможность заимствования корректировалась имею-

щимися устойчивыми традициями быта и художественного производства народа, открытого к этнокультурному взаимодействию. В призме традиционной культуры формировалась этническая система выразительных средств и художественных приёмов народного декоративно-прикладного искусства и калмыцкого изобразительного искусства в целом.

В калмыцком народном искусстве сконцентрирован исторический художественный опыт скотоводов-кочевников. Отточена вековыми традициями функциональная сущность произведений, выраженная в целесообразности формы и декора предметов, составляющих материальную среду обитания народа. Извечно его стремление усовершенствовать и украсить свой быт. Прикладной характер имеют резьба и роспись по дереву, художественная обработка металла, тиснение и аппликация по коже, орнаментация войлочных изделий, вышивка цветными, серебряными, золотыми нитями и позументами одежды и головных уборов, мягких бытовых предметов.

Словосочетание «художественное производство», на наш взгляд, наиболее полно и точно выражает специфику народного искусства. У калмыков оно издревле делится на женское рукоделие (изготовление и орнаментация войлока, шитье и вышивка одежды и обуви, обработка кожи и декор кожаных изделий) и мужские ремёсла, связанные с изготовлением предметов из твердых материалов (металла, рога, кости, дерева и кожи) и их художественной обработкой. Так, резьбой по дереву занимались мастера, изготавливавшие мебель, кухонную утварь и деревянные части жилища и культовых сооружений. Кузнецы-медники и мастера серебряных дел использовали технику литья, чеканки и чернения в воспроизведении деталей конской и верблюжьей сбруи, ювелирных украшений. Кожевенных дел мастера изготавливали сосуды для кумыса, воды и молочной водки, переметные сумы и мешки для одежды и других хозяйственных нужд, покрывая предметы тисненым и апплицированным орнаментом.

Из поколения в поколение передавались традиционные приёмы народного производства, начиная с изготовления войлочного передвижного жилища и кончая его разнообразным предметным убранством. Мобильная архитектура скотоводов-кочевников, специфическое явление в мировой истории зодчества, наложила отпечаток на формирование «кочевнического стиля» в искусстве тюрко-монгольских народов. Особенности

этого стиля несёт калмыцкое народное искусство, сформировавшееся к концу XVIII – началу XIX столетий. Оно представляет собой синтез различных его видов, существовавших в предметно-бытовой среде кочевников, полностью отвечавшей насущным потребностям динамичного уклада жизни. Устойчивость хозяйственно-культурного уклада калмыков способствовала сохранению на протяжении веков художественных традиций народного искусства.

¹ Коренько В.А. Кавказские элементы в культуре калмыков. Проблемы археолого-этнографических реконструкций // Известия Северо-Кавказского научного центра высшей школы. Ростов-на-Дону. 1984, 2. С. 55

² Кочешков Н.В. Декоративное искусство монголоязычных народов XIX - середины XX вв. М., 1979. С. 184

Б. Бергман и «Джангар»

В развитии отечественного востоковедения заметную роль сыграли поселенцы Сарепты, основанной во второй половине XVIII века вблизи Царицына. Появление Сарепты напрямую связано с манифестом Екатерины от 1763 года, в котором она разрешила заселение земель Астраханской губернии от Саратова вверх и вниз по Волге. Этим правом воспользовались выходцы из Богемии, евангелисты из Гернгута.

Первые 50 гернгутеров прибыли на берега Волги около Царицына, в местечко, где сливается река Сарпа (калмыцкое название Шорва) с Волгой. Колония немцев стала называться Сарепта (по названию реки). Калмыки называли эту местность Ман Хамар. С 1768 года по 1796 год евангелическое братство занялось миссионерской деятельностью среди калмыков, но она особого успеха не имела.

Первые научные сведения о калмыках, их истории, фольклоре, этнографии и религии нашли отражение в трудах гернгутеров. Калмыки из прилегающих кочевий и из поселка Червлёное, где проживали крещёные калмыки, находились в тесном контакте с гернгутерами, обучались у них ремеслу, ведению оседлого хозяйства или работали у них. Калмыки в своем кругу их называли «саксуна хальмгуд» – саксонские калмыки¹, так как гернгутеры были выходцами из Нижней Саксонии.

Одним из гернгутеров, оставившим значительное научное наследие, является Б. Бергман. Данные его биографии гласят, что он родился в Латвии в 1772 году, в 1791 году поступил в Лейпцигский Университет, откуда в 1793 году перешел в Иенский университет. В 1802 году на средства Академии наук Б. Бергман предпринял поездку к волжским калмыкам, в феврале он прибыл в Сарепту к гернгутерам и оттуда направился в калмыцкие кочевья, где пробыл пятнадцать месяцев. За это время им был собран огромный материал по истории, фольклору и этнографии калмыков, опубликованный в работе «Кочевнические скитания среди калмыков в 1802-1803 годах». Труд издан в Риге в 1804-1805 годах. Первые сведения о калмыцком языке и мифологии Б. Бергман получил от жителя Сарепты Найца. После первого путешествия к калмыкам он задумывал совершить и второе, но из-за материальных затруднений его планы

остались невыполненными. Следует отметить, что Бергман провел среди калмыков больше времени, чем другие миссионеры, и лучше знал язык, обычаи и традиции калмыков. В 1816 году он получил ученую степень доктора философии Тартуского университета. Скончался Б. Бергман в ноябре 1856 года.

Научное и творческое наследие Б. Бергмана, в основу которых легли его записи, до сих пор тщательно не изучено и не введено в научный оборот. В историографии калмыцкого фольклора наиболее полно освещена первая часть тома, в которой речь идет о калмыцком героическом эпосе. Б. Лауфер в своем труде упоминает имя ученого дважды². Он подчеркивает, что Бергман был первым исследователем, кто услышал и записал в восторженных выражениях героический эпос «Джангар». Кроме того, Б. Лауфер отмечает, что Бергман записал двенадцать образцов калмыцких анекдотов главным образом о воровских проделках. Следует отметить, что до сих пор жанр анекдотов не получил научной оценки в калмыцкой фольклористике. Академик С.А. Козин отмечает, что в труде Бергмана «Кочевнические скитания среди калмыков» речь идет о записи двух песен. Видимо, С.А. Козин под песней подразумевал легенду о Джангаре и пересказ главы «Джангара» «О свирепом хане Шара Гюргю»³. К сожалению, запись Бергмана не вошла в список песен «Джангара», известных калмыцкой фольклористике⁴. Это объясняется тем, что «глава дана только в изложении, хотя и в подробном, а не в переводе, что не позволяет включить ее в список самостоятельных эпических произведений»⁵. По всей видимости, данное положение является ошибочным, необходимо было бы опубликовать весь ее текст и определить место этого сюжета в эпическом творчестве калмыков.

Труд Б. Бергмана «Кочевнические скитания среди калмыков» содержит также текст легенды о получении сказительского дара и некоторые сказки из «Сидди Кюра». Легенда о происхождении песен героического эпоса «Джангар» и их исполнитель джангарчи опубликована в главе «Песнь» стр. 205-214. Сюжет легенды сводится к следующему.

«Во времена Убаши-хана, между Черным Яром и Енотаевском, в улусе Цебек Дорджи жил бедный калмык. Он долго болел тяжелой болезнью. Однажды его родственникам почудилось, что он умер, когда он погрузился в летаргический сон. Так как никто не стал сомневаться в смерти усопшего, его обрядили, как покойника и оставили в степи. Три дня и три ночи про-

лежал мнимый покойник на земле, пока не очнулся от укуса собаки. Когда он вернулся назад в свою кибитку, все были в ужасе и удивлении, увидев мертвого живым. Прошло двенадцать месяцев после этого происшествия. Воскресший из смерти продолжал вести кочевой образ жизни. Однажды забрел к нему переночевать в кибитку гелюнг. Он попросил на сон грядущий хозяина кибитки спеть или рассказать легенду или предание. Едва были сказаны эти слова, как пострадавший повел рассказ о себе. Все в кибитке были поражены, заметив у него талант рассказчика, о котором они даже и не предполагали. Еще больше возросло их удивление, когда он спел большую песнь «Джангара», причем лучше многих известных певцов. Песнь эпоса покорила и увлекла всех слушателей. Родственники захотели знать, как он стал певцом Эпоса, а он, вдохновенный, пел дальше. Затем он поведал следующее: «Когда я умер, моя душа направилась в ад. Испытав все ужасы бирида, предстала она перед тронем Эрлик-номин-хана. Масса странных существ окружала его трон. Одни играли на гусях, другие на флейте, и третьи на домбре, иные на барабане и трубе. Эрлик-номин-хан, заметив меня, раскрыл книгу и сказал сердито эрлику сопровождающему меня: «Зачем ты привел этого человека, ведь время смерти его еще не пришло? Отведи его обратно!» В то время, когда совершались приготовления к отправке меня в земное царство, подземный владыка заметил, что я очарован мелодичными звуками песен его певцов и готов еще долго наслаждаться ими. Он мне сказал: «Ты заслужил награду за перенесенный страх. Выбирай себе одну из песен моих певцов ту, которая больше всех тебе понравилась. Иди и очаровывай ею земное царство. Я ответил, что песнь «Джангара» понравилась больше всего». Едва я дал знать об этом Эрлик-номин-хану, как он наложил мне на язык печать и отослал меня со словами: «Возвращайся назад, но слово о Джангаре береги до тех пор, пока этого не потребует гелюнг». Так промолвил Эрлик-номин-хан и я был пробужден из мертвых. Я знал, как велика честь петь о Джангаре, но до сегодняшнего дня был обременен обетом молчания».

Цебек Дорджи, владелец этих кочевий, приказал немедленно доставить к нему певца, и он показал свое искусство перед публикой. Певец вдохновенно стал петь перед слушателями совершенно новую песню «Джангар»⁶. Пение продолжалось до глубокой ночи».

В комментариях к легенде Бергман пишет, что при дворе Бек-хана были еще два певца, репертуар которых составлял около двадцати песен. Он отметил также популярность «Джангара» среди простых слушателей, которая проявлялась в том, что вслед за певцом они заучивали отдельные фрагменты эпоса «Джангар» и затем воспроизводили их, подражая творческой манере известного сказителя. Б. Бергман отмечает также в своем комментарии к легенде, что число сказителей эпоса достигает пятидесяти. Характерно, что Б. Бергман, воздавая должное мастерству сказителя и степени его влияния на своих слушателей, называет его калмыцким Орфеем. В легенде также упоминаются реальные исторические лица: Убаши-хан (с его именем связан уход калмыков в Китай в 1771 году) и нойон Цебек Дорджи, который оказывал сказителям почет и уважение, щедро одаривая их. Так, Б. Бергман упоминает, что за исполнение эпоса, которое длилось три дня и три ночи, сказитель получил от Цебек Дорджи сорок овец и другие подарки. В легенде о первом джангарчи, записанной Б. Бергманом, отражен и факт получения простым человеком дара сказителя. Основным условием получения которого явилось путешествие будущего сказителя в потусторонний мир и встреча там с Эрликханом, который наложил на его уста печать безмолвия до встречи с гелюнгом — представителем ламаистского духовенства. Мир реальный и потусторонний в этой легенде взаимосвязаны между собой. Будущий сказитель, пройдя сложные испытания в подземном мире, впад в летаргический сон — после пробуждения обретает певческий дар.

Известный джангарчи Мукебюн Басангов овладел искусством исполнения эпоса в одиннадцатилетнем возрасте, после тяжелой болезни оспой, находясь на грани смерти. Он вспоминает: «Болезнь поборола меня, я умер и меня повел с собой гелюнг, одетый в лавшиг. Долго мы блуждали по кочкам и ямам, пока не дошли до страны смерти. Здесь подхватили меня под руки двое гелюнгов и привели меня в подземный рай, где было много людей. Одни пели песни, другие танцевали»⁷. Далее следует описание получения дара исполнителя, которое совпадает с легендой в записи Б. Бергмана. Разыскания и наблюдения Б. Бергмана, касающиеся исполнения эпоса, передачи дара, количества песен «Джангара», актуальны в современной фольклористике. Б. Бергман впервые обозначил исполнителей эпоса как джангарчи, а стиль исполнения как пение «Дуллһн», которое представляет собой мелодико-распевную

рецитацию. Изложение песни о Шара Гюргю содержит немало значительных древних мотивов и персонажей, которые не обнаруживаются в более поздних записях от сказителей, репертуар которых записан в XIX и XX веках. Характерно, что время записи эпоса «Джангара» Б. Бергманом от записи классического репертуара сказителя эпоса Ээлян Овла отделяют сто лет. Сюжет песни в записи Б. Бергмана начинается с описания пира, на котором богатыри располагаются в строго определенном порядке справа и слева от хана Джангара в зависимости от их достоинств. Пир богатырей – это завязка действия, где решаются важные государственные вопросы страны Бумба. Каждый из двенадцати богатырей на пиру мог держать речь, богатыри могли соревноваться между собой в красноречии и смекалке перед главой страны Бумба – ханом Джангаром. Страна Бумба – это страна богатства и изобилия, которую богатыри должны защитить от набега врагов. На пиру загадываются загадки, которые должны разгадать богатыри. Содержание этих загадок таково: «Почему в горах Шара Алтая растет трава и не вянет, почему люди, которые пьют из моря Далай живут 8000 лет, почему богатыри Джангара возвращаются с поля брани без единой раны». Богатырь Алтан Чееджи «Золотая грудь» отвечает, что долгожительство людей из Страны Бумба объясняется тем, что есть талисман, который находится в пучине моря, прекрасная трава растет и не вянет потому, что наверху находится волшебный камень, а конь по имени Аранзал спасает богатырей и выносит их с поля боя. Следует отметить, что эпизод эпоса с загадкой и разгадкой характерен только для песни в записи Бергмана, в других репертуарах он не встречается. В песне, записанной и переведенной Бергманом, нашли отражение такие древние представления калмыков, как почитание земли и воды, поклонение духам гор, обладание волшебными предметами, помогающими герою, и обладание даром перевоплощения. Топонимы, встречающиеся в этой песне, разнообразны – это колодец Ташугин Шар, в котором вода обладает волшебными свойствами. В ханстве Джангара находится гора Боро-уула – это место для богатырских сражений и поклонения духам, а также гора Кеке Шил. Красочно описание богатырского вооружения и коней. В создании эпических образов большую роль играют цветные эпитеты. В песне превалирует символика желтого цвета – в имени героя Шара Гюргю, обозначении места проживания героев (Шара Алтай), море именуется как Шарту-Далай, враждебный богатырь именуется как Шара Бир-

мен. Красота и мужество богатыря Хонгора подчеркивается эпитетом «Улан» - красный.

После Б. Бергмана на территории калмыцких кочевий в 1856 году побывал К.Ф. Голстунский, которому была передана рукопись песни «О свирепом Шара Гюргю» зайсангом Дорджи-Джабом Кутузовым, некоторое время работавшим преподавателем калмыцкого языка в Санкт-Петербургском университете⁸. Эта песня исполнялась сказителями способом декламации. Перевод песни был сделан академиком С.А. Козиным⁹ в прозаическом переложении с рукописи К. Голстунского. Переводчик разделил песню на восемнадцать композиционных частей. Вариант песни, записанный из уст сказителя Козаева Анджука (1874-1944 гг.), не вошел ни в одно из современных печатных изданий, между тем, исследователи считают его самостоятельным¹⁰.

В современных изданиях эпоса, как известно, песня «О Шара Гюргю» называется «Песню о победе Улан Шовшура над свирепым Шара Гюргю»¹¹. В своем труде Б. Бергман особо отмечает, что количество виденных им исполнителей эпоса достигает пятидесяти. Исследователь предполагает также, что во время ухода большей части калмыков с Убаши-ханом из России в Китай вместе с ними ушло большое число сказителей эпоса «Джангар», и следы этого памятника устного народного творчества нужно искать в Китае. Как известно, современные записи эпоса подтверждают правоту и научное предвидение Б. Бергмана. Первую публикацию эпоса в Китае в 1957 году осуществил Бян Дан, выучивший песни эпоса у сказителя по имени Манжин, который, в свою очередь, заучил их еще в детстве, проживая в одном из монастырей¹². А.Ш. Кичиков отмечает, что рапсоды из Синьзяня знакомы «с основными версиями калмыцкого героического эпоса и включают их в свой репертуар, который составляет от двух до пятнадцати песен»¹³. Таким образом, исходя из вышесказанного, следует отметить, что песня из эпоса «Джангар» должна найти достойное место в историографии джангароведения. Число известных песен должно дополниться еще одной.

Труд Б. Бергмана «Кочевнические скитания среди калмыков» и сведения об устном народном творчестве калмыков актуальны и на современном этапе развития калмыцкой культуры, когда отмечается рост национального самосознания и осуществляются попытки исполнения эпоса «Джангар». Известны современные сказители Владимир Каруев, Баатр Манджиев,

принадлежащие к разным исполнительским школам: первый возрождает стиль горлового пения, второй – классическую форму исполнения (Ээлян Овла и др.).

Большой интерес представляют и другие части работы Бергмана, описывающие быт, нравы, материальную культуру, и психологию калмыков. Эти материалы должны быть введены в научный оборот.

¹ Сообщено автору статьи писателем А.Б. Бадмаевым 1924 г.р.

² Лауфер Б. Очерк монгольской литературы, Л., 1926. С. 41, 82

³ Козин С.А. Джангариада. М., 1940. С. 59

⁴ Джангар. 1-2 том, на калмыцком языке, составление А.Ш. Кичикова, предисловие Г.И. Михайлова. М., 1978

⁵ Кичиков А.Ш. Героический эпос «Джангар». М., 1992. С. 176

⁶ Перевод легенды на русский язык сделан Т. Емельяненко

⁷ Легенда записана А.Ш. Кичиковым от Э. Надбитова

⁸ Кичиков А.Ш. Указ. раб. С. 89

⁹ Козин С.А. Указ. раб. С. 42

¹⁰ Сангаджиева Н. Джангарчи. Элиста, 1972. С. 20

¹¹ Джангар. М., 1978. Т. 2. С.132

¹² Жангарын туульс. Уланбаатар. 1968. С. 24-25

¹³ Кичиков А.Ш. Указ. раб. С. 131-165

Сведения о калмыцкой одежде XVIII в.
по материалам архивных документов

История калмыцкого костюма в научной литературе представлена очень скупо. Источниками немногочисленных опубликованных работ, посвященных этой проблеме¹, послужили труды западных путешественников XVIII-XIX вв.², описавших быт и нравы калмыков того времени, и полевой материал, собранный самими авторами во второй половине XX века.

Исследуемый нами источник – архивные документы XVIII в. – этнографами до сих пор не изучен и не описан в их научной работе.

Документы хранятся в Национальном Архиве Республики Калмыкия и представляют собой письма калмыцких князей, адресованные астраханскому губернатору. Они содержат информацию о тяжёлых делах между калмыцкими владельцами по возврату долгов в виде скота, предметов быта, одежды, тканей и т. д.

Цель данного сообщения – дать сведения о тканях и видах калмыцкой одежды, которые имеются в источниках.

Рассматриваемые нами письма, адресантами которых являются нойоны Бамбар, Еремпель и Шеаренг, написаны на ойратском письменном (старокалмыцком) языке в 1765 г.

В этот исторический период калмыцкие князья шили себе одежду, как свидетельствуют источники, из дорогих тканей, производящихся как на Руси, так и в чужих странах. Так, в письме нойона Бамбара перечисляются названия тканей, как часть приданого невесты: *arban nigen xajalbaš*, *arban tabun tob loudang*, *yesün xanabad*, *dolön bujirad*. *arban nigen xutana* : *juryān šurkira* 'одиннадцать отрезов изарбафа'³, 15 отрезов шёлка с драконами, 9 коноватов, семь – дорогов⁴, одиннадцать – кутни, шесть – тафты¹.

Кроме того, широко использовались *torjon* 'шёлк', *mangnug* 'штоф', *cengmen* 'сукно', *bös* 'бязь'. Благородные ткани использовались для шитья как зимней, так и летней одежды. Основной зимней верхней одеждой служила различная по покрою и использованному материалу меховая одежда. Мужская и женская верхняя зимняя одежда не отличалась по покрою. Но женская была длиннее мужской с более узким лифом и более широкой нижней частью. Одна из них – *debel* 'тулуп' шилась от-

резной в талии, нижняя часть которой у талии собиралась в складки. По материалам, выявленным из источников, можно предположить, что эта одежда шилась, в основном, из овчины. Так, в рассматриваемых письмах упоминаются *nekē debel* 'девл из выделанной овчины', *sagsag debel* 'длинношерстный девл из шкуры ягнёнка', *xara xurixsa debel* 'девл из чёрной мерлушки', *caγân xurixsa debel* 'девл из белой мерлушки', *üsütei debel* 'девл с мехом(?)'. Встречается также шуба *unuγun debel* 'девл из [шкуры] жеребёнка', которая называлась еще *daxu* шуба. *unuγun debel* была свободного покроя, шилась шерстью наружу из шкуры скинутых или павших жеребят, была короче овчинной и очень высоко ценилась калмыками. Следует отметить, что слово 'доха' заимствовано, как отмечается в этимологическом словаре русского языка⁵, из калмыцкого языка: «Доха (род шубы) заимствован из калмыцкого языка. В калмыцком языке слово *дахэ* имеет значение 'шуба с мехом наружу'». В данных документах упоминается также шуба из благородного меха – соболя и называется *bulaya daxu*.

В гардеробе калмыцких князей, судя по источникам, непременно имелась дорогая и нарядная зимняя верхняя одежда *uci* из шкур мерлушки, пушных и других зверей, покрытая снаружи дорогой тканью: *torγon γadartai xara keremen uci* 'учи из чёрной белки с шёлковым верхом', *kökö keremen üci* 'учи из голубой белки', *cino dotortoi üci debel* 'учи с подкладом из волчьего меха'.

В письмах упоминается накидка, плащ *cuba*, утепленный мехом: *keremen dotortoi cengmen cuba* 'суконный цув с подкладом из беличьего меха', *kirsa dotortoi noγōn torγon cuba* 'зелёный шёлковый цув с подкладом из корсачьего меха'. В «Монгольско-русском словаре» Голстунского указан его покроем: 'парадное платье с воротником и оплечьями: епанча, шинель'.

Источники свидетельствуют о том, что платье имели летний и зимний варианты. Зимние платья были подбиты мехом. Так, женское платье *terlig*, отрезное в талии, с лифом и широким подолом, подбивалось благородным мехом: *ulân loudang γadartai ulân keremen dotortoi mangnug cimkertei terlig* 'терлиг с верхом из красной шёлковой ткани с рисунком дракона, подкладом из красного беличьего меха и отделкой из штофа'. Летний вариант платья *terlig* имел верх из благородной ткани: *ulân loudang γadartai terlig* 'терлиг с верхом из красного шёлка с драконами'.

Поверх терлика женщины надевали нарядное платье без рукавов *cegedeg*. Такое же название имел женский безрукавный камзол. В письмах это слово встречается только со словом *debel*. Поскольку последнее обозначает не только 'тулуп', но и 'платье', 'одежда', то можно предположить, что *debel cegedeg* обозначает женское платье-сарафан. В источниках упоминается *klu erētei mangnug debel cegedeg* 'платье цегедек из штофа с драконами', *altan nalcitai xajalbaş debel cegedeg* 'платье цегедек из изарбафа с золотыми листьями'.

Покрой и название мужского платья *bešimed* было заимствовано калмыками у кавказских народов. Но в калмыцком языке под таким названием бытовали два вида одежды: мужское платье и девичье. В современном языке это слово приобрело обобщающее значение 'платье'. В письмах упоминаются платья, подбитые мехом: *kirsayin iyike dotortoi noyōn toryon bešimed* 'зелёный шёлковый бешмет с подкладом из корсачьего хребтового меха', *noyōn bujirad yadartai ulān keremen dotortoi bešimed* 'бешмет с верхом из зелёных дорогов с подкладом из красного беличьего меха'.

В женском гардеробе богатой владелицы непременно присутствовал *berje* – халат прямого покроя, который иногда носился поверх шубы. В письмах упоминаются *šurkala toryon berje* 'шёлковый берз', *bos berje* 'бязевый берз'.

Как мужчины, так и женщины носили *labsig* – род халата с широкими рукавами, который женщины одевали поверх терлика и цегдыка, а мужчины поверх бешмета. В источниках упоминается *jandan önggötöi bujirad labsig* 'лавшик из сиреневых дорогов'.

В письмах встречаются такие названия одежды, как *ogcor* и *jaryag*. В русском переводе XVIII в., имеющемся при калмыцких письмах, они обозначают 'платье': *utusun nabcitai noyōn xajalbaş ogcor* 'платье из зелёной изабэфной ткани с золотыми нитями', *calmatai xara toryon jaryag* 'чёрное платье с окладкой'.

Калмыцкий костюм состоит не только из одежды, но и из головного убора и обуви. Зимний головной убор *malayai* шился из различных благородных мехов: *xara unegen* 'чёрная лиса', *bulaya* 'соболь', *xaliun* 'выдра', *xara xurışxa* 'чёрная мерлушка'. Из женских шапок в источниках упоминается только шапка *kēröülügsen xalabang* 'украшенный халвнг'.

Сапоги шились из сафьяна *sataya*.

Женский национальный костюм дополняют украшения из драгоценных металлов и камней: *sui.usun seyike* 'жемчужные

серьги', *tangyud altan seyike* 'тангутские золотые серьги'. Пуговицы также выполняли функцию украшения одежды: *šuru tobci* 'коралловые пуговицы', *altan tobci* 'золотые пуговицы', *subusun tobci* 'жемчужные пуговицы'.

Приведенные сведения не являются исчерпывающими, т.к. была просмотрена лишь небольшая часть архивных документов. Более детальное изучение поставленной проблемы требует привлечения широкого круга источников.

¹ Эрдниев У.Э. Калмыки. Элиста, 1970; Сычев Д.В. Из истории калмыцкого костюма. Очерк с приложением материалов из документов и сочинений путешественников, ученых и служилых людей. Элиста, 1973; Красильникова Г.М. Об изменениях в одежде калмыков в период строительства социализма // Проблемы современных этнических процессов в Калмыкии. Элиста, 1985; Красильникова Г.М. Одежда и украшения калмыков (конец XIX – нач. XX вв.) // Калмыцкий фольклор: Проблемы издания. Элиста, 1985; Красильникова Г.М. Традиционная одежда калмыков: прошлое, настоящее, будущее? // Калмыки. Перепутье 1980-х. Проблемы этнокультурного развития. М., 1993

² Георги И.Т. О калмыках. О ставропольских калмыках. О мухамеданских калмыках // Описание всех обитающих в Российском государстве народов. СПб., 1799. Ч. IV. С. 3-23; Житецкий И. Очерки быта калмыков Хошеутовского улуса. СПб., 1852; Бентковский И. Одежда калмыков Большедербетовского улуса // Сборник статистических сведений о Ставропольской губернии. Ставрополь, 1869. Вып. 2; Дуброва Я.П. Быт калмыков Ставропольской губернии. Казань, 1898

³ Изарбаф – род парчи

⁴ Дороги – старинная шёлковая полосатая ткань

⁵ Шанский Н.М., Иванов В.В., Шанская Т.В. Краткий этимологический словарь русского языка. М., 1971

Кызыл-Кенчский дворец - малоизвестный памятник калмыцкой архитектуры в Центральном Казахстане

Великое движение дурбэн-ойратских племен на Запад является исключительно выдающимся событием в истории Центральной Азии. Оно стоит в одном ряду по своим масштабам и последствиям с миграциями узбеко-казахских племен с севера на юг, а также с движениями ногайских племен эпохи распада Ногайской Орды. К истории Казахстана все эти события и в особенности Великое переселение дурбэн-ойратов имеют прямое отношение, от степени изученности этого процесса зависит объективность картины прошлого казахского народа. Причины и характер этих переселений мы склонны рассматривать в общем контексте Великих миграций кочевых народов Центральной Азии. До начала XVII века дурбэн-ойраты оставались в окружении нескольких этнополитических систем - Могулистана, Казахского ханства, Восточномонгольского объединения и т.д. Вероятно, наиболее серьезное давление ойраты ощущали с Востока, со стороны близких им сородичей — восточномонгольских племен. В 1552, 1562 г.г. ойраты терпели несколько крупных поражений от них, бросая свои родовые пастбища на р.Орхон, в истоках р.Иртыш, отступили на запад, в результате чего отдельные группы ойратских племен, оказавшиеся ближе к казахским кочевьям, подчинились казахскому Тауекел хану. В русско-казахской переписке конца XVI века Тауекел хан именуется «царем Казахским и Калмыцким». Посланник казахов Куль-Мухаммед, находясь в Москве, сообщает Оразмухаммеду – брату Тауекел хана: «Ныне дяди твой Тевкель... брата своего Шахмагмета — царевича посадил на колмаках, а кочуют-де по блиску и все в соединенье...»¹.

В источниках нет указаний на то, какие группы ойратов вошли в казахский союз, вероятно, это были дэрбэто - хошоутские улусы.

Мир, наступивший в эпоху правления Тауекел хана, был временным явлением. Серьезные события назревают в северо-восточных районах Центральной Азии — в маньчжурских кочевьях. В 1636 году Абахай, разгромив крупнейшие владения западных и южных монголов добился провозглашения себя

ханом Монголии с титулом «богдо-хан». Вслед за этим маньчжуры объявили о необходимости полного подчинения и дурбэн-ойратов. Так было положено начало новому этапу движения их на Запад. В ходе этой миграции происходит консолидация оставшихся улусов в одно мощное государство. Большинство дурбэн ойратского союза оказывается перед сложным выбором - или последовать за торгоутским Хо-Орлыком на Запад в поисках свободных территорий или же оставаться вместе с джунгарами во главе с Батуром-хунтайджи.

Одновременно в начале XVII века дурбэн-ойратские племена принимают буддизм, который стал одним из серьезных факторов консолидации западно-монгольских племен. Очевидно, не без участия лам был созван всеойратский съезд 1640 года, принявший так называемые монголо-ойратские законы - «Их Цааз». В ходе ожесточенных столкновений в 30-х годах XVII века западная группа ойратов — торгоуты — заняли междуречье Волги и Урала. Дэрбэты под руководством Далай-тайджи из-за ряда разногласий с торгоутскими правителями (в первую очередь, с Хо-Орлыком) остались в степях Северного Приаралья. Несколько восточнее дэрбэтов, в районах Центрального Казахстана обитали хошоутские группы под предводительством Кундулунг-Убаши. Ещё восточнее, ближе к долине р.Иртыш находились хошоуты ведомства Абылай-тайджи, Очирту Цэцэн хана и др. Таким образом, уже в 30-х годах вдоль 48-52 градусов широты появился калмыцкий коридор, ставший впоследствии путем интенсивных контактов дурбэн-ойратов. Безусловно, миграционная активность ойратов и появившийся коридор оказали сильное негативное последствие на традиционную хозяйственно-культурную систему казахов. Основные маршруты меридиональных кочевков казахских племен обрывались на больших участках. Калмыцкое давление было одним из основных причин уплотнения казахов в южных регионах, а также на территории Восточного Туркестана. Этот период известен не только постоянными столкновениями казахов и калмыков, также и примерами добрососедства. Так, в 1635 году Далай-тайджи сражается против торгоутов в союзе с казахским ханом Джангиром, а Кундулунг в 1643 году несмотря на угрозы со стороны Батур-хунтайджи «на Янгира и на Ялантуша войною сам не ходил и людей своих не посылал и

стоит за Янгира»².

По мере освоения территории Поволжья, одновременно открывая путь на Северный Кавказ и Приазовье, ойраты в конце XVII века начали постепенно освобождать занятые ими северные земли казахов. Но в период господства ойратов на рассматриваемой территории появилось немало буддистских сооружений. О некоторых из них известно достаточно много. К числу отмеченных многими исследователями мы относим храмы Аблайн-кит (Абылайн-сумэ в «Биографии Заяпандиты»), Зорджин-кит (Доргань Зорджинь, Дархан-цорджи) и др.³ Хотя и здесь невыясненных вопросов немало. Особенно это касается Дархан-цорджи, - одного из ранних памятников⁴.

Менее известным памятником является Кызыл-Кенчский дворец, или храм, находящийся в районе Каркаралинско-Кентских гор в Центральном Казахстане. Будучи ещё студентом исторического факультета Карагандинского университета, в 1983 году я посвятил небольшую статью этому уникальному сооружению калмыцкой архитектуры⁵. Мой интерес к данному памятнику был инициирован рассказами стариков – казахов, проживавших в ауле Кент, недалеко от развалин храма. В той студенческой статье я впервые пытался воспроизвести облик этого сооружения, исходя как из своих наблюдений, так и ориентируясь на описания В.Н.Никитина, И.А.Чеканинского⁶.

Позднее заинтересовались этим памятником А.К.Абилев, заведующий кафедрой истории Казахстана Карагандинского университета, Ж.Е.Смаилов (тогда только начинающий археолог), и в результате в 1986 году начались раскопки. Материалы раскопок подтвердили наше предположение о том, что это сооружение – один из крупных буддийских храмов в Центральном Казахстане.

Ещё в середине XIX века Кызыл-Кенч был видным памятником архитектуры, замеченным многими учеными и путешественниками. Первое упоминание о нем принадлежит С.Б.Броневскому, начальнику Омской области. Он пишет: «В горах Кент-Казлык, в 25 верстах от приказа Каркаралинского внешнего округа, на реке Кызыл-Су, впадающей в Талду, стоит двухэтажное каменное крестообразное здание из дикого камня на извести, потолки обрушились, но, приметно, что они были покрыты красной краской, стены штукатурены, на верхнем этаже галерея, вокруг всего строения и фронтон,

поддерживаемый четырьмя деревянными колоннами, выкрашенными мастикой, предохранявшей их от гнилости. Около сего здания были и другие, но они развалились до основания; стены поросли деревьями шиповника и таволги нарочитой величины. Киргизы (казахи-Ж.А.) боготворят это место, и я там нашел разные их жертвы из лоскутков материи, костей и остатков с конскими волосами»⁷. С.Б.Броневский провел небольшой раскоп около дворца, вероятно, им были открыты несколько курганов эпохи бронзы и древнетюркского времени, каковых в том урочище немало. Все находки были отосланы в кабинет Графа Николая Петровича Румянцева.

Существенную роль в изучении и описании Кызыл-Кенчского дворца сыграл В.Н.Никитин. Вот его описание: «По ключу Кызыл-Кенч в восточной стороне Кентских гор имеется 21 курган, формой напоминающие юрты, часть из них большой величины, часть средней, как те, так и другие имеют на вершинах углубления в аршин и больше глубины, или же камни и бабы с высеченными лицами и целыми фигурами. Вблизи этого же ключа в урочище, того же названия имеются развалины какого-то здания, по народной молве Кентского дворца. Здание это небольшое в длину и ширину превышает 5-сажен. С трех сторон: с северной, восточной и западной, к зданию примыкают небольшие прямоугольные пристройки неодинаковых величин. Эти пристройки наружных видов не имеют и сообщаются с главным зданием каждая порознь внутренними ходами шириною в один аршин, 1,2 вершка, а высотой в 2 аршина 1 вершка. Судить о том, были ли как в пристройках, так и в самом здании окна, невозможно, потому что стены сильно разрушены и в настоящее время высотой немного более сажен за исключением южной стороны, где стена достигает высоты почти 8 аршин.

Вход шириною 2 аршин и высотой в 2 аршин 1,2 вершка устроен под навесом. Навес имеет вид балкона и поддерживается шестью деревянными столбами, высотой до 4 аршин, два столба расположены у самой стены дома, по обе стороны наружного входа и поддерживают навес около стены по краям: два - на углах и два посередине. На двух задних и на четырех передних столбах положено по бревну, при чем под бревнами на двух наружных угловых столбах имеются фигурные подстилки; на этих бревнах толщиной равной столбам, поперек расположено 17 жердей средней толщины.

Пространство между жердями заполнено дощечками длиной 5-7 вершков, шириною 1 вершок и толщиной в 1/2 вершка. Концы их стесаны для более устойчивого положения на жердях; поверх же этих дощечек, придавливая их, находятся опять жерди, а на них уже каменные плиты, земля и разный мусор. С обеих сторон навеса видны какие-то остатки стен. Были ли это стены такой же пристройкою, как и в других сторонах здания, или же защищающееся подъезд сказать трудно, как рискованно предположить, что навес этот принадлежит далекому прошлому, а не новейшему времени. Выше навеса в стене имеется окно, а внутри здания в той же стене на высоте 3 аршин 7 вершков от земли выдаются четыре тонкие балки, по видимому, не что иное, как остатки основного пола второго этажа. Что это здание было двухэтажное, говорит предание и подтверждается отчасти высотой стены, а главным образом тем, что в южной стене сохранилось окно на высоте более 3-х аршин. Все здание с пристройками сложено из каменных плохо отесанных плит, и как можно судить по сохранившимся редким остаткам, было снаружи и внутри вымазано глиною, стены сильно разрушены, поросли тощей травой, но и теперь в некоторых местах имеют толщину 1 аршин 2 вершка. Около самого здания, в восточной и западной сторонах имеются следы каких-то разрушенных построек, а немного поодаль от них несколько могил, по внешнему виду не киргизских (казахских-Ж.А.). Местность, где находится Кентский дворец, представляет небольшую долину, окруженную почти со всех сторон скалистыми горами, которые, однако, к югу становятся более отлогими, и образует с северо-запада проход в долину реки Талды. Перед южною лицевою стороною развалин в саженных трех, четырех, имеется небольшой, весь заросший камышом пруд. В долине южнее пруда растет мелкий кустарник и изредка небольшие сосны, которые ближе к горам растут и чаще и гуще, а на горах опять редуют и кое-где лепятся по скалам. Это местность вместе с развалинами ныне принадлежит киргизу (казаху-Ж.А.). Акнаю и находится во владении его рода уже лет полтораста, а то и больше»⁸.

Обратимся к результатам археологических исследований в 1986-1987 г.г. в ходе которых был полностью раскопан Кызыл-Кенчский дворец с тремя отдельными сооружениями. До раскопок развалины дворца представляли собой холм, густо заросший травой и кустами шиповника. Вокруг основного холма

(высота до 3 м) фиксировались развалины отдельных сооружений, также заросшие травой и кустарником. С юго-восточной стороны холма замечены два котлована достаточной глубины (до 2 м).

После раскопок основного холма выявилась крестообразная конструкция с четырьмя пристройками. Стены здания были сложены из необработанного камня-плитняка.

В ходе расчистки внутри сооружения встречались в большом количестве полуистлевшие деревянные плашки, жерди и бревна. Зафиксировать какой-либо порядок в расположении этих бревен и плашек не удалось. Длина юго-восточной стороны основного помещения – 11,6 м, северо-восточной – 12 м, северо-западной – 11,8 м, юго-западной – 12,2 м. Малые комнаты, пристроенные с трех сторон основного помещения, имеют входы шириной 1,1-1,3 м, с наружной стороны сооружения эти комнаты входов не имеют. Стены малых комнат примыкают к стенам основного помещения без связи кладки. Пол основного помещения вымазан белой известковой глиной. Исключение составляет восточный угол, где пол выкрашен красной краской. Стены сооружения с внутренней стороны, судя по сохранившимся оштукатуренным участкам, были покрыты белой известковой глиной. В пол основного помещения вмурованы 10 каменных плит, которые служили основанием для деревянных столбов-колонн, поддерживавших второй этаж. Для установки этих плит предварительно выкопаны ямы глубиной до 0,3 м, диаметром 0,4 м, которые забутовывались битым камнем вперемежку с землей. При расчистке проема тамбура обнаружены остатки шести деревянных столбов-колонн, поддерживавших балкон.

Высота сохранившихся остатков колонн от 0,10 до 0,75 м, диаметр 0,25-0,30 м. Колонны балкона, как и внутри дворца, были поставлены на каменных плитах. В углу тамбурного проема с левой стороны от входа зафиксирован зольник мощностью до 0,15 м. В зольнике, кроме кальцинированных костей животных, ничего не обнаружено. Порог входа во дворец вымощен камнем. Ширина дверного проема – 1,3 м. Сохранившиеся стены дворца имеют высоту от 1,2 м до 2,7 м, толщина стен составляет 0,8-1 м.

В ходе расчистки внутри помещения были обнаружены следующие находки. Внутри основного помещения у входа в северо-восточную комнату найдены деревянные плашки

толщиной 0,6 см, геометрическим, зооморфным и ажурным растительным орнаментом. Плашки покрыты красной и золотистой красками. Здесь же найдены деревянные палочки, выкрашенные в красный цвет, диаметром 1,5-3 см и 4 бронзовые пластинки длиной 16,5 см, шириной 2 - 2,5 см, толщиной 0,3 см. Пластины имеют по три отверстия, в двух из них сохранились железные гвозди.

В северо-восточном углу основного помещения обнаружен расколотый слюдяной круг с отверстием в центре. Диаметр круга 43 см, толщина 6 см. При расчистке завалов внутри основного помещения найдены в разных местах 5 бусин диаметром 0,6 — 1 см. В восточном углу основного помещения, в нижнем слое найдены 2 свинцовые пули диаметром 1,2 см. Также при расчистке завалов внутри основного помещения и в малых комнатах в большом количестве были найдены мелкие пластины слюды.

Внутри северо-восточного малого помещения обнаружен железный замок продолговатой формы. Длина его 16 см, ширина 5 см, толщина 2,5 см. Здесь же были найдены 5 железных скоб длиной до 8,5 см и толщиной до 0,6 см. В северозападном малом помещении небольшое украшение из камня белого цвета, диаметром 1,5 см у основания. Украшение имеет конусообразную форму. В юго-западном малом помещении найдены куски бронзовой проволоки и курок от ружья.

К северо-востоку (в 5 метрах от основного сооружения) находились развалины небольшого квадратного здания. Оно также густо поросло травой и кустарником. Ориентировка сторонами по углам света. При расчистке за дерновым слоем зафиксирован погребенный слой, который идет на глубине 0,15 м от дневной поверхности. Вдоль стен между дерновым слоем и погребенной имеется глинистый слой, образовавшийся при сплаве связующего раствора стен. Стены сложены из камня-плитняка на глиняном растворе. Толщина стен до 1 м, высота до 0,4 м. Камни кладки стен уложены в 2-3 слоя. Юго-западная сторона сооружения длиной 11 м, северо-западная 11,5 м, северо-восточная 11,5 м, юго-восточная 11 м. При зачистке обнаружены фрагменты посуды, изготовленной на гончарном круге. Фрагменты светло-коричневого цвета, толщиной 0,7 - 0,8 см. Каменная выкладка в центре имеет овальную форму диаметром 4 и 5 м.⁹

Результаты проведенных исследований в Кызыл-Кенчском дворце свидетельствуют о том, что он как постоянное место обитания людей и как культовый центр функционировал совсем немного времени. Незначительный культурный слой в виде небольшого зольника, малое количество костей домашних животных, отсутствие предметов быта в нем говорят сами за себя. Кызыл-Кенч был обитаем только эпизодически.

Сложнее обстоит вопрос с выяснением хозяев этого грандиозного сооружения. Мнение о том, что этот памятник имеет ойратское происхождение и что в нем прослеживаются явные следы буддийской культуры, было высказано ещё давно. Но кто был инициатором строительства храма и в каком временном отрезке он действовал как культовый центр?

Впервые этот вопрос в качестве рабочей гипотезы поднимался С.С.Черниковым. Он, исходя из сообщения К.Риттера, предполагал, что храм был построен Учурту-ханом. "Вероятно, Кентский дворец является Учурту-хан-Китом" - пишет С.С.Черников. В материалах Миллера, по словам автора, есть сведения о том, что в 5 дней пути к западу от владений Аблая, Учурту тайша построил храм, который был впоследствии разрушен Галданом-Бошохту¹⁰.

Гипотеза на поверку оказалась несостоятельной, более того Аблай не жил постоянно в построенном храме, и его владения были довольно обширны (от р.Алтын Емел (Эмиль) до среднего течения р.Иртыш). Поэтому сделать точный расчет почти невозможно. Кроме того, если в тексте речь идет об Очирту Цэцэн хане (у С.С.Черникова-Учурту), то известно, что он действительно воевал против Галдана Бошохту в 1676 году /год змеи/ в местности Шара бель, недалеко от озера Капшагай на реке Или. Очирту Цэцэн хан в это время кочевал в верховьях р.Или (из Зултуса вниз по течению реки Кунгес)¹¹.

На эту гипотезу опирался Ж.Е.Смаилов при интерпретации истории Кызыл-Кенчского дворца. Вместе с тем, он выдвинул также гипотезу о причастности к данному храму хошоутского правителя Кундулунг-Убаши. Но прямых доказательств этого в источниках пока найти не удается, разве, что тот факт, что Кундулунг-Убаши в 1643 году зимовал в местности Казылык (Хасулаг)¹².

Вероятно, последняя гипотеза имеет больше шансов на объективность, но требует некоторых дополнений. На наш взгляд, необходимо учесть, что дэрбэты оказались в данной

местности несколько раньше (т.е. в 20-х гг. XVII в) и их предводитель Далай-тайджи был наиболее сильным из западных калмыцких правителей. Где-то в этом районе должен находиться также субурган Дайчинг-Хошуучи, сына Далай тайджи, куда пригласил Кундулунг-Убаши Зая-пандиту. Вероятно, развалины сооружения, находящегося рядом с Кызыл-Кенчским дворцом, и есть тот субурган. Торжественное освящение субургана было проведено в 1643 году Зая-пандитой¹³.

Кызыл-Кенч известен ещё и тем, что в 1697 году здесь останавливался свадебный кортеж Сетерджаб, дочери Аюке хана и невесты Цэвэн Рабдана. Казахские легенды говорят, что храм Кызыл-Кенч построен сопровождавшими её батырами, а легендарный Шуно дабо (у казахов - Сына батыр) был зачат на этом урочище, где лежат развалины дворца. Но эти темы, неплохо освещенные в казахских исторических преданиях, требуют отдельного подхода.

¹ Казахско-русские отношения в XVII-XVIII вв. (сборник материалов и документов). Алма-Ата, 1961. С.3

² Международные отношения в Центральной Азии. XVII-XVIII вв. Документы и материалы. Кн. I. М., 1989

³ Спасский Г.И. О древних развалинах в Сибири //Сибирский вестник. 4.3. СПб., 1818. С.39-94; Радлов В.В. Сибирские древности. Т.1, вып. 3 (с картою, 22 таблицами и рисунков и 109 плитипажами). СПб., 1894. С.55-146; Черников С.С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков (материалы) // Записки КНИИЯЛИ, вып.1, Элиста, 1960, с. 115-134

⁴ Дархан-цорджи (или Зордшин-кит) - храмовый комплекс, построенный в самом начале XVII века на среднем течении р.Иртыш. Назван по имени настоятеля, ламы Дархан-цорджи. Многие исследователи путают это имя с именем Эрхэ Дархан-цорджи, который являлся последователем и учеником Зая-пандиты, что в корне неверно. Среди ойратских племен наиболее общераспространенное название этого храма - «Эрчисын - сумэ» (до 1658 года). Ш.Норбо в книге «Зая-пандита» допустил ошибку, назвав Аблайн-сумэ, построенный в 50-х г.г. XVII века, "иртышским храмом" (Эрчисын-сумэ). Обратите внимание на текст "Биографии Зая -

пандиты": «В году обезьяны (1644) он (Зая-пандита) летом отправился к Очирту-тайджи... Оттуда Дархан-Цорджи просил его пожаловать в храм, находящийся на Иртыше (Эрчисын-сумэ)» (см. Ш.Норбо «Зая-пандита». Элиста, 1999, с.45). Месторасположение Эрчисын-сумэ соответствует современным границам г.Семипалатинска

⁵ Артыкбаев Ж.О. «Кызыл-Кетш сарайынын, жумбагы» / Загадки дворца Кызыл-Кенч // Орталык Казахстан. 1983, 19 сентября.

⁶ Никитин В.Н. Памятники древности Каркаралинского уезда // Записки ИРАО, новая серия, т.VIII, вып. 1, т.2. СПб., 1896. с.43-64; Чеканинский И.А. Развалины Кызыл-Кенш в Каркаралинском округе Казахской АССР (Исследование и библиография) // Записки Семипалатинского отдела Общества изучения Казахстана. Т. 1, вып. XVIII. 1929, с. 89-103

⁷ Записки генерал-майора Броневского о киргиз-кайсаках Средней Орды // Отечественные записки. СПб., 1830, ч.43. т. 10. с.247-248

⁸ Никитин В.Н. Названный труд

⁹ В данном разделе были использованы материалы «Отчета по итогам археологических раскопок Кызыл-Кентского дворца». Составитель Ж.Е.Смаилов. Караганда, 1987 г.

¹⁰ Черников С.С. Памятники архитектуры ойрат-калмыков/материалы/ // Записки КНИИЯЛИ, вып. 1. Элиста, 1960, с.133-134

¹¹ Ш.Норбо. Зая-пандита /материалы к биографии/. Элиста, 1999. С.115

¹² Там же. С.45

¹³ Там же.

Монгольская армия в XII-XIII веках

Монгольская армия XIII века являлась, несомненно, наилучшей военной организацией мира в тот период. Исторически монгольская армия и военное искусство времен Чингис-хана и его преемников следовали древним традициям военного дела кочевников степей Евразии, населявших ее на протяжении тысячелетий: киммерийцы, скифы, сарматы, хунны, сянбийцы, тюрки и др. Вобрав в себя все лучшее, что создали различные кочевые народы на протяжении ряда веков, монголы довели древние военные традиции до совершенства, их стратегия и тактика стали кульминацией развития конницы степных народов, что позволило господствовать им в Евразии в XIII веке и создать одно из наиболее великих государств, известных в мировой истории.

После прихода к власти и создания монгольского государства Чингис-хан провел ряд реформ, непосредственно касавшихся вооруженных сил и всего монгольского общества в целом. Важнейшей особенностью созданного Чингис-ханом государства являлось полное слияние военной и гражданской власти, военно-административная система управления. Старая родоплеменная система десятичного деления подразделений – на десятки, сотни и тысячи – была доведена до совершенства. Кроме того, тысячи были сведены в крупные корпуса, состоявшие из десяти тысяч бойцов (тумены). Чингис-хан создавал каждое тысячное соединение из воинов, принадлежавших различным родам и племенам. Тумен почти всегда состоял из различных социальных единиц. Это было результатом сознательной политики Чингис-хана, стремившегося сделать большие воинские отряды (тысячи и тумены) приверженными государству, нежели своим родам и племенам. Все государство было поделено на особые округа, которые в военное время должны были выставить по одной тысяче бойцов, всего было создано 95 «тысячных» округов¹.

При этом Чингис-хан лично назначил всех 95 нойонов, новых командиров тысячных подразделений. Среди них были Богурчи, Джэбэ, Мухули, Субудай, Сорхан-Сира, Джелмэ, Даритай и другие преданные соратники Великого Хана². Назначая их на должности, Чингис-хан не руководствовался аристократическим происхождением кандидатов, а подбирал людей исключительно

но по личным качествам, способности управлять людьми. Так, тысячниками были назначены пастух Дегей и плотник Гучугур³.

Тысячник управлял в мирное время вверенными ему людьми, набирал воинов на службу в армию и для участия в военных походах, куда каждый должен был являться со своими лошадьми, оружием и амуницией, взимал налоги, отвечал за исполнение местными жителями «улы» - ямской почтовой повинности, которая прочными нитями связывала страну воедино, регулярно проверял боевую готовность воинов и отвечал за их подготовку и т.д. Выступая в поход, он возглавлял отряд своей тысячи, самовольно покидать который и переходить в другие войскам запрещалось под страхом смертной казни.

При этом вся армия от простого бойца до высших командиров была пронизана духом товарищества и взаимовыручки. Неоказание помощи в бою каралось смертной казнью. Войскам строго приказывалось подбирать на поле боя и вывозить в безопасное место раненых, тщательно собирать тела всех убитых монголов и предавать их погребению. Воины должны были беспрекословно подчиняться приказам своих командиров. Но и командиры должны были быть справедливы по отношению к своим войскам, проявлять о них заботу, беспокоиться об их жизни. То есть они должны были следить за тем, чтобы воины были сыты, обуты, одеты и чтобы ни один воин не считал, что его товарищи погибли по небрежности начальства. Если командир посылал воина на опасное дело, то это должна была быть не жертва, а риск, из которого воин мог вернуться или не вернуться. Командир, отправляющий своих подчиненных на верную смерть, должен был быть наказан.

Людей на должность командиров тщательно отбирали. Сохранились слова Чингис-хана, сказанные об одном из кандидатов: «Нет героя, подобного Есуге-Баю, нет искусней в делах подобного ему человека. Однако, так как он не знает усталости и тягости похода, не чувствует ни жажды, ни голода, он и других людей из нукеров и воинов, которые будут вместе с ним, всех считает подобными себе в перенесении трудностей, а они не представляют силы и твердости в перенесении. По этой причине не подобает ему начальствовать над войском. Подобает начальствовать тому, кто сам чувствует жажду и голод и соразмеряет с этим положение других и идет в дороге с расчетом и не допустит, чтобы войско испытывало голод и жажду и четвероногие (кони-А.Б.) отощали»⁴.

Кроме армии была сформирована и гвардия. Небольшое подразделение (80 ночных (кебтаулов) и 70 дневных (торгау-

тов) стражей и отдельная тысяча багатуров (или тысяча храбрых), созданное Чингис-ханом перед его кампанией против найманов⁵, основным назначением которого была охрана ставки и самого хана, было увеличено, реорганизовано и составило ядро гвардии (кэшиг). В состав гвардии входило теперь 1000 кебтаулов, 1000 торгоутов, 1000 хорчи (стрелков-колчаносцев). Тысяча багатуров вошла в число гвардии как особое подразделение. Этот отряд вводился в сражение в решительную минуту, как, например, это произошло в 1221 году в битве на р.Инд с войсками Джелал-ад-Дина, а в остальное время он составлял личную стражу хана. По образцу «тысячи багатуров» было сформировано еще шесть тысяч воинов. Таким образом, гвардия заключала в себе десять тысяч воинов-телохранителей⁶.

Гвардейские караулы, охранявшие также ставку Великого Хана, сменялись каждые три дня. А сама гвардия была разделена на четыре очереди для несения караула.

Особенно строгие правила были установлены относительно ночной охраны ханской ставки: после наступления сумерек стража обязана была задерживать всякого, кто ходил около ставки; входить в ханский шатер можно было только в сопровождении стражи; против того, кто входил в ставку неожиданно, стража должна была применять оружие. Никто не смел наводить справки о числе стражей в какой-нибудь день, виновный в этом штрафовался оседланной лошадью и одеждой.

Для службы в гвардии были отобраны лучшие воины и младшие командиры из всех тысяч. Сыновья командиров сотен и тысяч автоматически причислялись к гвардии, остальные же принимались путем отбора и личных заслуг. Этот метод создания гвардии не только гарантировал лояльность и преданность гвардейцев, но и имел другие преимущества. Поскольку каждое подразделение армии было представлено в гвардии, а десятки, сотни и тысячи, соответствовали родам, группам родов, то выходило, что почти все рода и племена имели своих представителей в гвардии. Кроме формы заложничества гвардия представляла собой как бы все Монгольское государство (Ике монгол улус) в миниатюре, где имелись представители каждого племени и рода. Через доверенных гвардейцев и их связи в армейских подразделениях Чингис-хан мог теперь усилить свою власть над всем монгольским народом. Гвардейцы стали опорой всей армейской организации и административной системы государства Чингис-хана. Кроме того, у воинов армейских соединений появился еще один стимул для хорошей службы:

за доблесть в бою и образцово выполненные задания их могли перевести в гвардию.

Тумен гвардейцев имел множество прав и привилегий. Согласно повелению Чингис-хана, рядовой гвардеец был выше по положению, нежели любой командир армейского подразделения, включая тысячника. «Телохранитель моей гвардии, выше внешних (т.е. армейских – А.Б.) тысячников; домашние их выше внешних сотников и десятников. Если внешний тысячник, считая себя равным воину охранной стражи, заспорит и будет драться с ним, то подвергнется наказанию»⁷. Все гвардейцы находились под личным контролем Чингис-хана и только он сам разбирал все их дела. «Начальствующие над охранной стражей, не получив от меня словесного разрешения, не должны самовольно наказывать своих подчиненных. В случае преступления кого-либо из них непременно должно докладывать мне, и тогда, кому следует отрубить голову, тому отрубят голову; кого следует бить, того будут бить»⁸.

Но с другой стороны гвардия была подчинена суровой дисциплине. Того, кто не являлся в караул в день своей очереди, в первый раз арестовывали на 3 суток, во второй раз – на 7 суток, а в третий раз, после ареста на 37 суток он подвергался изгнанию⁹. Таким же наказаниям подвергались начальники, забывшие напомнить подчиненным о дне заступления в караул.

Таким образом, корпус гвардии представлял собой особое подразделение, со своими привилегиями и особыми задачами. Гвардейцы находились на постоянной службе, даже в мирное время. Во время войны они составляли особый тумен под личным командованием Чингис-хана. Ю.Н.Перих писал: «Ханская гвардия (кешиг) превратилась в военную школу, в которой выковывалась конно-ударная, маневренная тактика монгольской конницы XIII в. Гвардией лично командовал сам император-хан, который таким образом не терял связи со строем»¹⁰.

Гвардия принимала участие в войне только в том случае, когда в поход выступал сам Великий Хан. В лагере «тысяча багатуров» располагалась впереди ханской ставки, хорчи и торгоуты – по правую сторону, остальные семь тысяч – по левую. При этом «тысяча багатуров» и воины, входившие в состав самой первой гвардии, пользовались большим почетом, чем остальные. Об этом говорят зафиксированные в «Сокровенном сказании» почетные наименования: «великие торгоуты», «великие стрельцы», «старые кебтаулы», «старые богатыри». Почетные титулы, которые были даны старым гвардейцам, свидетельствуют о неоднородном составе гвардии¹¹.

Признавая заслуги гвардии, Чингис-хан однажды сказал примечательную речь, сохраненную монгольскими рапсодами, о своем отношении к гвардии:

« - В пасмурно-облачные ночи юрты мои, имеющие дымники, кругом облежала ты, крепко убаюкивала меня, старая стража моя. Ты и на этот трон возвела меня!

В звездные ночи юрты мои охраняла, на постели моей не давая мне метаться в тревоге, благословенная стража моя.

В дождь и трескучие морозы решетчатые юрты мои окружала ты, во мгновение ока поднимаясь, верная стража моя, успокаивающая мое сердце.

Среди коварных врагов, охраняя мои юрты, ты в мгновение ока поднималась на защиту, верная стража моя!»¹²

Тогда же была реорганизована и разведка. Кроме ближней, армейской разведки, была организована дальняя, стратегическая, разведка. Специальные офицеры (юртчи) отвечали за планирование расположения войск, деятельность разведчиков и шпионов, выбор направления движения войск во время войны и место расположения лагеря. Разведчики и шпионы, прибывшие из страны противника, подвергались тщательным расспросам, и если сведений было недостаточно, то для сбора дополнительной информации направлялись новые разведчики.

При ведении своих военных кампаний Чингис-хан и его наследники активно использовали и приемы «психологической войны». С этой целью разведчики, находившиеся во вражеской стране, еще задолго до вторжения монгольских войск распускали слухи о непобедимости и свирепости монголов, о бесполезности сопротивления, и о том, что вскоре за «грехи» боги покарают население этой страны. Кроме того, религиозные инакомыслящие получали заверения, что монголы установят веротерпимость, бедным обещали, что монголы уничтожат эксплуататоров их правителей; купцы убеждались в том, что они смогут беспешинно торговать на всей территории Монгольского государства; покоренные народы убеждались в том, что они будут освобождены от власти поработителей и т.д. В то же время говорилось, что самая малейшая попытка к сопротивлению будет подавлена беспощадно и жестоко, а сдавшиеся получат мир и безопасность.

Все эти действия часто приводили к тому, что большинство населения стран, воевавших с монголами, было парализовано от ужаса, и даже не думало о сопротивлении. Летописцы писали, что «люди мужественные падали духом и опускались руки у людей сильных. Те, у которых были мечи, скрывали их из стра-

ха, чтобы неприятель не умертвил их без всякой пощады, встретив их вооруженными...всякому представлялся его последний час и сердца всех ныли от ужаса»¹³. Арабский историк XIII века Ибн аль-Асир так описывает один из случаев, произошедших во время войны монголов с государством Хорезмшахов: «Татарин ворвался в один переулочек, в котором было 100 мужчин, - и он убил их одного за другим до последнего. Ни один из них даже не двинул рукой против него. С позором заваливали людей, а они совсем не защищались! Мы молим Бога, чтобы он не оставил нас в беде!»¹⁴.

Ю.Н.Рерих писал: «В начале и конце каждого года должен был собираться совет военачальников, на котором хан имел возможность лично общаться со своими соратниками - так выковывалось единство военной доктрины, отличавшее монгольскую армию в царствование Великого Хана»¹⁵.

Также перед началом большой военной кампании для обсуждения планов и целей войны собирался курултай. На нем вырабатывался план ведения военных действий, определялось количество военных сил для похода, назначался командующий и начальники отдельных частей армии, описывалась местность будущих военных действий, сообщалось о характерных чертах вооружения и тактике войск противника и т.д.

В итоге в ходе ведения боевых действий монгольские полководцы координировали передвижение по незнакомой местности десятков тысяч воинов, зачастую отделенных друг от друга огромными расстояниями, с такой легкостью, словно двигали фигуры на шахматной доске.

Источники позволяют отметить следующие характерные черты монгольской стратегии ведения больших кампаний в эпоху Чингис-хана и его наследников:

- военно-дипломатическая подготовка кампании, учет соотношения сил сторон, поиск союзников;
- создание опорного района в отдалении от основного театра военных действий;
- внезапное вторжение на территорию страны противника;
- выработка заранее четкого плана ведения войны, строгое следование ему;
- правильная оценка обстановки и сложившегося к началу войны соотношения сил, стремление изменить их в свою пользу;
- упорное и последовательное навязывание противнику своего плана ведения войны в невыгодных для него условиях;

- разделение войска на несколько частей, с постановкой перед ними конкретных основных задач на период всей кампании, с последующим уточнением и изменением этих задач, координация действий этих частей войска;

- широкий маневр значительных масс конницы;

- умелое использование местности, активное воздействие на нее в полосе продвижения противника с целью создания затруднения в снабжении продовольствием, водой, фуражом.

Из стратегии ведения широкомасштабных боевых действий вытекала и тактика, применявшаяся монгольскими войсками на поле боя:

- использование больших масс конницы, являвшейся основным родом войск;

- создание кулака тяжеловооруженной конницы в качестве основной ударной силы;

- размещение тяжеловооруженной, ударной конницы на «правом» или «левом» фланге, концентрация ее в месте решающего удара.

- широкое маневрирование конницей на поле боя, последовательный перенос удара кулака тяжеловооруженной конницы по различным частям боевого порядка противника; высокая выучка и дисциплина всей армии;

- рациональное использование условий местности для проведения различных тактических приемов: атак, обхватов флангов, обходов и т.д.;

- использование ложного отступления с последующей атакой противника;

- использование засад.

Особенности вооружения определяли и некоторое своеобразие применявшейся монголами тактики. Разумеется, основную массу их войска составляла легковооруженная конница. Поэтому внезапная атака и быстрое отступление в случае неудачи имели первостепенное значение. Однако, весьма значительный удельный вес наступательного оружия ближнего боя указывает на то, что рукопашная схватка играла в их действиях большую роль.

Оружие и военное искусство монголов в XII-XIII вв. развивались в тесной связи с окружающими народами, чему немало способствовало их географическое положение. Монголы, как определенный этнический массив кочевников евразийских степей, занимали промежуточное положение между тюркскими кочевыми племенами¹⁶ на западе и государствами дальневосточного региона (империей чжеурчженей Цзинь и тангутским цар-

ством Си Ся) на востоке. В тесном контакте находились они и с населением лесного Прибайкалья.

Единственной ударной силой монгольских войск в XIII в. была кавалерия, делившаяся на легкую (лучники) и тяжеловооруженную (копейщики, которые были защищены доспехами, доспехи прикрывали и их коней).

Отношение числа тяжеловооруженных всадников к общей численности войска было примерно 1:10. Но это было только на раннем этапе, в дальнейшем численность тяжеловооруженной конницы увеличивалась, но все же она всегда составляла меньшинство, хотя бы из-за дороговизны доспехов.

Монгольская тактика строилась на эффективном взаимодействии тяжеловооруженной и легкой конницы.

Монголы чаще всего атаквали «левой», то есть неровной шеренгой, часто с флангами, изогнутыми в сторону противника для его охвата. При этом атака шла не одной волной, а несколькими параллельными (до пяти) друг другу. «Лава» давала большое преимущество при стрелковой атаке и использовании мощных монгольских луков.

Для атаки применяли также и клинообразное построение. В «клине» обычно использовались тяжеловооруженные всадники. Тесно сомкнутый строй защищенных металлическими доспехами всадников оказался очень эффективным против плотных пехотных построений (типа фаланги). Построенные клином тяжеловооруженные всадники на полном карьере врезались во вражеский строй, разрезали его надвое и пиками опрокидывали неприятеля. Рубка мечами и саблями в конном строю могла при необходимости довершить дело.

Подчеркивая задачи и значение тяжеловооруженной конницы в бою, Ф.Энгельс писал: «...Удар тяжелой конницы, основным назначением которой был прорыв боевого порядка противника. Наиболее эффективным был ее удар...компактной массой, продолговатой или клинообразной колонной, а иногда также и в линию»¹⁷.

Он также подчеркивал, что «тяжелая кавалерия...должна действовать, главным образом, силой сомкнутого массивного удара. Раз построенная для атаки она должна двигаться прямо вперед, сметая все попадающееся ей на пути»¹⁸.

Атака производилась не сплошной лавой всего войска или массивным конным кулаком, а отдельными крупными отрядами (тысячами и туменами), координировавшими свои действия и четко выполнявшими приказы командиров. Сражение протекало как четко скоординированное действие отдельных

отрядов тяжелой и легкой конницы, выполнявших самостоятельные тактические задачи, и управление ими в бою требовало большого искусства.

Оно облегчалось использованием в бою специальных значков (черного и белого цветов), которые имела каждая тысяча, а также барабанным боем и звуками труб в ночное время.

В бою, для усиления психологического эффекта, атакующие монголы издавали громкие крики, сливавшиеся в сплошной гул, или атаковали молча под грохот лошадиных копыт.

Из отдельных военных приемов, использовавшихся монголами, современники чаще всего упоминают о ложном отступлении. Плано Карпини писал, «что всякий раз, как они завидят врагов, они идут на них, и каждый бросает в своих противников три или четыре стрелы; и если они видят, что не могут победить, то отступают вспять... и это они делают ради обмана, чтобы враги преследовали до тех мест, где они (монголы — А.Б.) устроили засаду; и если враги преследуют их до вышеупомянутой засады, они окружают их и таким образом ранят и убивают»¹⁹.

Но прием притворного отступления издавна был знаком многим народам и широко использовался различными полководцами, как на Востоке, так и на Западе. Так, к подобной военной хитрости прибегнул Вильгельм Завоеватель во время битвы при Гастингсе (1066 г.)²⁰. Значит нельзя назвать этот тактический прием изобретением монголов, но степные конники, благодаря своей подвижности, могли применять этот прием гораздо чаще и эффективнее. Кроме того, мобильность позволяла им быстро менять направление основного удара, создавая локальный численный перевес в наиболее слабом месте вражеской обороны.

Также одной из причин военных успехов монголов было быстрое заимствование и применение боевых средств, ранее им неизвестных. Столкнувшись во время войны с чжеурчженской империей Цзинь (Северный Китай) с трудностью захвата хорошо укрепленных городов, монголы быстро переняли у китайцев, тангутов, уйгуров, чжеурчженей их опыт осадной войны и осадную технику.

Использовали монголы и новаторские разработки. В частности, они одни из первых применили на практике боевые дымы для атаки противника.

Китайские донесения упоминают, например, применение монголами в ходе битвы в 1274 году дыма, «который окутал все небо». Но особенно важными являются сведения средневеко-

вого польского летописца Яна Длугоша. Он очень наглядно описывает применение боевых отравляющих дымов монголами в битве с поляками и немцами под Легницей в 1241 году. Эта акция стала одной из причин разгрома последних²¹.

Монголы переняли у китайцев их умение делать смеси, которые при зажигании выделяли дым и газ, от которого «крысы сдыхали, а у людей шла кровь из носа»²².

Современники отмечают также суровую дисциплину в монгольской армии. Хотя меры поддержания порядка, принятые в монгольском войске, и характеризуются большой суровостью, они не были нововведением монголов. Такие меры всегда существовали в регулярных армиях для поддержания дисциплины, чему есть много примеров в древней и современной истории (можно вспомнить хотя бы децимацию (казнь каждого десятого) у древних римлян, военные законы Кромвеля или знаменитый приказ № 227 «Ни шагу назад»).

При этом большое внимание уделялось дисциплине в бою и сохранению воинами строя, «в случае отступления все обязаны немедленно возвращаться в строй и занимать прежнее место. Голову с плеч тому, кто не вернется в строй или же не займет своего первоначального положения», - говорил Чингисхан²³.

По-видимому, можно говорить о неукоснительном проведении в жизнь мер по поддержанию порядка и дисциплины в монгольском войске во времена правления Чингис-хана, что обеспечивало более высокую степень организованности и дисциплины монгольского войска в сравнении с их историческими противниками. Но победы монгольским армиям принесли, конечно, не столько страх жестких наказаний, а высокий профессионализм, воинская выучка, боевой опыт воинов и военачальников и их уверенность в своей непобедимости.

Ала ад-Дин Ата-Мелик Джувейни, персидский историк XIII века, писал: «Что касается устройства армии, то со времени Адама и доныне... не найти ни в какой достоверной истории или написанной книге, будто у какого-либо государя, господина рабов и народов, существовало такое же войско. Ибо монгольское войско выносливо, терпеливо и благородно, повинуется военачальнику, как в благополучии, так и при неудачах – и не из стремления к награде или земельным пожалованиям, не из надежды на прибыль или возвышение. Это является самым лучшим порядком в деле военного устройства... Каждый человек действует слажено (с другими-А.Б.), независимо от богатства или покровительства. Если вдруг возникнет потребность в

войске, то приказывают: «столько-то тысяч нужно в такой-то час» - и в тот же день или в ту же ночь те прибывают в указанное место, и ни на мгновение не происходит опережения или задержки»²⁴.

Армянский историк и летописец XIII века Киракос Гандзакети отмечал, что монголы «по дисциплине и способу ведения боя превзошли все народы до и после них»²⁵.

Американская исследовательница XX века Сесилия Холланд пишет, что «...войско монголов походило на современную армию, оказавшуюся в средневековом мире. Оно превосходило все прочие скоростью, маневренностью, мощью стрелкового оружия, дисциплинированностью и превосходными командными кадрами»²⁶.

В целом военное искусство монголов по-разному характеризовалось учеными, очень многие из них отмечали большой вклад монголов в мировую историю военного искусства. По мнению Л.Гарта, «по масштабу и искусству, по внезапности и подвижности, по применению стратегии и тактики охвата проведенные монголами кампании не имеют себе равных в истории»²⁷, а Ю.Н.Перих отмечает: «во время своих походов монголы редко превосходили численностью своих противников. Малочисленные отряды монгольской конницы одерживали блестящие победы не числом сабель, но правильной стратегической мыслью своих вождей, прекрасной тактической подготовкой, маневренностью, железной дисциплиной частей и выносливостью людей и коней»²⁸. Он также писал, что «походы Чингисхана имеют выдающееся значение для военной истории, не будет преувеличением сказать, что они создали эпоху в истории военного искусства»²⁹.

¹ Сокровенное сказание монголов. Элиста. 1990. С. 173-175

² Там же. С. 173-174

³ Там же. С. 195

⁴ Цит. По Л.Н. Гумилев. Древняя Русь и Великая Степь. М.: Товарищество Клышников, Комаров и К. 1992 С. 294

⁵ Сокровенное сказание монголов. Элиста. 1990. С. 149

⁶ Там же. С. 199

⁷ Там же. С. 201

⁸ Там же. С. 166

⁹ Там же. С. 200

¹⁰ Цит. по Худяков Ю.С. Вооружение Центрально-Азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.: Наука. 1991. С. 663

- ¹¹ Намжилов Б.Ч. К истории военной терминологической лексики монгольского языка (XIII-XIV вв.) // Монгольский лингвистический сборник. М., 1992. С. 62
- ¹² Сокровенное сказание монголов. Элиста. 1990. С. 204
- ¹³ История монголов по армянским источникам. Вып. II. СПб., 1874. С. 19
- ¹⁴ Цит. по Тильман Нагель. Тимур-завоеватель. Ростов-на-Дону.: Феникс. 1997. С. 26.
- ¹⁵ Цит. по Худяков Ю.С. Вооружение Центрально-Азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья. Новосибирск.: Наука. 1991. С. 669
- ¹⁶ Эти племена были известны в Средней Азии как кипчаки, в Восточной Европе как кумане, а на Руси – как половцы
- ¹⁷ Маркс К., Энгельс Ф. Соч., Изд. 2-е. Т. 14. С. 298
- ¹⁸ Там же. С. 315
- ¹⁹ Джованни дель Пано Карпини. История монгалов // М.: Мысль. 1997. С. 56
- ²⁰ Для того, чтобы выманить англосаксонскую пехоту, укрепившуюся на холме Сенлак, на равнину, где тяжеловооруженная рыцарская конница имела бы превосходство, Вильгельм Завоеватель приказал рыцарям атаковать противника, а потом обратиться в ложное бегство. Англосаксы устремились за «отступающим» противником, спустились к подножию холма, расстроили ряды и были истреблены.
- ²¹ Свентославский В. Боевые газы в армии средневековых монголов // Военная археология. Оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе. Материалы Международной конференции 2 – 5 сентября 1998 г. СПб. Государственный Эрмитаж. Институт истории материальной культуры РАН. 1998. С. 295-296
- ²² Там же.
- ²³ Сокровенное сказание монголов. Элиста. 1990. С. 101
- ²⁴ Джувеини История Покорителя Вселенной // Родина. 1997. № 3-4. С. 47
- ²⁵ Армянские источники о монголах. Извлечения из рукописей XIII-XIV вв. М.: Изд. вост. лит. 1962. С. 21
- ²⁶ Сесилия Холланд. Смерть, спасшая Европу // А что, если бы?: Альтернативная история. М.: ООО Издательство АСТ; СПб.: Terra Fantastica. 2002. С. 169
- ²⁷ Цит. по Худяков Ю.С. Вооружение Центрально-Азиатских кочевников в эпоху раннего и развитого средневековья, Новосибирск.: Наука. 1991. С. 669
- ²⁸ Там же. С. 669
- ²⁹ Там же.

Сургал¹ под названием "Ясное зеркало"

Ученым-монголоведам хорошо известна деятельность академика Ц. Дамдинсурэна по собиранию, исследованию и изданию старописьменных памятников. Уникальное издание "Сто образцов монгольской литературы"¹, подготовленное под руководством Ц. Дамдинсурэна, сделало бесценные памятники литературы монголов доступными всему миру. В этой книге представлены все многообразие и самобытность старой письменной традиции монгольских народов. Данное собрание текстов старописьменных монгольских рукописей и ксилографов является неисчерпаемым источником для современных исследований. Не будет преувеличением сказать, что включенные в него сочинения, являясь образцами различных жанров и разных периодов времени, дают нам целостную картину о языке и литературе, истории и культуре монголоязычных народов.

В настоящей публикации мы используем текст "Сургала под названием "Ясное зеркало", входящий в сборник "Сто образцов монгольской литературы"². В сочинении отсутствует колофон, поэтому сложно установить имя автора и точную дату его написания. Ниже мы приводим транслитерацию текста сургала и его русский перевод.

Todorqai toli kemegdeku suryal orosibai

Ova sayin amuyulang boltuyai:

(с. 454 верх)

üge inü sayin böged utya anu mayu busu

uyangy-a-tu silüg nigen kedüi-yi

üligerlen qolboju ögülesügei:

sayıqan çasutu çayan aylan-dur

saran-u gerel tusbasu neng çayimui:

suryal uqayan-tu merged-ün çikin-dü

sayin üge-yi sonosqabasu neng mergejimüi:

eldeb çeçeg-tü ayula-yin orgil-du

eljige talbibasu yaçuni kereglemüi:

amitan bolon törögsed amin-dayan qayiratai tula

asaral-tu merged bey-e-dür-iyen üliгерleged

¹ Сургал – наставление, поучение

ami tasulqu-yi sayitur çegerlebei:

(с. 454 низ)

ed tavar böged ejen-degen qayiralaydaq tula

erkim merged erkiçegülün bodayad

ese öggügsen-i abqu-yi egenegte çegerlebei:

qudal üge-yi kelegsен-iyer

qoromqan jayur-a-yin kereg bütükü bolbaçu

qotala bügüde-dür jiyşigdedeged

qoyisiki kereg inü ülü bütümüi:

aliy-a bujar yabudal anu

aliba kesig doroyidayad

aldar ner-e bayuraqu böged

ami nasu ayur bolomui:

ariki darasu-yi uuyubasu

ama kele inü türgen boloyad

(с. 455 верх)

aldaqu unuqu mayad ügei tula

ariyun uqayan-tu merged

sayitur çegerlebei:

arç-a jalitan qob üge-ber

amaraylan qanilaysad-i qayaçayulqu anu

ulus-tayan öber-tür tusa ügei böged

aliba bükün-dür jiyşigdemüi:

seleme-ber çabçibası bey-e ebeddümüi:

sirügün üge-ber tayaribası

sedkil ebeddümüi:

sedkil kemegçi inü bey-e-eçe-ben erkim tula

seçen uqayan-tan ülü ögülemüi:

qar-a qoor-a yekedebesü

el-e qariyu anu öber-tür iremüi:

yaljayı jayan-i dayisun-dur talbibası

qarin gedergü-ben qoorlaqu metü:

ed tavar-tur küsel yekedebesü

eçüs-tegen jobalang iremüi:

erbekei qoroqai

jula deng-dür taçiyayad

erke ügei tüligdekü metü

ünen jöb-i ülü itegegçid

öd ügei buruyı yabubası

ündüsü-yi uytuluysan modon-aça

ür-e nabçi ülü yarqu metü:

uqayan-tu merged qabur-un modo metü

ulam nemegden delgeremüi:
uqayan mayutan udaq tuşuma
namur-un modo metü doroyidan mayudamui:
yabaly-a ügei teneg mungqay-ud
qamiy-a nige-yi qoorlaqu-yi duralabasu
(с. 455 низ)

yangdaq tngri-yin egüle metü
yaruysan tedüi-dü ügei bolomüi:
ülemji mayu-yin jüg-tü bolbasu
ürbelig metü könggen költü-eče
ünen merged mayusiyan jigsimüi:
erkim sayin-i üjegsen çay-tu
ečegsen eljige metü qaşang boloyad
ečüsdegsen mayu-yi üjegsen çay-tu
erbekei metü könggen költü-eče
erdem-tü merged mayusiyan jigsimüi:
elbeg tariy-a tariysan kümün çadqulang bisiu:
erdem bilig-i suruysan kümün
ečüs-tegen amuyulang bisiu:
amta-tai. amta ügei idege büri-dür
ayağ-a sinağ-a qoyar ürgülji kürülčebečü
amta-yi inü tung ülü medemüi:
ama-bar amsaysan darui-dur medemüi:
aday teneg mungqay arad
aliba nom biçig-ün suryal-i üjebečü
uğ-a-yi inü uqaju üges-i inü ülü toytayamui:
ayuu uqayan-tan üjemegče uqamüi:
okid ekener-üd örlöge büri çirai-ban tolin-dur üjemüi:
ülemji merged yabudal yosu-ban
edür büri sinjilen jasumui:
oğtarui-dur nisügsen sibayu
oğtarui-yi dayusuğad bayuqu anu busu
oyidçu çileküi-degen bayunam bisiu:
uqayan bilig suruğid
uqayan-u jüyl-i tegüsüged joysoqu anu busu
öberün uqayan-u kiri-ber surulçayad
dayusaqui-dayan joyusunam bisiu:
(с. 456 верх)

yeke saban-du kigsen usu
yeke bolbaçu ülü asqamui:
yeke uqayan-tan-u suruysan erdem
yeke bolbaçu ülü medegdemüi:

öcüken saban-du kigsen usu
öcüken bolbaçu asqaqu anu kilbar.
öcüken uqayan-tan-u erdem
öcüken bolbaçu üjetele aman-dur yarumui:
ongge mayuqai arad-i
üjesküleng qubçasu ülü jasarayulamui:
uqayan bilig-i surbasu
urida-yin muuqai anu qarın sayın üjegdümüi:
törogsen çirai sayıqan-i
torıyan qubçasu-bar çimebecü
dotor-a uqayan ügei bolbasu
türgeju jasaysan körög metü:
uqayan yabudal quyayulan bürıdbesü
ünetü çındamani metü erdeni-eçe cü masi çıquy:
üyle kereg-i üyledkü urıd
öber-iyen sinjilen ese bodoyad
önggeregsen-ü qoyın-a yasalun yomodayçı
öd ügei mungqay teneg-ud-un jang:
eng terıgun-dur sayıtur bodoyad
egüsgegsen darui simtan kiciyeged
eçüs-tür inü tegüsgen çidayçı
erdem-tü merged-ün üyledkü-yin yosu:
ada-bar ejelegdeju yaljayuraysan
arad aq-a degüü-degen qarın ösimüi:
aday teneg-üd-i asaran suryabasu qarın ayurlamui:
tügemel gereltü naran-u gerel inü
(с.456 низ)
dörben tiib-i geyigülkü-yin tula bui:
tüsımel noyad sayıd-un kereg inü
dooratu ulus-i jasarayulqu-yin tula bui:
qamuı ed-i qurıyaysan ger-i yayçaqan onısu-bar qadayalan
çıdamui:
yayıqamsiy merged noyad sayubasu
qarıyatu bükün-i tedkün çıdamui:
ürı yekedü arad ed-i olbasu
öberün ger-tü edlekü-yin qubi ügei:
öd ügei mungqay noyan sayubasu
öber busud-i tedkün çıdaqı ügei:
jıruı-un jula mingı-a bolbaçu
jujayan qarangqui-yi arıyan çıdaqı ügei:
jol ügei üge tüme bolbaçu
jırum yos-yi yayakin todorayulumui:

gegen jula öcükē bolbaču ger-daki qarangqui-yi arilyan
čidamui

geyigsen uqayan-tu merged ber
gem-tü mungqay-ud-i suryan čidamui:
ketürkei mergen-ü tuyil-dur kürbecü
ger-daki yabudal-iyar ülü yabuycid-i
kelelčekü ner-e mergen kemedeg.
kete-yin ner-e inü mungqay bolai:
ülemji mergen-ü tuyil-dur kürbecü
ünen tegüber-iyen ülü yabuycid-i
önggelekü ner-e-dür mergen kemedeg.

ünen inü teneg bolai:

ayui yeke erdem-tei bolbaču
aday-un jerge-ber yabubasu
atarqal jüdegerkel öcükē boloyad

(c. 457 верх)

aliba bükün-dür ay-a-tai bolomui:

oberün erdem bay-a boloyad

omoy degerenggüi yekedebesü

üstü ösiyeten olan boloyad

ürgülji bugüdeger ülü tayalamui:

uγ-ača-ban teneg böged

uqayan yabudal-i ese jalarayulbasu

ulayan niγur-tai kümün gebecü

uγ-a-dayan mal bisiu:

bay-a say-a maytaysan ügen-dür

bayarlan demei le köjjiged

bardamayayilan eldeb-iyer jangnayçi

balamad mungqay teneg-üd-ün jang:

em-e takiy-a edür büri töröbecü

erketen güyced takiy-a anu čöken:

erdem bilig-i suruycid olan bolbaču bütügegcin čöken:

keseg jarim uqayan mayutan

kelküyijü nomoqan jangnaqu anu

keb-iyen sakiysan-dayan busu

kereg üyle-yi medekü ügei-degen bisiu:

onol-tu jarim merged

olan üge ögülekü inü

omoy-tai-dayan busu.

uγ-a činar-i

uqaysan-dayan bisiu:

örösiyeltü merged

oberün jüg-tü numu metü tatabaču

öd ügei mungqay-ud sumu metü aldayulumui:
usun-u yalayu-nuyud-un yabudal-i
ulai erigçi keriy-e yayun-i kereglemüi:
uqayan-tu merged-ün yayiqamsiy yabudal-i
uy mayu-tu yayuni kereglemüi:

(с. 457 низ)

tuqai-tai üyle-ben üyledül ügei
tusa ügei öber nige-yi üyledkü inü
doron-a jüg-tür odqu keregtei bögetel-e
dobtolon öron-e jüg-tür odqu adali:
örlöge-yin egüsgegsen-i güycedkel ügei orkiyad
üdesi basa nige-yi ekilegçi kümün-ü
üyle kereg inü ülü bütümüi:
kelegsen darui-dur medemer boloyad
kedü qonobasu martaju orkiyçi
kiçiyenggüi ügei teneg-ün jang:
todorqai sayitur üjegen çay-tur
toytaçaju abqu anu türgen böged
tung çu ülü martayçi
tuymbil sayitu merged-ün jang:
üyle kereg yayun-i üyledbesü
ülemji merged meden üyledümüi:
öçüken uqayan-tan dayuriyan yabumui:
temür-ün ördesü-yi soronjan-u gürü tatan çidamui:
teneg mungqay-ud-i
tengsel ügei merged tedkün çidamui:
asaral-tu merged-ün qayiran-dur dasiyurayad
ayaşilan yabuysayar jigsigdekü inü
altan-i oloyad
aldaju orkiysan-dur adali:
ketürkei yeke ner-e-yi küsejü
kejiyede beyeben maytaççi kümün
kiri-ben medegdegüjei kemen
kiçiyen çarmayiju yabuqu anu yeke:
uy-un kiri yambar bögesü
ünen tegüber-iyen yabuyçi kümün
(с. 458 верх)

olan merged-ün dotor-a bolbaçu
oboy ügei bayadur bolomui:
qoor-a qoliysan amta-tai idege-yi
qobdoç bolbaçu ülü idemüi:
qoyin-a tusa ügei yabudal-i

qurça uqayan ülü üyledümü:
 tür jayur-a-yin jiryalang-dur tasiyurayad
 alus kede-yi ülü bodayçi kümün inü
 alaqu-yin tula burtuysan yaqai
 ajiy ügei kebtükü-lüğe adali:
 uçaraysan bükün-lüğe-ben qanilayad
 udal ügei uyidçu saluyad
 uridaki-ben mayusiyan ögülegçi
 uqayan mayutan-u qanilaqu-yin jang:
 jüi-tei nökor-i sinjilen taniju qanilayad
 job buruyu qoyar-i asayulčan yabuju üyledüged
 jobalang jiryalang qoyar-i
 adali qubiyen edlegçi
 jokis-tu merged-ün qanilaqu-yin yosu:
 amur bayiqu çay-tu
 amaraylan qanilaysan nökor-i
 arı-a mayurdaqu çay-tu
 orkin jayilayçi ayasi batu ügei
 aday teneg-ün jang:
 elige nige-tei aq-a degüü-ben orkiyad
 em-e köbegüd-i engküreyilen tedkügçi arad
 arasu-ban öbcijü qudalduyad
 emüskü qubçasu-yi abuysan-luy-a adali:
 qudal ügei ünen üge qoor-a ügei sayıqan sanay-a
 yoomai ügei batu yabudal ene (с. 458 низ)
 yurbayula bürıdbesü mergen-ü tuyıl:
 kelegsen bögüde-yi qudal bolıyayad
 kigsen bögüde-yi yoomai bolıyayad
 gem ügei kereg-tür qarın kerseülegçi
 kereg ügei teneg-ün tuyıl:
 eng-ün ulus-un kelelcedeg üge
 eçüs-tegen sayın muu adali ügei tula
 erdem-tei. gem-tei qoyar yabudal-i
 erkiçegülün bodoju yabuytun:
 boyda merged-ün sayın yabudal ba
 budungyui mungqay-ud-un mayu yabudal
 bultu-yi ögülejü yayakin çıdamui bi:
 bodoju sanayan-dayan oruysan nigen kedü-yi biçibe:
 degedüs üjebesü iniyemüi-j-a:
 eng-ün nököd üjebesü bayarlamui-j-a:
 teneg-üd üjebesü tesçü yadanam bui-j-a:
 teyimü bolbaçu teneg-üd-ün tuqai-du ögüleghsen üge busu:

delekei dakin-dur kelegesen üge:
delekei dakin-u teneg. merged tede-nar ĉu nadur yayun-i
qamiy-a bui:
teyin atal-a öberün ugayan-i delgeregülkü-yin tula
sanayan-dayan oruysan nigen kedü-yi biçibei:
todorqai toli kemekü egüni ungsiyĉid-un
uqayan gegen
todorqai bolju. tusa-tai yabudal-iyar yabuqu boltuyai:
qoortu mayu üyles-i
qoĉorli ügei arilyayad
qotala amitan-u tusa-yin tula
qoyosun ĉinar-i türgen-e olqu boltuyai:

Сургал под названием "Ясное зеркало"

Да пребудет спокойствие! (с. 454 верх)
Расскажу-ка складно
несколько благозвучных стихов, (составленных) из хороших
слов, смысл которых неплох.

Если на прекрасную снежную вершину горы
упадет лунный свет, то она (еще больше) засияет белизной.
Если просвещенным мудрецам
дать послушать хорошие слова, то они станут мудрее.
Если на вершину горы, усыпанной цветами,
пустить пастись осла,
что он предпочтет?

Поскольку живые существа и те, кто перерождаются,
дорожат своей жизнью,
сострадательные мудрецы (примеряясь к себе),
наилучшим образом воздерживаются от
прерывания жизни. (с. 454 низ)

Так как имущество дорого для хозяина,
высшие мудрецы, все взвесив,
Полностью воздерживаются
от того, чтобы брать то, что им не принадлежит.

С помощью лживых слов,
хотя и совершится в мгновение ока какое-то дело,
но всеми будешь презираем,
и будущие дела твои не осуществляются.
Бесчестный поступок,
приуменьшает любое счастье,
развенчивает славное имя,

и жизнь превращается в пар.

Если пить водку и вино,
становишься невоздержанным на язык, (с. 455 верх)
неприменно потеряешь лицо и падешь (низко).

Поэтому мудрецы с чистыми помыслами
твёрдо воздерживаются (от возлияний).

Тот, кто хитростью и клеветой
разлучает друзей и влюбленных,
от кого нет пользы ни людям, ни самому себе,
будет презираем всяким.

Если ударишь мечом, то нанесешь телесную (рану),
если оскорбишь грубым словом,
то ранишь душу.

Поскольку то, что называют мыслью,
важнее телесной оболочки,
мудрецы не говорят лишнего.

Если увеличивать черный яд,
то он обернется против тебя самого.

Подобно тому, как если бешеного слона пустить на врага,
он погубит тех, кто остался позади.

Если увеличивается привязанность к имуществу,
в конечном итоге придет страдание.

Подобно тому, как бабочка и мотыльки, стремящиеся к свету
лампады, непременно опалят свои крылья.

Те, кто не веруют в истину,
если станут жить несправедливо, то это будет подобно тому,
как на дереве, у которого срезали корни,
(никогда) на распустятся листья и (не созреют) плоды.

Разумные мудрецы, подобно дереву в весеннюю пору,
все более расцветают.

Чем более мешкают глупцы, тем более
подобны они осеннему дереву: слабеют и становятся негодны-
ми.

Безголовые глупцы,
если пристрастятся делать кому-то зло, (с. 455 низ)
то это будет подобно облаку в зной -
появилось и тотчас исчезло.

Истинные мудрецы порицают и воздерживаются от того,
Чтобы вступить на очень плохой путь,
подобный легкому перу.

При виде чего-то изящного
становиться неповоротливым, подобно исхудавшему ослу,

При виде свершившегося зла
становится подобным порхающей бабочке -
мудрецы порицают и воздерживаются (от этого).
Человек, посеявший много хлеба,
сыт, не так ли?
Человек, обучившийся наукам,
в конечном итоге спокоен, не так ли?
Всякой еды, вкусной и невкусной,
хотя и будешь без конца касаться чашкой и ложкой,
вкуса (ее) совершенно не ощутишь.
но как только попробуешь, - распознаешь (вкус).
Глупый, невежественный арат,
хотя и увидит книжные наставления,
смысла их не поймет и слов не сможет запомнить.
Великим мудрецам стоит только взглянуть - тотчас поймут.
Девушки и женщины каждое утро
смотрятся в зеркало.
Премудрые (люди) свои поступки
оценивают и исправляют каждый день.
Птица, вспорхнувшая в небесную высь,
приземляется не потому, что облетела все небо,
а потому, что утомилась, не так ли?
Те, кто изучают науки,
останавливаются не потому, что исчерпались знания,
а потому, что обучились (в соответствии) со своими
умственными способностями.
И когда исчерпают их
останавливаются, не так ли? (с. 456 верх)
Вода, налитая в большой сосуд,
хотя ее и много, не проливается.
Знания, в совершенстве изученные мудрецами,
хотя и велики, (это) не обнаруживается.
Воду, налитую в маленький сосуд,
хотя ее и немного, легко вылить.
Знаний человека небольшого ума,
хотя и мало, прежде, чем их узнаешь, -
(они) у него на языке.
Некрасивого арата
не украсит и красивая одежда.
Если изучать науки,
то, что раньше было плохим, проявится с лучшей стороны.

Хотя и станешь украшать шелковой одеждой
красивое от рождения лицо,
так как в сущности не далек (умом),
То это сродни наскоро написанному портрету.

Если преисполнен умом и деяниями -
это большая редкость по сравнению
с драгоценностью чиндамани.

Прежде, чем совершать поступки,
если не подумать, не проверить себя,
после того, как совершится (дело), досадовать и
обижаться – это в характере бестолковых глупцов.

Прежде всего хорошенько продумать,
как только приступил, проявить усердие,
суметь довести до конца –
правило действий (талантливых) мудрецов.

Арат, которым овладел злой дух,
в приступе бешенства
питает ненависть и к своим братьям.

Если воспитывать, обучать грамоте отпетых глупцов,
они только рассердятся

Несравненно лучезарный (безграничный)
свет солнца (с. 456 низ)
создан для того, чтобы освещать четыре континента.

Назначение чиновников, сановников и знати
в том, чтобы управлять подвластным народом.

Юрту, в которой собрано все имущество,
можно уберечь одним единственным замком.

Если будут править удивительные мудрецы и нойоны,
смогут защитить всех (своих) подданных.

Обремененный долгами арат, если и обретет богатство,
ему не суждено использовать его себе на благо.

Если скверный глупый нойон будет править,

Не сможет позаботиться ни о себе, ни о других.

Хотя на рисунке изображена тысяча лампад,
(они) не смогут рассеять крошечную тьму.

Нечестных слов хотя и десять тысяч,
Как с их помощью прояснить законы?

Хотя свет лампы мал,

он рассеивает мрак в юрте.

Блещающие умом мудрецы

могут обучить порочных глупцов.

Хотя достигли крайнего предела чрезмерных знаний,

но не живут делами обыденной жизни,
таких на словах принято называть мудрецами.

В дальнейшем имя им – глупцы.

Тех, кто хотя и достиг предела больших знаний,
но не живет ими,
лицемерно называют мудрецами.

В действительности они глупы.

Хотя обладаешь (обширными) знаниями,
но ведешь себя скромно,
зависть и препоны будут ничтожны,
и всякому придется по нраву.

(с. 457 верх)

Если собственных знаний мало,
если возрастет высокомерие,
станет больше ненавистных врагов,
ни у кого не найдешь сочувствия.

Если от рождения глуп,
если не стараться исправлять ум и поступки,
пусть он и человек,
но по сути своей подобен скоту, не так ли?

Радоваться самой незначительной хвальбе,
понапрасну распаляться, непомерно кичиться -
это характер взбалмошных глупцов.

Курица, хотя каждый день несется,
но мало получается цыплят.

Хотя и много тех, кто обучается премудростям,
мало тех, кто реализует их на деле.

Некоторые обделенные умом проявляют свой характер
не от того, что живут, придерживаясь определенных норм,
а от того, что не ведают, что творят.

То, что некоторые мудрецы-теоретики
произносят много слов,
не от того, что надменны,
а от того, что размышляют над смыслом, не так ли?

В то время, как сострадательные мудрецы
натягивают словно лук, себе на пользу,
Незадачливые глупцы упускают словно стрелу.

Что за дело вороне, разыскивающей падаль,
до повадок гусей?

Может ли взять за пример удивительные поступки мудрецов
тот, кто по природе своей плох?

(с. 457 низ)

Не исполнять того, что нужно (самому себе),
совершать какое-то одно ненужное дело –

то же самое, что в то время, как необходимо отправиться на восток, скакать на запад.

Помыслы человека, который оставил недоделанным дело, начатое утром, вечером затеял еще что-то – никогда не исполнятся.

Как только услышал, сделал вид, что сразу все понял, А по прошествии нескольких дней – напрочь забыть – это характер неприлежных глупцов.

В то время, как ясно созерцают, быстро запоминают, никогда не забывают – это свойство деятельных мудрецов с хорошими намерениями.

Какое бы ни было дело, люди большого ума знают и исполняют. Не блистающие умом подражают (им).

Магнит может притянуть железные опилки.

Безгранично мудрые могут позаботиться о глупцах.

Приняв за обыкновение любовь сострадательных мудрецов, неправильно себя вести, обойтись грубо, вызывая отвращение, - это подобно тому, как найти золото и упустить его.

Много тех, кто возжелав превосходного великого имени, неизменно усердствуют, восхваляя себя с тем, чтобы об этом узнали все, (такие) будут сильно страдать.

Каким бы ни был по происхождению

человек, живущий по правде,

(с. 458 верх)

даже среди многих мудрецов

становится благородным богатырем.

Вкусную еду, в которую подмешан яд, даже жадный не станет есть.

Те, кто обладают острым умом, не совершают поступков, которые впоследствии окажутся бесполезными.

Человек, привыкший к мимолетному счастью, не задумывающийся о будущем,

подобен спокойно лежащей откормленной на убой свинье.

Сдружившись с каждым, кого повстречал на своем пути, вскоре, как только надоест – расстаться, прежнего друга хулить – это в характере глупцов.

Выбрать праведного друга, сдружиться (с ним), совершать поступки, справляясь правильно это или нет, делить поровну горе и счастье – это закон дружбы достойных мудрецов.

Товарища, с которым дружил, когда пребывал в благоденствии, бросить в то время, когда наступили плохие времена, - это свойство ненадежных глупцов.

Человек, который забывает кровных своих братьев, но нежно заботится о сыновьях и жене - (это) равносильно тому, что он содрал собственную кожу и продал ее, взял взамен одежду.

Правдивые слова без намека лжи, светлые мысли без примеси яда, достойные поступки без капли нерадивости, (с. 458 низ) если преисполнен этими тремя качествами, - это предел мудрости.

Принять за ложь все сказанное, выполнить небрежно все, что ни сделаешь, в безобидном деле проявлять осторожность – это предел никчемных глупцов.

Поскольку слова, которые произносят простые люди, в конечном итоге не различаются: (бывают) плохие и хорошие, живите, обдумывая, сопоставляя поступки мудрых и глупцов.

Благие поступки святых мудрецов, плохие поступки глупцов с помраченным умом – смогу ли обо всем этом я поведать?

Обдумал и записал несколько мыслей, пришедших в голову. Если прочтает высшее сословие, то засмеется;

Если прочитают простые (люди) – то возрадуются; Если прочитают глупцы, то не смогут снести.

Но даже если и так, это слова, сказанные не только о глупцах, но обо всем в мире.

Да и что мне за дело до глупцов, и мудрецов всего мира?

Таким образом, для того, чтобы развить свой собственный ум, записал несколько мыслей, пришедших на ум.

Пусть станет светлым, ясным ум читателей сургала под названием "Ясное зеркало"!

Пусть они станут жить, принося пользу!

Отринув без остатка недобродетельные поступки, ради пользы всех живых существ

Пусть незамедлительно обретут свойство пустоты!

¹ Damdinsürüng Će. Mongyol uran jokiyal-un degeji jayun bilig orosibai. Corpus Scriptorum Mongolorum. Т. 14. Улаанбайатур, 1959

² Там же. С. 454 верх-458 верх.

Лексические особенности языка калмыцких сказок

Сказка – сокровищница «живой» калмыцкой речи. Она богата исторически утвердившимися выразительно-образными средствами, свидетельствующими о культурной специфике речи и национальной самобытности языка калмыцкого фольклора. Сказочный материал, разнообразный по своему содержанию и художественной форме, свидетельствует о богатстве поэтической фантазии и словесного искусства народа. Поэтому исследование специфики языка сказок, в котором сохранились древние пласты калмыцкой лексики, является актуальной задачей калмыцкой фольклористики.

Сказка как явление духовной культуры калмыков содержит различные тематические группы лексики, которые, в свою очередь, дают обширный материал для исследования культурных влияний народов, имевших тесные контакты с ойратами, калмыками. Мы выделяем следующие тематические группы: 1) общественно-политические (административные, юридические) термины: нойн «князь», нутг «владение», зэрлг «указ», хан «царь» и т.д.; 2) соматические термины (названия частей тела человека): толһа «голова», маңна «лоб», күзүн «шея», бөөр «почка», элкн «печень», үсн «волосы» и т.д.; 3) термины родства: өвгн «дед», көвүн «сын», күүкн «дочь», ах-дү «братья», эгч «сестра», гергн «жена», залу «муж», күргн «зять», бер «сноха» и т.д.; 4) военные термины: дөн «война», церг «войско», саадг «колчан», түмн «10 тысяч» и т.д.; 5) бытовые термины (названия пищи, жилища и домашней утвари, одежды и головных уборов): цө «чай», хуйр «лепёшка», хувцн «одежда», киилг «рубашка», гер «кибитка», үүдн «дверь», терм «решётка» и т.д.; 6) названия растений: шарлжн «полынь», уласн «тополь» и т.д.; 7) названия животных и птиц: туула «заяц», арат «лисица», чон «волк», ноха «собака», харада «ласточка», темән «верблюд», мөрн «лошадь», дааһн «жеребёнок» и т.д.; 8) названия небесных светил и природных явлений: нарн «солнце», сар «луна», салькн «ветер», шуурһн «метель» и т.д.

Известный ученый академик Б.Я. Владимирцов считал, что лексические сходства между монгольскими, тюркскими и тунгусо-маньчжурскими языками есть результат генетического родства этих языков. В лексической системе монгольских языков большая роль отводится и различным заимствованиям из других языков. Как отмечает В.И. Рассадин, лексические системы современных монгольских языков в отношении распределенности слов по языкам состоят из нескольких пластов. Во-первых, это «пласт общемонгольских слов». Во-вторых, «пласт специфической лексики, которая присуща только этому языку». В-третьих, «заимствования в составе пластов специфической лексики современных монгольских языков и их диалектов»¹.

Наиболее интересными в плане изучения лексики калмыцких сказок представляются два последних пласта, т. е. собственно калмыцкие слова и заимствования, используемые в системе поэтических средств сказки. Так, сказка «Алтан өргөчихү хаани нутгийн Мөңгөн өргөчихү гидег өбөгөн» («Старик Серебром Изобилующий, живущий в стране хана Золотом Изобилующего»), опубликованная на ойратской письменности известным ученым А.М. Позднеевым в «Записках восточного отделения И.А. русского археологического общества» (III том, 4 выпуск, 1889 года), в первую очередь, интересна своей сюжетной композицией, богатством и красочностью калмыцкого языка (в других версиях эта сказка известна как «Манжин зэрлг»). Поэтому данная статья основывается на анализе языка названной сказки.

По своему составу лексика языка сказок представляет собой сложную систему, состоящую из классов слов, различающихся по значению и происхождению, стилистической окрашенности и сфере употребления. Большой блок составляют заимствования: тибетизмы, санскритизмы, арабизмы, китаизмы, уйгуризмы, русизмы. Время проникновения в калмыцкий язык тех или иных заимствований установить довольно трудно.

С распространением буддизма среди калмыков в языке сказок стали появляться тибетские и санскритские заимствования.

Старый архаический осто́в сказки был дополнен новыми религиозными мотивами, которые, гармонично переплетясь, образовали новый интересный сюжет. В соответствии с этим

процессом основной лексической пласт языка сказки был обогащен новыми словами-заимствованиями: замбтиб – вселенная (джамбудви́па – древнее название Индии); гелц (*тиб.* дгэ-слонг) – буддийский монах, принявший 253 обета; гецл (*тиб.* дгэ-цхул) – буддийский монах, давший клятву верности трем драгоценностям и принявший 36 обетов; хадаг (*тиб.* кхаб-тагс) – дарственный платок; манж (*тиб.* ман-ча – чай для лам) – ученик веры.

В тексте есть очень интересное заимствование, сохранившее свою первоначальную письменную форму, которая отлична от устной (*письм. тиб.* бла-ма, *устн. тиб.* – лама), хотя калмыками была заимствована устная форма. Лама (*тиб.* бла-ма – тибетский монах) – у калмыков это самый высокий сан духовного лица.

Процессы адаптации заимствований характеризуются степенью их усвоения заимствующим языком. На первом этапе заимствования осознаются и воспринимаются как «чуждые вкрапления» для данного языка; на втором – расцениваются как более допустимые к употреблению, но все же инородные аномальные слова; и на последнем этапе – это уже освоенные, ставшие употребимыми и воспринимаемыми слова, инородность их доказать сложнее.

Заимствованные тибетизмы, выявленные в сказке с учетом выполняемых функций в лексической системе калмыцкого языка, представляют собой номинации, не имеющие калмыцких аналогов, хотя санскритское заимствование «джамбудви́па» в калмыцком языке имеет более или менее точный синоним «орчлң».

Многие санскрито-тибетские заимствования со временем сократили сферу своего употребления и полностью исчезли, некоторые с возрождением религии вновь активно употребляются и в литературном и в устном языке.

В сказке также встречается другая религиозная терминология, имеющая общетюрко-монгольское происхождение: хуврг буддийская община; суврһн – ступа; сүм – храм, церковь; бәрц бәрх – сделать подношение духовному лицу (деньгами, натурой, скотом); төкл өргх – преподнести жертву (дары); һал төхх – совершать жертвоприношение огню; зальврх – молиться; өггг өгх – подать милостыню; дееж өргх – преподнести почетное угощение.

Таким образом, изучая лексические заимствования в языке калмыцких сказок, мы получаем картину заимствования культурных ценностей от других народов в силу их исторических взаимосвязей и влияния.

В исследованиях язык сказок выступает как барометр общественной жизни, который постоянно находится в динамике, и наиболее ярким свидетельством его развития является способность обогащаться все новыми единицами словарного состава.

Конечно же, сказка – результат коллективного творчества многих мастеров устной словесности, вложивших свое индивидуальное мастерство в осмысление окружающего мира. Сказка и есть сама жизнь – это и история, и верования, обычаи, менталитет нации, социальные взаимоотношения, т. е. мир, окружающий человека.

¹ Рассадин В.И. О роли заимствований в складывании пластов специфической лексики в монгольских языках // Всесоюзная научная конференция, посвященная 100-летию со дня рождения академика Б.Я. Владимирцова. М., 1984. С. 111

Социальная терминология
в «Монгольско-русско-французском словаре»
О.М. Ковалевского

Среди публикаций словарей особого внимания заслуживает «Монгольско-русско-французский словарь» О.М. Ковалевского.

Юзеф (Осип Михайлович) Ковалевский окончил Виленский университет со степенью кандидата философии. Затем был отправлен в Казань, где должен был заняться изучением восточных языков. В Казани Ковалевский стал изучать тюрские, арабский и персидский языки. Он долгое время провел в Монголии, Бурятии, изучая язык и диалекты монгольских народов. С его именем связаны такие известные работы, как «Грамматика монгольского языка» (1835), «Монгольская хрестоматия» (1836). Главным трудом Ковалевского является трехязычный словарь, который не потерял своего значения и научной ценности по сей день. Задачей автора было показать богатство лексики живого монгольского языка. В качестве источников им были использованы монгольские, тибетские, маньчжурские, китайские и санскритские словари, рукописи и книги различного содержания, привезенные из Бурятии, Монголии и Китая¹.

В словаре Ковалевского приводятся в качестве иллюстрированного материала тексты из фольклора и памятников литературы, причем словарные материалы даются в выдержанных книжных нормах. Слова даются с подробным пояснением, переводом на русский и французский языки. Составитель словаря довольно полно представил лексику, связанную с флорой и фауной, астрономией, медициной и общественно-политической жизнью.

Социальная (общественно-политическая) лексика играет огромную роль в языке любого народа, что обуславливается повышением культурного и политического уровня, совершенствованием производственных и общественных отношений.

Общественно-политическая лексика - это совокупность слов, обозначающих политическое устройство, общественные и политические группировки, форму власти, социальные отношения, органы государственного управления, мировоззрение, внешнюю политику, общественно-политические документы.

Общественно-политическую лексику в словаре Ковалевского

можно разделить на следующие группы: 1) административная (канцелярская), 2) политическая, 3) судебная, 4) религиозная, 5) обозначающая сословия.

Канцелярская лексика свойственна языку государственных актов, постановлений, официальных бумаг, распоряжений: *ailadxaхu хаγudasun* – докладная записка; *ailadxaхu biçiқ* – (письменный) доклад.

Понятие “донесение, рапорт, представление” передается словом *ailadxa*. Рапорт означает устный или письменный доклад предусмотренной уставами формы при обращении военнослужащих к начальникам, отчет о выполнении задания или обязательства.

Договор, контракт обозначается такими словами, как *neyilgulgü ger-e*; *bolcaγa biçiқ*, *bolcaγa-tu biçiқ*. Договор, контракт – соглашение двух или более лиц об установлении, изменении или прекращении гражданских прав и обязанностей. Договор может быть заключен в устной или письменной форме.

Политическая лексика, обозначает политические явления или события: *esi üikü* - отдать приказ, приказать; *ilegekü biçiқ* - приказание письменное; *xaуli γarγaxu* - издать закон; *xaуli bayıγulxu* - постановить законом; *jarlıγ bayulγaxu* - издать указ.

Понятие указа (нормативного акта главы государства) передают словом *esi*. Под выражением *taγaγaγsan túsime* понимали президента, председателя. *Xaуli yoson* означает “закон”. Закон – нормативный акт, принятый высшим органом власти в установленном порядке.

Правовая лексика принадлежит к области права, юриспруденции и означает явления юридического, правового порядка, судоустройство и судопроизводство. Ключевым словом в тематической группе, обозначающей судоустройство и судопроизводство, является слово *jarγu* “суд”². В словаре Ковалевского *jarγu* означает тяжбу, процесс между истцом и ответчиком, суд. Если судить по ойратским памятникам, то рассматриваемое слово имеет несколько значений: 1) орган, рассматривающий судебные дела; 2) судебное дело; 3) иск, жалоба; 4) приговор, решение суда; 5) судебное разбирательство; 6) правосудие³.

В словаре Позднеева *jarγu* переводится, как суд, совет, состоявший в старину при калмыцких ханах, а ныне имеющий значение судебного учреждения, решающего дела по народному обычаю.

Главное должностное лицо суда - главный судья - обозначается выражениями *jasaq-un поуан*, *саγaja-yin поуан*, *саγajasi*. Председатель уголовного суда именуется *bayıcaγan*.

Встречается такое выражение, как *anxun-a toɣtaɣaysan toro* “правление, основанное на правосудии”.

Понятие “допрос” передается следующими словами: *asaɣudal, asaɣul, asaɣulda*.

Должностное судебное лицо, обвиняющее человека в нарушении правопорядка, в преступлении или же краже, называли *esergūceǵi*.

Под словом *xulaɣai* понималось тайное или открытое похищение чужого имущества с целью присвоения⁴. От существительного *xulaɣai* “кража, воровство” с помощью суффикса *-ci* образовалось слово *xulaɣaiçi* “вор”.

Религиозную лексику составляют слова, обозначающие религиозное мировоззрение и мироощущение, а также соответственное поведение и специфические действия, основанные на вере в существование бога или богов, сверхъестественного. В словаре Ковалевского религиозная лексика представлена очень широко. Можно выделить несколько групп терминов: 1) термины, обозначающие верующих; 2) термины, обозначающие должности в хуруле; 3) термины, обозначающие предметы культа.

Понятие “монастырь, обитель, храм” передается следующими выражениями: *nom-un ayımaq, arıun oron, sanɣram, keyit*. Мирянку, мирянина, принявших на себя духовные обязанности, давших духовный обет называли *ubasanca, ubasi*.

Наставника, учителя, настоятеля монастыря обозначали словом *ubadi*. От существительного *ubadi* с помощью суффикса *-s* образовалось слово *ubadis* “наставление, учение, объяснение закона, совет”. *ubadis* встречается в сочетании с разными словами: *ubadis abxu* “принять наставление или совет”, *ubadis öǵkü* “дать кому-то наставление или совет”, *ubadis nomlaxu* “преподавать учение, объяснять закон”. С помощью суффикса *-ci* образуется слово *ubadisçi*, обозначающее “наставника, советователя, волхва, волшебника”. Слова *ubadis* и *ubadisçi* с суффиксом *-la* образуют глагол “учить, наставлять, давать совет, советовать, указывать, объяснять”.

Встречаются слова, обозначающие шаманов: *udaɣan, böge*. *Бе* – это ворожей-мужчина. *Удугун* – это ворожей-женщина. Если имеется духовное звание, называется *чеджин*. *Бе* и *удугун* – простые ворожей, которые предсказывают будущее и выявляют причины несчастья, но чаще всего они находят вещи, одежду, которые нужно из хозяйства изолировать и которые они сами забирают⁵.

Каждый служитель монастыря имел соответствующую его рангу должность. Самая почтенная, высшая духовная степень – *blam-a abayai* “лама”. Существовали следующие должности: *uduriduqci* “наставник, учитель (лама)”, *binay bariqci* “духовный наставник”, *buyan-u törütü* “послушник, гецул”, *surqajuli-yin noyan* “учитель, наставник”.

Для обозначения предметов культа использовали следующие выражения: *baling-un cögöce* “чашечка для жертвы”, *burxan-u körög* “изображение будды, икона”, *bude-yin saqiiy-a* “амулет против злых духов”, *toja-yin ereki* “чётки для молитвы”.

В словаре Ковалевского встречается много слов, обозначающих сословия. Монгольских предводителей, знать называли: *аха хауан* “великий царь”, *хан* “князь, принц, хан, царь, монарх”, *oron-u хан* “царь, правитель царства”. Их жен величали титулом *yeke xatun* “великая жена, старшая супруга, знатная дама”, *хауан* и *esi xatun* “главная, первая супруга ханская”.

Слово *noyan* обозначает “князя, владыку, повелителя, господина, главу, начальника, предводителя”. *Нояны*, - так называли темников, тысячников и сотников, определялись своего рода инвеститурой великого хана⁶.

Многие слова, обозначающие мелких вассалов, употребляются в сочетании со словом *ayimaq*. *Аймак* – это союз или объединение родственных между собой семей, разных ветвей, произошедших от дробления древних родов⁷. Словосочетание *ayimaq-un axalagsan tūsimel* означает “правитель дел в княжестве”, *ayimaq-un noyan* “владелец области или внешнего княжества”.

Во главе *отока*, а иногда и *улуса*, стояли в качестве его наследственных владельцев *езены (ejen)*⁸. Слово *ejen* означает “владелец, владелец, хозяин, владыка, обладатель, повелитель, самодержец, начальник”. Оно встречается в сочетании со словом *ауа ежен* “могучий, владетельный государь”.

Источники по истории монголов довольно часто упоминают о дружинниках, т.е. о свободных лицах, служащих вождям и предводителям родов и племен, главным образом, в качестве воинов. Древне-монгольские дружинники назывались *nököd*⁹.

С развитием экономики и культуры увеличивается потребность в словах и выражениях для обозначения новых понятий. Для этого можно использовать словарь Ковалевского. В нем представлено достаточное количество социальной лексики, которую можно ввести в современный калмыцкий язык для активного употребления.

¹ Шамов Г.Ф. Профессор О.М. Ковалевский: Очерк жизни и научной деятельности. Казань, 1983. С. 77

² Гедеева Д.Б. Лексика, отражающая судоустройство и судопроизводство у калмыков в XVII-XVIII вв.// Филологические исследования старописьменных памятников. Элиста, 1987. С. 74

³ Там же. С. 76

⁴ Гедеева Д.Б. Лексика, относящаяся к области уголовного права калмыков в XVII-XVIII вв.// Проблемы монгольской филологии. Элиста, 1987. С. 107

⁵ Бакаева Э.П. Заметки о терминологии в современном калмыцком буддизме// Наука и высшая школа Калмыкии № 3-4 (5-6). Элиста, 2000 г. С. 173

⁶ Владимирцов Б.Я. Общественный строй монголов. Ленинград, 1934. С. 105

⁷ Там же. С. 137

⁸ Там же. С. 138

⁹ Там же. С. 87

Обзор новых поступлений в рукописный фонд
научной библиотеки КИГИ РАН: ойратские сочинения из
коллекции проф. Дж. Крюгера

Недавно рукописный фонд научной библиотеки КИГИ РАН пополнился в очередной раз ксерокопиями ойратских сочинений XVIII-XIX вв. (43 ед.), поступившими от известного американского монголоведа проф. Дж. Крюгера. Деятельность проф. Дж. Крюгера по изданию ойратских материалов (он является автором «Материалов к ойратско-английскому словарю» в трех томах, переводчиком на английский язык ряда уникальных ойратских памятников), высоко оцениваемая калмыцкими учеными, создает необходимую базу для серьезного научного изучения богатого рукописного наследия калмыков.

Переданные в дар библиотеке КИГИ РАН ксерокопии рукописей представляют собой ойратские сочинения, описанные В. Кайссигом и К. Сагастером¹.

По своему содержанию описываемые сочинения делятся на историко-генеалогические, географические (космологические), философские и дидактические, ритуальные (обрядовые), предсказательные (астрологические), пророчества и произведения народной словесности. Рассмотрим их по порядку.

I. Историко-генеалогические сочинения

1. Verz 34. Краткая история о царе Чингисе. Без названия. 10 л. Первая строка: *yerün yesün tenggeri nerün oron-ēce buži...*
2. Verz 157. История о сыне индийского царя (*kenggeregiiyin boum neretü xāni kōböin*). 9 л. (нач. со 2 л.)

II. Географические (космологические)

1. Verz 3. *Yertünčüyin toli kemēkü šastar*. 28 л.

Данное сочинение представляет собой перевод известной тибетской хроники и носит космогонический характер (происхождение и устройство Вселенной).

III. Философские и дидактические сочинения

Heissig W., Sagaster K. Mongolische Handschriften, Blockdrucke, Landarten. Bd. 1. Wiesbaden, 1961

1. Verz 151. Biligiyn cinadu küreqsen rdorje qjodbayin tayilbur orošibui (Комментарий к "Алмазной сутре"). 14 л.

2. Verz 198. Xutugtu caglaši ügei nasun belge biligtü kemekü yeke kölgöni sudur orošibo (Сутра Аюки). Л. 1, 3-13 (нет л. 2).

3. Verz 199. То же самое. 13 л.

4. Verz 314. Xoyor yosun-luyā barildugsan suryaliiyn üge mutala erken kemeku (Трактат о двух принципах). 11 л.

5. Verz 317. Hoš yosuni abxu gëküyigi nomlogson sayān šel toli orošibo (Хрустальное зеркало, проповедующее два принципа). 10 л.

6. Verz 332. Amuyulang jiryalang amitan yarxuyin oron (amur ügei yerü ügei orcilong saba šimeyин аху yosun). Источник счастья и спокойствия живых существ (Высший закон мирского порядка). 5 л.

7. Verz 327. Беседа между бодхисаттвами и Эрлик-ханом, владыкой подземного мира. 7 л. (3-9).

8. Verz 312. Erii хануагси erdeni šastir (Шастра о драгоценности, исполняющей желания). 36 л.

IV. Ритуальные (обрядовые) сочинения Молитвы

1. Verz 70. Молитва-обращение к божествам гор Алтая. 2 л. Без названия.

2. Verz 412. Cогту jandan (Цогт зандн). 13 л.

3. Verz 415. Bodhi sadva-yin unal namancilaxui. Покаятельная молитва бодхисаттв (перевод Зая-Пандиты). 11 л. (8+3)

4. Verz 422. Itegel (Прибежище). Данное сочинение входит в число книг, переведенных Зая-пандитой Намкай Джамцо.

Воскурения (санги)

1. Verz 60. Erketü dëdü möngkө tenggeriyin sang (Санг в честь Высшего Вечного Неба). 5 л.

2. Verz 61. 17 л.

Здесь представлено 4 текста: 1) Erketü dëdü möngkө tenggeriyin sang (см. Verz 60); 2) Geseriyin sang (Санг в честь Гесера); 3) Sayan öböгöni sudur (Сутра Белого старца).

3. Verz 62. Sayan öböгöni sang (Санг в честь Белого Старца). 14 л.

Заклинания (тарни и тогтолы)

1. Verz 82. Arban yurban buyin togtöl. 3 л. Без названия.
2. Verz 83. Тарни против болезней и злых духов (без названия). 3 л.
3. Verz 204. Хамуq zedkeri tasulun arilyagči togtöl tarni (Закливание, уничтожающее все несчастья). Без названия. 6 л.
4. Verz 351. Фрагменты книги заклинаний (без названия). Л. 2, 3, 10, 14
5. Verz 376. Xutugtu xara ama kelen amurliulan üyiledügči togtöl orošiboī 'Закливание черного языка' (Перевод Заяпандиты). Л. 1-4, 8
6. Verz 436. Закливание злых сил. 4 л.

V. Гадательные (астрологические)

1. Verz 121. Астрологическая гадательная книга (без названия). 47 л.
2. Verz 90. Фрагмент гадательной рукописи. 5 глав. 11 л. (6-16)
3. Verz 91. Симптомы болезни и способы лечения в зависимости от характеристики (названия) дня начала болезни (без названия). 20 л.
4. Verz 115. Гадания. 8 л.
5. Verz 96. Астрологическая гадательная книга. 22 л.
6. Verz ms E6-405. Гадательная книга по буквам тибетского алфавита, времени рождения и т.д. (ka suburγan kiged süme burxani beyeyin šajin jarlig bayulxui)

VI. Пророчества (зарлики)

1. Verz 339. Boqdo žibzun damba xutugtuyin gegēni zarligiyin bičiq orošibū (Пророчество Богдо Джебзун-Дамба-хутухты). 1887 г. 9 л.
2. Verz 431. Bātur burxan bagši-yin zarliq. 5 л. Нет названия.

VII. Народная словесность

1. Verz 41. Geser khan-Epos (Legende vom Lama Erdeni und Geser Chan 'Легенды о ламе Эрдени и Гесер-хане'). Без названия. 11 л.
2. Verz 42. То же сочинение (из коллекции Юльга). 7 л.
3. Verz 168. Фрагмент рукописи «Сидди кюр» (гл. XI-XII). 19 л.

Издание 1904 года

В 1904 году «Петербургским учебным магазином» была издана книга под названием «Астраханский край» с подзаголовком «По родной земле», составителем которой являлась С.К. Круковская.

Книга Круковской состоит из восьми глав. Пятая глава полностью посвящена жизни и быту калмыков. Начинается она с «Калмыцкого базара»:

- А что такое «Калмыцкий Базар?» - спросил я.

- Калмыцкое становище в семи верстах от Астрахани, на правом берегу Волги. В нем – калмыцкий хурул с местопребыванием калмыцкого духовенства. Сюда калмыки приезжают для торговли, привозят скот – овец, баранов, лошадей и покупают соль, муку и прочее.

Далее в главе имеются следующие подразделы: «Внутренний вид кибитки», «Скачки», «Хурул», «Калмыцкая степь», «Скотоводство», «Пища калмыков», «Калмыцкие обычаи», «Свадьба», «Похороны». В других главах книги С.К. Круковской калмыцкая тема тоже представлена, хотя и не так широко.

Указывает составитель и на источники, которыми она пользовалась при подготовке этого издания. Они есть при каждой главе. При написании «калмыцкой главы» составитель использовала сведения известного русского журналиста Немировича-Данченко, его материал «По Волге».

И еще одно достоинство: книга богато иллюстрирована. Это касается и пятой главы. К сожалению, качество иллюстраций оставляет желать лучшего. Этот недостаток я решил восполнить почтовыми открытками, изданными по заказу России в далеком Стокгольме (Акционерное общество Гранберг), поскольку на них запечатлены картины жизни астраханских калмыков того времени: калмыцкий хотон; невеста, едущая в хурул и т.д.

Шоньета Калмыцкай Хууцан юу Хурууз

Астрахань

Иванов, Л. Шарфур.

Аши, С. ан Грабарь, С. Умеловск.

Невеста-калмычка, едущая в хурул

Астрахань
Astrachan

Труппа Калмыцкых детей — Gruppe von Kalmyckenkinderen

Иванов, Л. Шарфур
Иванов, Л. Шарфур

Группа калмыцких детей

Астрахань
Astrachan

Семья богатого Калмыка — Familie eines reichen Kalmyken

Семья богатого калмыка

Калмыцкая деревня
Kalmyckendorf

Астрахань
Astrachan

Иванов, Л. Шарфур

Иванов, Л. Шарфур, С. Умеловск.

Калмыцкий хотон

О станице Граббевской и не только о ней

*... чем глубже в десятилетия, тем меньше
осталось свидетелей, молва загасла и
затемнилось, а летописей нет...*
А. Солженицын, "Архипелаг ГУЛАГ".

Для углубленного изучения калмыцкого народа и его истории нужны научные монографии, посвященные отдельным субэтническим группам, улусам и станицам. Публикация таких трудов должна способствовать целостному познанию пройденных этапов различных компонентов калмыцкого народа. Книга П.Э. Алексеевой "Станица Граббевская (XVII век - декабрь 1943 г.). Исторический очерк" (Элиста: Калмыцкое книжное издательство, 1997) является первой такой монографией в калмыцкой историографии. Ее выход в свет надо горячо приветствовать в надежде, что в обозримом будущем найдутся историки, которые вплотную займутся обследованием других станиц, улусов и целых субэтнических групп.

Калмыцкое название этой некогда большой и богатой станицы являет собой пример неустойчивой орфографии ее имени: цөвднэхнэ (П. Алексеева), цөвднэknэ (П. Алексеева, К. Шовунов), цевдннэknэ (А. Борманджинов), цэвднэнкин (Б. Уланов), цевиднякин, цевидняхин, цевднякин, цевдякня и др. До 1877 г. будущие калмыцкие станицы на Дону назывались сотнями (таковых было 13), а их атаманы - сотниками. Первоначальный эпоним Цевднякинской сотни был некий Харьков, отсюда название Харьковская сотня. В 1877 г. прежние сотни были свернуты в 7 станиц, которым были присвоены имена бывших наказных и войсковых атаманов. Так, Харьковская сотня стала называться Граббевской станицей, хотя граф П.Х. Граббе прослужил донским атаманом всего лишь три года (1862-1865), в то время как граф М.И.Платов атаманствовал 17 лет (1801-1818), а генерал М.Г. Власов - 12 лет (1836-1848). По просьбе коренных жителей Граббевской станицы Войсковой съезд Войска Донского 24 апреля 1917 г. переименовал станицу Граббевскую в станицу Цевдненкинскую (ГАРО, ф. 301, оп. 10, д. 2001, л. 8). На том же л. 8 есть следующее постановление областно-

го правления Войска Донского от 3 мая 1917 г.: "О переименовании станицы Граббевской Сальского округа в станицу Цэвденкинскую".

П.Алексеева отмечает (с. 5) о выделении в 1905 г. хутора Батлаевского от станицы Денисовской в самостоятельную станицу Батлаевскую и хутора Беляевского от станицы Потаповской в станицу Беляевскую в 1910 г. Здесь будет небезынтересно дать хронологический обзор приобретения вновь статуса самостоятельных станиц прежних шести хуторов: Батлаевская 17.VI. 1905, Ново-Алексеевская 16.XII.1905, Чунусовская 12.11.1907, Эркетинская 11.XI.1908, Бурульская 22.XII.1908 и Беляевская 20.XII.1910.

Краткое предисловие (с. 3-7) содержит в сжатой форме немало интересного и неизвестного ранее исторического материала. Статистические сведения о численности калмыцкого населения на Дону по переписи 1920 г., приводимые разными источниками, показывают степень их расхождения: 10750 душ обоего пола (см. Труды Центрального статистического управления. Т. 18. Сборник статистических сведений по Союзу ССР, 1918-1923. М., 1924, с. 35; В.П. Шибаев. Этнический состав населения Европейской части Союза ССР. Донская область (в границах 1920 г.). Л., 1930, с. 149 (табл. 65). Несколько иные цифры мы находим в Статистическом справочнике по Северо-Кавказскому краю (Ростов-на-Дону, 1925, с. 27, 472): 10579 душ в Сальском округе (4472 мужчин и 6107 женщин) и 504 чел. в Донском, Морозовском и Донецком округах. Итого, 11083 чел., из них 4680 мужчин и 6343 женщины. "Донская экономическая жизнь", № 4 за 1920 г., с. 27 сообщает, что в Сальском округе от 35600 калмыков осталось не более 5000 чел., что, конечно, маловероятно.

Здесь не излишне проследить динамику населения 1-й сотни Верхнего улуса, известной как Харьковская сотня (за неимением места источники указываться не будут). К 1846 г. состояло 1281 душ мужского пола (в дальнейшем м.п.), а во всех трех улусах донских калмыков числилось 9413 м.п. По сведениям 1859 г. число жителей составило 2545 обоего пола (в дальнейшем об.п.), из них 1263 м.п. и 1282 ж.п., а кибиток - 672. Статистические сведения другого источника показывают небольшое расхождение: 2560 об. п., а кибиток 692. Всего в Калмыцком округе Земли Войска Донского 21406 об. п. Другой источник сообщает следующие данные: 21585 об. п., из них 10553 м.п. и 10732 ж.п., а кибиток в трех улусах 5701. К 1 января 1871 г. на-

считывалось 3389 об. п. из них 1676 м.п. и 1713 ж.п., а кибиток - 700. Всего в Калмыцком округе состояло 26136 об. п., из них 13039 м.п. и 13097 ж.п. По переписи 1873 г. эта сотня насчитывала 1321 мп. и 1316 ж.п т.е. всего 2637 душ. В ней были 462 кибитки и 91 двор. Последняя цифра свидетельствует о том, что в этой сотне стали уже переходить на оседлый образ жизни. Всего во всех трех улусах Калмыцкого округа было 20670 об. п., из них 10452м п. и 10218 ж.п. Другой официальный источник приводит, однако, несколько иные цифры: 2092 об. п. коронных жителей (1037 м.п. и 1055 ж.п.), а в трех улусах Калмыцкого округа 18084 об.п., включая 206 лиц духовного звания (9037 м.п. и 9047 ж.п.), и 169 чел. отсутствовавших во время переписи, т.е. всего 18253 об.п.

В 1897 г. была проведена первая всеобщая перепись населения Российской империи. Результаты ее по Области Войска Донского были опубликованы в Новочеркасске в 1905 г. в нескольких частях. Впервые приводится распределение населения станицы Граббевской и ее хуторов: станица Граббевская 437 чел. (222 м.п. и 215 ж.п., включая 30 лиц духовного звания); хутор Пандинский (или Пандя) 617 чел., (327 м.п. и 290 ж.п.); хутор Гашун 495 ч.; (240 м.п. и 255 ж.п.); хутор Худжурта (или Худжуртинский) 414 чел., (212 м.п. и 202 ж.п.); хутор Старохурульный (Хуучн хурл) 408 чел., (213 м.п. и 195 ж.п.); хутор Сухой-Савдинский (Сявдя) 100 чел. (51 м.п. и 49 ж.п.). Последний был хутором русских поселенцев. Итого, в этой станице с ее хуторами состояло 2471 коренных жителей-ламаистов (1265 м.п. и 1206 ж.п.). Согласно последнему по времени (1913) статистическому источнику, в Граббевской станице (с хуторами) состояли 5456 об. п., из них 2911 м. п. и 2545 ж.п. Всего калмыков в Сальском округе - 30611, из них 15994 м.п. и 14617 ж.п. (Памятная книжка Области Войска Донского на 1915 г. Новочеркасск, 1915, с. 9,88). Следует отметить, что более или менее значительные расхождения и противоречия в статистических данных характерны за все упомянутые годы (1846-1913).

П. Алексеева уделила вопросу о происхождении цевднякинцев должное внимание (с. 9-10). Она приводит мнение донского исследователя И.И. Попова, историка Н.Н. Пальмова, Ц.-Д. Номинханова, ее одностаничника, и П.С. Палласа. Трудно согласиться с доводами П.С. Палласа, Н.Н. Пальмова и Ц.-Д. Номимханова о том, что уроженцы Граббевской станицы являются потомками дербетовского владельца Далай Баатыр тайджи и его сына Солом-Цереиа Этот рецензент придерживается

того мнения, что эту славную и известную станицу (в прошлом сотню) составляли потомки Баахан-тайджи. Этому немаловажному вопросу им посвящены две специальные работы, опубликованные на английском языке в ж. "Mongolian Studies" XIV (1991), с. 41-80 и XVI (1993), с. 59-63.

Автор книги пишет (с. 10), что станичные атаманы и их два помощника избирались казаками и донскими калмыками на станичных сходах сроком на 3 года, что соответствует действительности. Среди станичных и хуторских атаманов было немало и неграмотных. Небезынтересно упомянуть имена известных нам атаманов 1-й сотни Верхнего улуса: 1736-1839 Калтыкан (Калтакин) Байчахинов (Байчагинов), см. ГАРО, ф. 309, оп. I, д. 85, св. 4, л. 37а; 1865-1869 Обшульда (Абшульда, Абшудда, Абшудода) Иванов, там же, ф. 353, оп. I, ед. хр. 150 - примеры неустойчивой орфографии имен калмыков, 1875 Дмитрий Муманжинов, 1876 Абшудда Иванов; 1877-1880 Купро Давинов; 1881 Эренжен Санжинов; 1882 Букта Васькин; 1882-1884 Немгир Манунинов. Установить имена их предшественников и преемников не удалось. Права автор книги, что "даты и очередность (атаманства) требуют уточнения" (с. 37, прим. 29), что видно из нижеследующего списка атаманов за последующие годы, которые, за исключением последних четырех атаманов, у П. Алексеевой и рецензента не совпадают: 1889-1896 Хөөче Б. Цуглинов; 1897-1901 Шаши (Александр) Ш. Муманжинов; 1902 вакансия; 1903-1905 Хөөче Б. Цуглинов; 1905 вакансия; 1906-1907 Алексей С. Эленов (Еленов); 1907-1914 Андрей (Азман) Батырев; 1914 вакансия; 1914-1915 Бембе (или Басан см. Памятную книгу Области Войска Донского на 1916 г., с. 93) С. Алексеев; 1915-1916 Хөөче Б. Цуглинов; 1917-1918 Савелий (Саявк) А. Пахомкин (1878-1937). Эти сведения заимствованы из опубликованных донских источников.

П. Алексеева правдиво написала о трех трагических бегствах донских калмыков от большевиков 1918-1920 гг., их чрезвычайных лишениях, страданиях, людских и материальных потерях (с. 11). Об этих трагических для донских калмыков событиях образно писал выдающийся калмыцкий писатель в изгнании Санджи Балыков в своих двух посмертных произведениях "Сильнее смерти" и "Девичья честь", которые были опубликованы в Мюнхене в 1976 и 1983 гг. соответственно ("Девичья честь" была переиздана в Элисте в 1993 г.). Английский перевод этих двух книг С. Балыкова был издан Монгольским обществом при университете штата Индиана 1989-1990 гг.

У донских калмыков существует довольно разветвленная система родственных отношений, так называемые "ясн". П. Алексеева перечислила названия этих родов в Граббевской станица (с. 26). Названия "ясн", записанные Ц.-Д. Номинхановым, нуждаются в дополнениях, исправлениях и уточнениях. Наиболее полный и выверенный список этих родов во всех 13 станицах донских калмыков составлен этим рецензентом и автором рецензируемой книги и будет опубликован в обозримом будущем.

Исключительный интерес представляет глава о хуруле Цевднякинського аймака "Арша ламин кит" (с. 27-36) Известный монголовед А.М. Позднеев утверждает, что этот новый хурул был воздвигнут в 1907 г. См. его рукопись "Докладная записка Министру внутренних дел П.А. Столыпину с отчетом о командировке А.М. Позднеева в калмыцкие улусы Астраханской и Ставропольской губерний и Области Войска Донского с целью изучения религиозного быта калмыцкого населения ." СПб., 1910, Рукописный отдел Российской Национальной библиотеки, ф. 590, ед.хр. 146, л. 68. Небезынтересно проследить очередность сменявших друг друга хурульных бакшей Граббевской станицы с конца 19-го века 1893-1897 Пурве Цуглинов, 1898-1903 Пурве Мантыков; 1904-1907 Абуша Цеденов, 1908-1909 Балдан Цебеков; 1910-1920 Абуша Т. Цеденов. Последний Цевднякинский бакша, как пишет П. Алексеева, жил на полулегальном положении в селе Шуста Западного улуса Калмыцкой АССР и умер там осенью 1942 г (с. 31).

Информация автора книги о станичных и хуторских училищах ее родного аймака чрезвычайно ценна, т.к. она приводит имена всех учителей, как калмыцких, так и русских. Среди них упоминаются ее дяди Абуша Апелевич Алексеев (1883-1948) и Эрдне Апелевич Алексеев (1892-1944), ее отец (с. 32). П. Алексеева дважды (с. 12, 32) упоминает бывшего учителя Басана Б. Кушлынова как эмигранта первой волны, вернувшегося с женой и сыном в 1927 г и затем репрессированного. В 1931 г. пишущий эти строки в 8-летнем возрасте был отправлен родителями из Белграда в Прагу для поступления в начальную русскую школу при тамошней русской гимназии. Первые несколько месяцев по приезде в Прагу я жил в семье Б. Кушлынова. По всей вероятности, он вернулся в 1932 г. с группой гимназистов старших классов и студентов.

О полковнике А.А. Алексееве можно было написать больше. Лишь чувством скромности автора книги следует объяснить

тот факт, что своему дяде она уделила всего три страницы (с. 39-41). Он был деловой человек *par excellence*¹. Как метко охарактеризовал С.Г. (псевдоним Ш.Н. Балинова) в своем некрологе полковника Алексеева: "Полковник Алексеев принадлежал к тому типу общественных работников, которые мало говорят, еще меньше рекламируют свою работу, но всегда что-нибудь делают и в большинстве случаев делают хорошо". (газ. "Обозрение", № 27. 21.1.1948, с. 5). Интересны сведения о полковнике Андрее А. Батыреве (с. 41-43). К сожалению, нам неизвестны даты его рождения и смерти. В 1907-1914 гг. он занимал должность атамана своей родной Граббевской станицы. В 1-ю мировую войну А. Батырев попал в плен к немцам. Из немецкого плена он, по всей вероятности, вернулся в 1918 г. Мы не располагаем достоверными сведениями о его участии в гражданской войне, во время которой он дослужился до чина полковника. Почти все годы изгнания он проживал в сербском селе Ясенове, в провинции Банат, в 65 км к северо-востоку от Белграда по прямой линии. Умер он там же в начале 1940-х гг.

Страницы 49-54 посвящены Церен-Дорджи Номинханову, настоящая фамилия которого Юнзуков. Они читаются с большим интересом. Кроме Юнзуковых во Франции, в сербском городе Велика Кикинда, в провинции Банат до сих пор проживают сын и три дочери покойного Доба Юнзукова, уроженца Граббевской станицы. С этой семьей я познакомился еще в 1960 г.

Особенно ценны и важны три приложения (с. 56-169), заключающие в себе поименные списки одностаничников автора книги. Эти списки граждан Граббевского сельсовета Ремонтненского района Сельского округа, изъявивших желание переселиться в Калмыцкую автономную область (1929), семей уроженцев Граббевской станицы, выселенных в 1943-1944 гг. из различных населенных мест в Ростовской области и Калмыцкой АССР в Сибирь и Среднюю Азию, и, наконец, уроженцев станицы Граббевской, ветеранов войны. При составлении этих списков П. Алексеева проделала поистине огромную работу. Приводимые ею в этих списках разные сведения очень ценны, т.к. они были добыты путем опроса родственников, земляков, односельчан и изучения доступных ей архивных данных. В большинстве случаев указан состав семьи. Есть сведения о погибших на фронте, умерших в пути следования и в местах ссылки, откуда выселены, где поселены и т.д. Иллюстрации в конце книги лишь обогащают этот фундаментальный труд.

Я не раз читал в элистинских изданиях, что Наран Э. Уланов был генштабистом. По правде сказать, он не был выпускником Академии генерального штаба. Таковым не был ни один калмык. Н. Уланов, не имевший формально среднего образования, был допущен в нее как вольнослушатель. Эренжен Л. Яманов умер осенью 1913 г. в возрасте 33-34 лет во время подготовки в Николаевскую Академию генерального штаба. Интересно сообщение автора книги, что известный донской войсковой конный завод Провальный в произношении калмыков назывался "Парвалин завод" (с. 37, прим. 3). Такое произношение закономерно, т.к. в калмыцком языке стечение согласных в начальном слоге (Провальный) недопустимо, а потому оно устранивается путем эпентезы. Для незнающих Баварию хочу отметить, что Фельдмохинг является северным предместьем Мюнхена (с. 41).

Рецензируемая книга П. Алексеевой – это уникальное издание, которое является результатом ее бескорыстного труда. Она, безусловно, приложила много сил в процессе сбора надежных источников информации не только о Граббевской станции. Такие изыскания помогут воссоздать целостную картину исторической жизни донских калмыков. Мы должны быть благодарны автору книги за ее превосходный исторический труд.

¹ *par excellence* (фр.) – в высшем смысле слова

Девяносто девять жемчужин

В начале этого года в Калмыцком книжном издательстве вышла книга "Калмыцкие трехстишия". Эта сравнительно небольшая по объему книга содержит 99 образцов калмыцких трехстиший, или триад - редкого афористического фольклорного жанра, образцы которого бытуют только у монголоязычных народов - калмыков, монголов и бурят. Книга подготовлена известным ученым-фольклористом Т.Г. Борджановой. Это второе издание сборника трехстиший: первое издание книги, вышедшее 15 лет назад, быстро разошлось и стало библиографической редкостью. Новое издание этого сборника ценно как для фольклористов, знатоков и ценителей духовной культуры калмыцкого народа, так и для всех желающих сохранить в памяти и передать потомкам вековую мудрость народа и красоту его живого слова.

В основу данного издания положен рукописный сборник калмыцких трехстиший Д.С. Сальмина – известного собирателя этого уникального жанра калмыцкого фольклора.

Во вступительной статье к сборнику Т.Г. Борджанова знакомит читателя с историей собирания и изучения калмыцких стихотворений-триад, их смыслом, структурой, формой бытования, рассказывает о художественных особенностях. Очень интересны отмеченные составителем факты включения стихотворений-триад в сказки в качестве загадок-испытаний.

Сами стихотворения-триады приведены на двух языках - калмыцком и русском. Это является гарантией того, что у публикации образцов калмыцкого фольклора число читателей значительно увеличится, а ученые-фольклористы получают возможность сверять русские переводы триад с их оригиналами на калмыцком языке.

В калмыцких трехстишиях-триадах, передаваемых из поколения в поколение многие века, выражается восхищение красотой окружающей природы, воздается похвала положительным качествам людей: мудрости, доброте, щедрости, правильному воспитанию, жестко осуждаются отрицательные качества людей - жадность, глупость. Иногда в них звучат нотки мягкого юмора или ядовитой насмешки, если того заслуживает предмет. Вряд ли кто-то из тех, кто возьмет в руки сборник калмыц-

ких трехстиший, останется равнодушным к таким стихотворным афоризмам:

Три темных - Темен хотон без овец, темен дом без лампы, темна душа без знаний.

Три из того, что худо - Худа стрела на излете, худ барс, потерявший силы, худы желания плохого человека.

Три из тех, кому недостает - Богачу сна недостает, Иноходцу жира недостает, дураку ума недостает.

Три коротких - Короток хвост намокшей птицы, коротка камышовая дудочка, коротки мысли льстеца и обманщика.

Три светлых - Вечер с полным месяцем светел, у мудрого думы светлы, юрта с прорехами светла.

Три крепких - Крепки корни дерева, крепки мысли умного, крепки когти горного ястреба.

Как уже было сказано выше, в книгу включено 99 трехстиший-триад. По-видимому, на сегодня это наиболее полное собрание удивительных образцов калмыцкой народной афористики. Однако хочется спросить - почему в книге 99 трехстиший, а не сто или больше? Здесь был бы нужен комментарий к каждому из вошедших в книгу трехстиший, в котором были бы отмечены исполнитель - тот от кого записан тот или иной образец, имя собирателя-фольклориста, сведения о более ранних публикациях, примеры отражения того или иного трехстишия в других фольклорных образцах. Досадно, что этот интереснейший материал, который наверняка имеется у составителя, - без этого работа над такой книгой была бы невозможна - остался за пределами данного издания. Наверное, к некоторым трехстишиям и в особенности к их русским переводам нужны были бы пояснения: не все знают, что такое "нутуг" или "хадак". Понятно, что для такого своеобразного и не слишком многочисленного фольклорного материала, как трехстишия, еще не выработаны принципы научной систематизации, которые определяли бы и последовательность размещения текстов в книге друг за другом. В том, как трехстишия расположены в книге составителем, наверняка есть своя логика, пробуждающая читательский интерес. Однако опять-таки приходится с некоторым огорчением отметить, что в сборнике нет ни тематического указателя, ни указателя трехстиший по ключевым повторяющимся словам (такой указатель мог бы быть алфавитным, и он может быть составлен отдельно для калмыцких текстов и для русских переводов). Нет в книге и оглавления, которое могло бы в какой-то мере заменить указатель текстов.

В одном случае можно усмотреть некоторую неточность в переводе калмыцкого текста трехстиший на русский язык. Название триады "һурвн мөр уга" переведено как "Три без дороги" (с. 35), в то время как точнее был бы перевод - "Три без следа", и соответственно текст триады выглядит так: "Лодка в реке плывет без следа, Горный беркут летит без следа, Пьющий, прожорливый, обманывающий человек - без следа". Связь этого трехстишия с загадкой о не оставляющей следа лодке, которая бытует у многих народов, настолько очевидна, что не требует специальных указаний.

В целом же о книге "Калмыцкие трехстишия", составленной Т.Г. Борджановой, хочется сказать одним словом - она замечательна. Это богатое, практически полное собрание, отличающееся высокой художественностью и глубокой мудростью образцов народной афористики калмыков, подготовленное высококлассным специалистом. Эта книга полезна всем - ученым-этнографам, фольклористам, историкам культуры, языковедам, педагогам, а легкость для чтения и доступность для понимания делают сборник трехстиший весьма привлекательным для самого широкого круга читателей. Особо стоит отметить то, что подобные книги, адресованные массовому читателю, обладают особым свойством и особым предназначением - они способствуют росту престижа этнической культуры калмыков и открывают возможность знакомства с ее богатствами для всех.

Г. Байер (1694 - 1738) и русское калмыковедение

В первые годы существования петербургской АН единственным академиком-филологом был уроженец Пруссии Готлиб (Теофил)-Зигфрид Байер, который занимал кафедру греческих и римских древностей и восточных языков. Он пробыл в России свыше десяти лет (1726 -1737).

Особенно Байер интересовался Китаем, хотя исследовательскую работу в России он начал с изучения истории скифов и их древнейших поселений, а также исторической географии России по Константину Багрянородному и скандинавским источникам¹.

Среди опубликованных на латыни работ Байера был цикл статей, в которых отражена история изучения монгольской и калмыцкой письменностей: "Elementa litteraturae Brahmanicae, Tangutanae, Mungalicae" ("Начала брахманического, тангутского и монгольского письма")²; "De litteratura magiurica"³ ("О манчжурской письменности"); "Elementa Calmucica"⁴ ("Начала калмыцкого").

Из сочинений Байера становится известно, что врач Даниил Мессершмидт из Гданьска, посланный Петром Великим в Сибирь, привез оттуда в 1727 году в Петербург "продолговатую тетрадь, содержащую на восьми разрозненных листах тангутские, монгольские и калмыцкие сочинения, выполненные, видимо, на корейской бумаге, которая очень похожа на шелковую ткань"⁵.

Далее Байер отмечает, что "манчжуры от монголов внешне отличаются, но произошли от далекого предка... те же, кто в просторечии зовутся калмыками не только обликом, но даже языком схожи с монголами. В их языках есть почти такое же различие как в наречиях Верхней и Нижней Германии. Хотя письменность у них всех одна и та же, в каждом из языков некоторые буквы либо опускаются, либо добавляются по склонности того или иного народа, разница также обнаруживается между буквами, написанных кисточкой или отпечатанных типографским способом". Байер подчеркивает, что калмыцкая письменность труднее монгольской⁶.

В сочинении "Elementa Calmucica" Байер сообщает, что впервые калмыки были описаны Н. Витсенем в сочинении "Северная и Восточная Тартария". Байер приводит роспись писа-

ря-калмыка по имени Лобсанг Иши, захваченного русскими, перешедшего в православие и получившего при крещении имя Василий Тимофеевич. Роспись имеет вид: Kalmatski ime Lobsang Ischi Oroski Krischtschona ime Basili Timofeef⁷.

Оригинальный текст

Elementa Calmucica

auctore T.S. Bayer

Superioribus in Commentariis litterarum Mangiuricam explicatam dedi. Nunc de Calmucica quaedam adiicenda indicavi tantummodo ut illius ab Mangiurica diversitas cognoscatur. Primum Calmucica quaedam in Nicolai Vuitseni opere inveni. Deinde Fridericus Grossius, collega noster, quem honoris caussa nomino, a legato Principis populi Songar elementa litteraturae huius Moscvae impetravit et ad me Petropolin transmisit. Ad extremum nactus sum haec elementa Grossianis ferme congruentia, scripta manu Lobsang Ischi. Is quondam scriba apud Songarenses fuit, unde captus a Russis christianae religione sese tradidit; ex quo nomen ei Basilii Timothei filius nunc est. Ultima littera *p*, omissa a Basilio, a legato autem descripta, plane est Tangutana finales quoque adiectae sunt in Schemate. Cetera ex collata litteratura Mangurica facile suppleri poterunt. Nomen Basilii subieci, hoc modo: Kalmatski ime (Calmucicum nomen) Lobsang Ischi, Oroski (Russice) Krischtschona (baptizati) ime (nomen) Basili Timofeief (Basilii Timothei filius). Haec Russica sunt, scripta litteris Calmucicis.

Русский перевод:

Начала Калмыцкого письма. (Калмыцкий алфавит)

В предыдущем томе Комментариев я дал описание манчжурской письменности, добавляя здесь кое-что о калмыцком письме, но лишь настолько, чтобы показать его отличие от манчжурского. Впервые я нашел нечто калмыцкое в сочинении Николая Витсена. Затем Фридрих Гросс, наш коллега, которого я с почтением упоминаю, добыл в Москве у посла княжества Зонгар их алфавит и переслал для меня в Петербург. Наконец я заполучил этот алфавит, соответствующий Гроссовому, написанному рукой Лобсанга Иши. Он некогда служил писцом у Зонгарцев, откуда будучи захвачен русскими в плен, принял христианскую веру, с какого времени имя ему Василий Тимофеев сын. Последняя буква *p* опущена Василием, но послом

записана явно тангутская, причем конечные буквы также добавлены на схеме. Остальные легко можно выполнить путем сравнения с манчжурским алфавитом. Я приложил имя Василия следующим образом: Kalmatski ime (калмыцкое имя) Lob-sang Ischi, Oroski (по-русски) Krischtshona (крещеного) ime (имя) Basili Timofeief (Василий Тимофеев сын) . Это по-русски записано калмыцкими буквами.

¹ История Академии наук СССР. Т. 1 (1724-1802). М.-Л., 1958

² Commentarii academiae scientiarum imperialis petropolitanae, tomus III, ad annum 1728, СПб , 1732

³ ibidem, tomus VI

⁴ ibidem, tomus VII

⁵ Commentarii academiae scientiarum imperialis petropolitanae, tomus III, ad annum 1728, СПб , 1732

⁶ ibidem, tomus VI

⁷ ibidem, tomus VII

Сведения об авторах

Алексеева Прасковья Эрдниевна, главный библиограф научной библиотеки КИГИ РАН

Артыкбаев Жамбыл Омарович, доктор исторических наук, профессор, декан исторического факультета Карагандинского государственного университета

Бадгаев Николай Боктаевич, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник КИГИ РАН

Бадмаева Герля Юрьевна, кандидат искусствоведения, научный сотрудник КИГИ РАН

Бадмаева Саглара Сергеевна, младший научный сотрудник, аспирант КИГИ РАН

Бакаева Эльза Петровна, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник КИГИ РАН

Басхаев Арлтан Николаевич, кандидат исторических наук, научный сотрудник КИГИ РАН

Батырева Светлана Гарриевна, кандидат искусствоведения, зав. научным музеем калмыцкой традиционной культуры им. Зая-пандиты КИГИ РАН

Бачаева Саглара Егоровна, младший научный сотрудник, аспирант КИГИ РАН

Борджанова (Басангова) Тамара Горяевна, кандидат филологических наук, зав. отделом литературоведения и фольклористики КИГИ РАН

Борисенко Иван Васильевич, кандидат исторических наук, старший научный сотрудник КИГИ РАН

Борманджинов Араш, действительный член Нью-Йоркской академии наук

Бурыкин Алексей Алексеевич, доктор филологических наук, старший научный сотрудник ИЛИ РАН, Санкт-Петербург

Гедеева Дарина Бадмаевна, кандидат филологических наук, зав. отделом монголоведения КИГИ РАН

Максимова Милана Игоревна, младший научный сотрудник Института естествознания, науки и техники РАН, Санкт-Петербург

Монраев Михаил Убушаевич, доктор филологических наук, ведущий научный сотрудник КИГИ РАН

Музраева Деляш Николаевна, кандидат филологических наук, и.о. ученого секретаря КИГИ РАН

Мушаев Владимир Наранович, кандидат филологических наук, доцент Калмыцкого государственного университета

Намжавин Содмон, старший преподаватель Калмыцкого государственного университета

Омакаева Эллара Уляевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник КИГИ РАН, докторант восточного факультета СПбГУ

Очирова Нина Гаряевна, кандидат политических наук, директор КИГИ РАН

Сабрукова Светлана Санджиевна, кандидат филологических наук, Санкт-Петербург

Харчевникова Роза Пюрвеновна, доктор филологических наук, профессор Калмыцкого государственного университета

Харькова Светлана Сергеевна, кандидат филологических наук, старший научный сотрудник КИГИ РАН

Научное издание

Монголоведение №1

Подписано к печати 26.07.2002 г.
Формат 60х84/16. Печать офсетная.
Усл. печ. л. 11,63. Тираж 300 экз.
Заказ 2745.

ЛР № 010169 от 07.02.97 г.
АПП "Джангар", 358000,
г. Элиста, ул. Ленина, 245.